

КОРОЛЕВА ЛЕБЕДЬ

ЛИТОВСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

К ОРОЛЕВА ЛЕБЕДЬ

КОРОЛЕВА ЛЕБЕДЬ

ЛИТОВСКИЕ
НАРОДНЫЕ
С.К.А.З.К.И.

82. ЗЛи-6
К68

Текст печатается по изданию
КОРОЛЕВА ЛЕБЕДЬ
Вильнюс, «Вага» 1965

Составила
АЛДОНА ЛЁБИТЕ

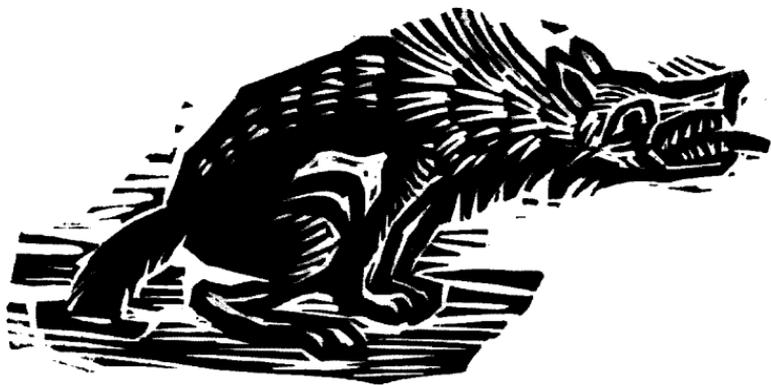
Иллюстрации
АЛБИНЫ   МАКУНАЙТЕ

К $\frac{4803390104 - 008}{M 856(08) - 87}$ 120 — 88

КАК ПЕШУХ БАРСКИЙ!

ЗАВОРЯВОРИХА

ВОЛК И ЛИСА

егут волк с лисой по лесу мимо силка. А к силку гусь подвешен. Давненько звери не ели, проголодались, но лиса на гуся и краем глаза не глянула.

— Чего зеваешь, кумушка? Не видишь — гусь! — спрашивает волк.

— Среда нынче, вот я и пощусь, мясного не ем, — отвечает лиса.

Волк вспомнил, что сам он постов не соблюдает, ест мясо, когда не попадись, прыгнул на гуся — и повис в силке.

Тогда лиса смело подобралась к гусю и принялась за него, так что косточки захрустели.

— Кумушка, да ведь нынче пост, — попрекнул ее полуживой волк.

— Тому и пост, кто лапами земли не достает, — отвечала ему лиса.

ЛИСА, ДРОЗД И ВОРОНА

В лесу, на ели, свил себе дрозд гнездышко и снес пять яичек, а из них вывел он пять птенцов.

Прибежала лиса и говорит:

— Дрозд, дрозд, подавай мне птенцов, не то ель подрублю.

— погоди, дай моим детушкам подрасти! Смилуйся, лиса, не подрубай ель.

— Кинь мне одного птенца, тогда не стану рубить.

Что делать дрозду — кинул ей птенца, а лиса схватила его и унесла. Съела лиса дрозденка и опять прибежала грозить. Дрозд кинул ей другого птенца.

Горько плакал дрозд, отдавая лисе четвертого дрозденка, ведь остался у него единственный птенец. Прилетает ворона — добрая душа — и спрашивает:

— Дрозд, дрозд, чего ты так плачешь?

— Как мне не плакать, — отвечает дрозд, — когда лиса всех моих детушек унесла.

— А зачем ты ей дал? — спросила ворона.

— Грозила ель подрубить, коли не дам.

— Ты ее не бойся, а скажи так: руби знай. Только чем ты рубить будешь?

Сказала это ворона и улетела.

Прибежала лиса и говорит:

— Дрозд, дрозд, отдай птенца, не то ель подрублю.

— Руби, руби, — ответил дрозд, — погляжу, чем ты рубить станешь.

Лиса стукнула раз-другой хвостом по стволу. Видит, что дрозд не испугался, и спрашивает, кто научил его таким словам.

— Борона — добрая душа, — важно ответил дрозд.

Обозлилась лиса на ворону и решила попомнить ей это. Выбежала на опушку, где порхала ворона, и легла на виду, притворилась мертвой. Увидев неживого зверя, ворона тотчас слетела, села возле лисы и давай каркать, созывать на пир воронье семейство. Лиса ее цап, поймала и собралась уж съесть, да ворона взмолилась:

— Что хочешь делай, только не делай того, что старик со старухой сделал.

— А что он с ней сделал? — любопытствовала лиса.

— Взял старик бочонок без дна, посадил туда старуху и до тех пор катал, покуда у ней все косточки рассыпались.

Лиса поскорее сунула ворону в бочонок без дна, чтобы у нее косточки рассыпались, а ворона, надо полагать, и по сей день жива-невредима, над лисой посмеивается.

КАК ЛИСА ВОЛКУ ШУБУ ШИЛА

Идет волк вдоль опушки, а дятел дерево долбит. Поглядел волк на дятла и спрашивает:

— Дятел, а дятел, ты вот зимой и летом долбишь, а сапог себе надолбить не можешь!

— Не нужны мне сапоги. А ты, волк-живодер, овечек дерешь и дерешь, а как зима наступает — забнешь, не можешь себе шубу сшить.

Вспомнил волк, как у него зимой от холода зуб на зуб не попадает, пригорюнился, идет — плачет. А навстречу ему — лиса. Спрашивает лиса:

— Чего плачешь, кум?

— Как мне не плакать, если дятел говорит: «Волк-живодер, овечек дерешь и дерешь, а шубу себе сшить не можешь».

— Было из-за чего плакать! Сошью тебе шубу, кум, только принеси мне овечку.

Пошел волк, задрал овечку и лисе приволок.

— Приходи завтра, будет тебе шуба готова, — говорит лиса.

Слопала лиса овечку, по травке катается, на солнышке греется.

Пришел волк.

— Ну, лиса-краса, готова моя шуба?

— Шуба-то готова, только вот на воротник не хватило.

Вот бы лошадиную шкуру на воротник достать...

— Откуда же ее взять? — спрашивает волк.

Лиса и говорит:

— Тут недалеко пасется знатный жеребец, вот из него и выйдет воротник. Возьми только оброть, и пойдем! Ты его попридержишь, а я вырежу, сколько на воротник нужно.

Подошла лиса к жеребцу и давай ножницами за ушами щелкать, а волк оброть на него накинул. Ну, а жеребец как понесет с испугу, как потащит волка, у того шерсть дыбом встала. Кричит лиса:

— Кум, держи жеребца, — еще не отрезала!

Волк было отпустил оброть, да сам в ней и запутался. Тащит жеребец волка прямо к дому.

— Кум, за ворота хватайся! — кричит вдогонку лиса.

Некогда волку за ворота хвататься, у него уж кости трещат. Так и не досталась ему шуба, что лиса шила.

МУЖИК, ЛИСА И ВОЛК

Зимней порой ехал мужик с базара, вез полную бочку селедок. Учюяла лиса рыбный запах, догнала мужика и просит:

- Подвези меня немного.
- Не могу, — говорит мужик, — и так тяжело.
- Позволь хоть одну лапку на сани положить.
- Ну, уж одну положи.

Немного погодя лиса опять просит:

- Позволь и другую лапку на сани положить!
- Ну, уж положи и другую, — говорит мужик.

Выклянчила у него лиса позволение и третью лапку на сани положить, а потом стала просить, чтобы подвез и четвертую.

Мужик говорит:

— Ишь ты какая, сама хочешь в сани забраться. Так и лошадь не вытянет.

— Что ты! — вскинулась лиса. — Я совсем не хочу в сани влезать! Довези только мне лапки и хвостик, а уж сама я и пешочком дойду.

Усмехнулся мужик и говорит:

— Ну, уж клади на сани все свои лапки и хвост, а сама позади беги.

Забралась лиса в сани, все селедки из бочки на дорогу повыкинула и сама неприметно выскочила. Собрала селедки, отнесла к лесу и стала их уплетать. Откуда ни возьмись — волк. Видит — лиса селедки ест.

— Здорово, кумушка, — говорит ей. — Где ты столько рыбы взяла?

— Наловила, — говорит лиса.

— Дай и мне попробовать, кумушка.

Лиса кинула волку самую маленькую селедку.

— Дай еще, кумушка, — просит волк. — Уж очень у тебя рыбка вкусная!

— Не могу, сама голодная... Пойди да налови!

— А где ты ловила? — спрашивает волк.

— Сейчас покажу, мне не жалко.

Вечером, когда все уснули, лиса повела волка в деревню. Остановилась у пруда и говорит:

— Если хочешь наловить рыбы, опусти хвост в прорубь и держи его до тех пор, покуда рыба на него не нацепится.

Опустил волк хвост в прорубь и ждет. Начал у него хвост замерзать. Волк не выдержал и говорит:

— Кумушка, не могу больше терпеть, — вытяну хвост.

— Терпи, кум, терпи. Еще только мелкая рыбешка ловится.

Прошел час. Волк опять говорит:

— Ах, кумушка, очень мне худо. Хвост совсем замерз. Вытяну его.

— Терпи, кум, терпи, покуда крупные рыбины не попадутся.

Терпел волк, терпел, прорубь и замерзла. Уж светать стало. Волк и говорит лисе:

— Ну, теперь можно вытягивать?

— Пора уж, — отвечает лиса.

Стал волк тянуть хвост, а вытянуть не может.

— Кумушка, ты мне хвост приморозила! — завыл он не своим голосом.

— Что ты, сударь! — оправдывается лиса. — Это крупные рыбины нацепились, оттого и не можешь его вытянуть.

Как волк ни старался, как ни тянул — хвост ни с места. А лиса отбежала от пруда и кричит на всю деревню:

— Бегите, бегите, люди! Волк всю вашу рыбу переловит.

Подняла она переполох. Сбежались бабы со всей деревни

волка бить: кто с заслонкой, кто с метлой, кто с кочергой, кто с головешкой, кто со скалкой, кто с вальком. Увидел волк столько баб, испугался, понял, что не сдобровать. Завертелся вьюном, потянул что было сил хвост. Хвост и оборвался. Покуда волк не убежал, получил от баб по бокам. И хвост остался в проруби, вместе с рыбой.

Бежит волк, от страха воет. Ищет лису — хочет отомстить за обиду.

А та обегала опустевшие избы, обшарила печки. Набрала жареных колбас, надела на шею, отнесла их на запорошенный снегом стог сена и ест.

Нашел ее волк по вкусному запаху и спрашивает:

— Ах, кумушка, зачем ты меня обманула? И хвоста я лишился, и рыбы не получил.

— Я, что ли, обманула? — удивилась лиса. — Надо знать, как рыбу ловить!

— А что это ты ешь такое вкусное? Дай и мне кусочек, — глотает слюни голодный волк.

— Сама я голодная, куманек. Вот вытягиваю свои кишочки и ем. На, попробуй.

Бросила лиса кусочек колбасы. Волк мигом его проглотил — нечего сказать, вкусно!

— А я могу свои кишочки попробовать? — спрашивает он.

— Можешь, можешь. Вспори клыками брюхо и тяни.

Вспорол волк свое брюхо, но ему так и не довелось попробовать кишок — сразу издох.

А лиса долго еще спасалась своими уловками, покуда человек не сшил из ее шкуры шапку.

ЛИСЬИ САНОЧКИ

В

ил дед вожжи, пекла баба пышки. Говорит дед бабе:

— Баба, баба, положи пышку на печку, пускай остынет!

Баба не кладет. Дед опять:

— Баба, баба, положи пышку на окно, пускай остынет!

Баба не кладет.

— Баба, баба, положи пышку на порог, пускай остынет!

Положила баба. А пышка давай бежать, давай катиться.

Баба — за кочергу, дед — за вожжи, гнались-гнались, не догнали. Катится пышка, катится, а навстречу ей прачка. Говорит ей пышка:

— Гналась баба, гнался дед,
Гонись и ты!

Прачка вальком — хлоп-хлоп! — гналась за ней, гналась, не догнала. Повстречала пышка пахаря и говорит:

— Гналась баба, гнался дед,
Гналась прачка деду вслед,
Гонись и ты!

Гнался пахарь, гнался, не догнал. Повстречала пышка возницу и говорит:

— Гналась баба, гнался дед,
Гналась прачка деду вслед,
Гнался пахарь, не догнал,
Гонись и ты!

Фьют, фьют! — щелкнул кнутом возница, гнался-гнался, не догнал.

Повстречала пышка лису и говорит:

— Гналась баба, гнался дед,
Гналась прачка деду вслед,
Гнался пахарь, не догнал,
И возница не поймал,
Гонись и ты!

Спрашивает лиса:

— Что говоришь? Я на одно ухо не слышу, на один глаз не вижу, подойди поближе!

Только подошла пышка, а лиса прыг — схватила ее, мякиш выела, опять залепила и дальше идет.

Видит — пастухи стадо пасут. Лиса им и говорит:

— Пышку на барашка не променяете?

Говорят пастухи:

— Променяем!

Променяли они барашка на пышку. Пошла лиса в лес и говорит:

— Полозья из дерева кривого,
Копылья из дерева прямого!

И сделались сами собой сани. Тогда запрягла лиса барашка и говорит:

— Бот и пышку променяла
На кудрявого барана!

Едет лиса, едет, глядь — навстречу волк. Говорит волк:

— Кума-лиса, подвези меня.

— Да ты мне саночки сломаешь.

— Не сломаю, хоть одну лапу подвези!

— Ладно, клади, — согласилась лиса.

Положил волк одну лапу и опять просит:

— Подвези и другую!

— Да ты мне саночки сломаешь.

— Не сломаю.

— Ладно, клади.

Положил волк другую лапу, просит и третью подвезти, а там и четвертую. Затрещали саночки. А волк опять плачется: мол, хвост у него по земле волочится. Рассердилась лиса:

— Клади хвост и сам садись, что с тебя взять!

Забрался волк, уселся половчей, а саночки трах! — и развалились.

Говорит лиса волку:

— Теперь сам сделай мне санки.

— Да я, кумушка, не умею...

Научила его лиса, как надо сказать, чтобы саночки сами собой сделались.

Пошел волк в лес и говорит:

— Полозья из дерева прямого,
Копылья из дерева кривого!

А саночек нет как нет.

Вернулся волк к лисе и говорит:

— Да они не делаются.

Просит его лиса:

— Пригляди за моим барашком!

Пошла она в лес и говорит тонким голоском:

— Полозья из дерева кривого,
Копылья из дерева прямого.

И сделались сами собой санки.

Тем временем волк задрал барашка, выел у него все потроха, натолкал внутрь моха, зашил и в лес убежал. Притащила лиса санки, глядь, а волка и нет. Запрягла она барашка и говорит:

— Но-но!

В санки запряженный,

У пастухов выменянный!

Только стоит барашек и ни с места. Поглядела лиса, а он мохом набит.

ЛИСА, ВОЛК И ЗАЯЦ

Ж

ил один крестьянин возле самого леса. Захотел он однажды поймать волка. Выкопал в лесу глубокую яму. Посредине ямы врыл столб так, чтобы его верхушка немного выдавалась над ямой. Прикрыл он яму хворостом, соломой и присыпал снегом. К верхушке столба привязал утку. Днем ее отвязывал, а на ночь опять привязывал, чтобы она своим кряканьем приманивала волка.

Услышал волк утку, наострил уши. Прислушался еще и побежал в ту сторону, а утка все крякает. Подбежал, понюхал, нет ли близко человека, смело набросился на утку. Прыгнул — и провалился в яму, прямо искры из глаз посыпались. Испугался бедняга — чуть ведь шею не сломал. Цепляется за края ямы, а выкарабкаться не может. Пригорюнился, присел у стенки и ждет конца.

На заре скажут по лесу гончие по заячьему следу. Побежал серый против ветра, не заметил ямы и свалился прямо волку на голову. Волк перепугался и завыл, заяц тоже заверещал с испугу.

Теперь в яме очутилось двое. Один сидит в одном углу, другой — в другом.

Услышала утку и лиса. Побежала в ту сторону. Глядь — утка на столбе, а вокруг столба — глубокая яма. И сидят в этой яме волк и заяц. Усмехается лиса и говорит:

— Здравствуйте, кумовья! Кто вас сюда загнал?

— Да вот, соседка, — отвечает волк, — слышу я ночью, утка крикает, поспешил к ней, хотел полакомиться, а тут западня оказалась. Прыгнул и провалился.

— А за мной собаки гнались, — жалуется зайчик, — побегал я сломя голову, а тут еще снег мне глаза залепил. Вот и не заметил ямы — попал в нее.

Перепрыгнула лиса через яму, смеется над бедой волка и зайца:

— Отчего же я не попадаю в яму, а вы оба провалились? А потому я не попадаю, что я святая! Я святая! Я святая! Это только святые в яму не попадают!

И стала она прыгать через яму, стараясь на лету схватить привязанную к столбу утку. Прыгала-прыгала и угодила в яму.

Теперь в ней сидели трое. Волк поздравил лису:

— Ну, кумушка, и ты, пресвятая, попала в яму!

Лиса отвечает:

— Это проклятая лапа зацепилась за столб и меня втянула в беду.

Вот сидят они, глядят друг на друга. Лиса и спрашивает волка:

— Кум, ты о чем думаешь?

— У меня сто мыслей в голове, — отвечает волк.

— А ты, кум, о чем думаешь? — спрашивает лиса зайца.

— У меня тоже сто мыслей в голове, — вздрагивает зайчик.

— Ну, кумушка, а ты о чем думаешь? Теперь ведь мы все пропали, — говорит волк.

— А у меня в голове одна мысль, да хорошая, — отвечает лиса. — Чего мы сидим пригорюнившись? Давайте-ка петь!

И запели. Волк воет: у-у, у-у, у-у, лиса лает — гау-гау, а зайчик верещит — кве-кве. Такая тут музыка пошла! Повыли часок, приутихли. Лиса услышала, что к яме идет человек, и говорит:

— Вон человек идет. Давайте прикинемся мертвыми.

Так и сделали: вытянулся волк на дне ямы, словно бы из-

дох, повалился заяц на бок, словно бы и не дышит, упала лиса на волка, как неживая.

Подошел человек, поглядел в яму и видит — все трое лежат мертвые. Он и думает: «Что же это приключилось? Только что выли, а тут вдруг подошли? Верно, перед смертью так выли?»

Слез он в яму и сперва ощупал лису. Чует, что она еще теплая, и говорит сам себе: «Ну, лисонька, ты еще теплая, твоя шкура хороша будет на шубу, а мясо достанется собакам». И выбросил ее из ямы.

Только лиса упала на землю, как отскочила шагов на десять, обернулась к человеку и говорит:

— Ищи ветра в поле. Не видать тебе шубы из моей шкуры! — сказала и побежала в лес.

Человек только рот разинул.

— Ах ты, гадина! Кабы знал я, что ты живая, сразу бы тебя убил. Твое счастье, что ты такая хитрая! — рассердился он.

Принес человек Дубину и убил волка с зайцем.

Потом приехал на санях, вытащил их из ямы, привез домой и снял шкуры. А лиса как говорила, так и вышло:

— У меня в голове одна мысль, да хорошая.

Так она благодаря своей хитрости и уцелела.

О ТОМ, КАК ЗАЯЦ С ВОЛКОМ СУДИЛСЯ

дет однажды заяц с пирушки и горланит что есть мочи:

— Ух, до дому не дойду!

— Вот окаянный! Как ты, кум, меня напугал! — говорит волк, вылезая из бурелома, — теперь я тебя съем!

— Ой, не ешь меня, куманек, не ешь, я пьяный был, себя не помнил, — просит заяц.

— Что же, есть я тебя не буду. Пускай нас завтра суд рассудит.

Побежал заяц свидетелей искать. Ищет, ищет, никак найти не может. Забрался он в огород капусты погрызть и увидел там кота. Стал просить кота пойти в свидетели. Кот согласился. Идет заяц со своим свидетелем, а навстречу им петух. Заяц давай и петуха упрашивать, чтоб в свидетели к нему пошел. Петух согласился. Идут заяц, кот и петух дальше и видят, стоит на опушке козел, травку пощипывает.

— Куда бежишь, зайчишка? — спрашивает козел.

— У меня суд с волком, я свидетелей нашел и бегу в суд.

— Возьми и меня в свидетели, — говорит козел.

— Ладно, пойдем, — отвечает заяц, и все вместе отправились на суд.

Идут они, а там уж волк с медведем ждут не дождутся зайца со свидетелями. Волк велел медведю влезть на дерево и посмотреть, не идет ли заяц. Медведь влез и кричит ему сверху:

— Идут! С косами, с ножами, с топорами, а за собой длинные хворостины волокут. Забьют нас насмерть. Я, пожалуй, лучше с дерева слезать не буду.

— А мне куда деваться? — спрашивает волк.

— Заройся в валежник и сиди, покуда не уйдут. Зарылся волк в валежник и лежит там. Приходят заяц, кот, петух и козел на суд, видят — нет никого. Кот и говорит:

— Ничего, разыщем!

Петух как раскричится:

— Не сдадимся, не сдадимся!

Козел блеет:

— То были, то нет, то были, то нет!

Кот смотрит — в валежнике шевелится что-то. Он подумал, что это мышь, не утерпел и цап волка за хвост. Волк с перепугу как выскочит, да как даст стрелка! Петух напугался и взлетел на дерево. А там медведь притаился. Медведь решил, что пришли его убивать, кинулся с дерева вниз и разбился насмерть.

Видит заяц, что волка и след простыл, а медведь разбился, и говорит:

— Вот и суда как не было.

И заяц со свидетелями вернулись домой.

АИСТ И ЦАПЛЯ

или на одном болоте аист и цапля. Наскучило висту жить в одиночку и решил он жениться. А решившись, пошел по болоту за три версты: шлеп-шлеп-шлеп — вышагивает. Добрел до цаплина дома, постучался и говорит: — Цапля, цапля, хочу я на тебе жениться. Будешь моей женой?

Поглядела цапля в окошечко и, не открывая дверей, отвечает:

— Очень уж ты неказист, аист; ноги — одни кости, чересчур весь тощий, неловкий, никакой в тебе удали нет. Нет, не пойду за тебя, аист. Мне еще не к спеху, подожду.

Устыдился аист, получив такой ответ, и побрел домой через болото: шлеп-шлеп-шлеп...

А как ушел он, стала цапля думать, и вот что надумала: «Какой ни на есть этот аист, а все же мужчина. Ноги хоть и костлявые, зато красные, а что длинные — это и выгодно, когда живешь на болоте, не то перья замараешь. Да и всем он хорош: когда летает, крыльями ловко так машет, не одна еще позавидует, коли я заполучу такого жениш-

ка. Ну и дура я: такой парень присватался, а я отказала! Замужем мне во сто раз лучше будет, чем одной, в девках. Пойду-ка я сама к нему, повинюсь, и пускай берет меня в жены».

И пошла цапля к аисту, щеголевато хлюпая по болоту: хлюп-хлюп-хлюп... Пришла, постучалась к аисту и говорит:

— Подумала я, что нехорошо поступила, отказав тебе, соседushка. Ты добрый, пригожий парень, потому я и пришла к тебе: бери меня в жены, вдвоем жить веселей.

— Когда я сватался — ты отказала, вот и уходи ни с чем. Найду жену и без тебя, может, еще и покрасивее.

Устыдилась цапля, клюв повесила и поспешила домой: хлюп-хлюп-хлюп...

Тем временем успел отойти аист и стал ругать себя за то, что отказал цапле: «Хороша пташечка, эта цапля, сама пришла, понапрасну я на ней не женился».

И опять побрел по болоту к цапле: шлеп-шлеп-шлеп... Цапля не стала пускаться в разговоры, не пошла за него, а когда уж аист поплелся назад не солоно хлебавши, цапля пригорюнилась:

— Больше уж не годится в девках сидеть. Как бы его другая цапля не увела из-под носа. Пойду, повинюсь, может, сладимся.

Так они никак не сговорятся, и по сию пору друг к дружке ходят.

КОТИК И ПЕТУШОК

Жили-поживали в дремучем бору рябой петушок да серый котик. Пошел как-то котик за горы и доли — скрипочку мастерить. А петушка оставил дом стеречь — посадил его на печь и строго-настрого наказал никого в избу не впускать.

А тут, откуда ни возьмись, подкралась лиса. Постучала в дверь и говорит умильным голоском:

— Петушок, петушок, что ты варишь, что ты жарешь? Больно уж вкусно пахнет у твоей избушки. Дай и мне полакомиться!

— Что ни варю, что ни жарю, сам все приберу, — ответил петушок.

— Петушок, петушок, отвори мне дверку, горят мои рученьки, мерзнут мои ноженьки.

— Да я высоко сажу...

— А где?

— Да на печи.

— А ты соскочи с печи на шесток, с шестка на приступочку, а с приступочки наземь.

Соскочил петушок, отворил дверку.

Лиса цап петушка! — и утащила.

Тащит лиса петушка, а он кричит-надрывается:

Котик серый,
Догоняй,
Петушка ты
Выручай!
Кума-лиса
Мне хвост дерет,
Кума-лиса
Меня несет
Через горы
И долины,
Через рощи
И равнины...

А котик был тут же, за горкой. Услыхал он петушиный голос, примчался на выручку и отнял у лисы петушка. А потом строго-настрого приказал:

— Сиди на печи и никому дверь не отворяй. Я ухожу за дальние горы скрипочку мастерить. Не послушаешься — раскаешься. Теперь я крика твоего не услышу.

Не успел и след его простыть, опять лиса прибежала.

— Петушок, петушок, отвори мне.

— Да мне котик не велел никого впускать.

— А ты и не впускай. Я пришла корытце попросить. Вот боровка заколола, тебе свежинки лакомый кусочек принесла. Приотвори дверь, подай корытце.

Приотворил дверь петушок, а лиса цап его! — и потащила.

Кричит петушок, слезами обливается:

Котик серый,
Догоняй,
Петушка ты
Выручай!
Кума-лиса
Мне хвост дерет,
Кума-лиса
Меня несет
Через горы
И долины,
Через рощи,
И равнины...

Услыхал его котик, тут же прибежал и отобрал у лисы. Привел домой и стал бранить:

— Теперь ухажу я за тридевять гор скрипочку мастерить. Как ни зови меня, не услышу. Смотри, никого не впускай.

Взлетел петушок на печь, зажмурился и задремал. А лисонька уж тут как тут, за избой притаилась. Стук-стук лапкой в дверь и говорит умильным голосом:

— Петушок, петушок, ты только погляди в окошечко, что на опушке творится! Пришли мужики, рассыпали горох, все горох клюют: и куры, и воробьи, и все птахи. Все клюют, одного тебя нет. Мне прямо жалко...

— Мели-мели, язык-то без костей, — сказал петушок. — Все равно не послушаюсь тебя.

— А ты и не слушайся. Вылети в окошко на двор, мы с тобой славно покружимся!

Не утерпел петушок и вылез в окошко, покружились они, покружились, а лиса цап петушка за крыло, взвалила на загорбок и потащила.

И опять запричитал петушок:

Котик серый,
Догоняй,
Петушка ты
Выручай...

Зовет, кричит петушок, а котик за тридевятью горами ничего не слышит. Притащила лисонька петушка в свою нору, привязала к жерновам и приказала горох молотить.

Пришел котик со скрипочкой домой, а петушка и нет. Походил он, походил вокруг избушки и видит — одни перья валяются. Взял котик мешок, прихватил свою скрипочку и пошел петушка вызволять. Прибежал к лисьей норе, заглянул в щелочку, видит — мелет петушок горох, а лисички пироги пекут.

Заиграл тут котик на скрипочке и запел веселую песенку:

На лужайке, на полянке
Шесть лисичек, шесть сестричек,
А седьмой-то петушок
Крутит-вертит жерновок.
Шесть лисичек, шесть резвушек

Краше всех лесных зверушек,
Будет их лисица-мать
Пирогами угощать.
Подойди, кума, к окошку,
Дай отведать хоть немножко!

Услыхали лисички, пироги побросали, спешат поглядеть, кто это так искусно играет. Высунулась одна лисичка из норы, а котик цап ее — и в мешок. Высунулась другая — они эту. Так и забрал всех лисичек-сестричек. Вылезла старая кума-лиса поглядеть, куда это детушки подевались, и сама в мешок угодила.

Забрался котик в лисье логово, отвязал петушка, созвал добрых соседей и задал пир на весь мир! И вкусные же пироги ели там!

П

ЛИСА И ГОРШОК

Пошла женщина в поле и взяла с собой кувшин молока. Время было жаркое, вот она и поставила кувшин под кустик, в холодок. Случилось мимо того куста пробегать лисе, и очень ей захотелось пить. Учюяла она молоко, сунула голову в кувшин и все вылакала. Женщина за работой и не заметила, что делается возле ее кувшина. Лиса всунуть-то голову всунула, а вытащить из

кувшина не может. И так повернет голову, и сядь, и задерет, и опустит — не вытащить, да и только. Видя, что ничего у нее не выходит, стала лиса просить кувшин похорошему: «Отпусти, кувшинчик, хватит уж, позабавились, поиграли, мне недосуг. Ведь меня теперь все лисицы засмеют». А кувшин все не отпускает и не отпускает. Лиса, не будь дура, и говорит: «Ну, погоди, коли ты меня не отпускаешь, я тебя утоплю». Побежала на речку и утопила его. Кувшин и в самом деле утонул, да только, наполнившись водой, утянул с собой на дно и лису.

КОТ И ЗАЯЦ

Жил когда-то кот, и был он большой лакомка: что плохо лежит, непременно стянет. Вот поехали мужики в лес и кота завезли. Бродит кот по лесу, страсть как изголодался. Увидел дохлого кабана и давай лакомиться. Шел мимо волк, глядит — малый большого ест. Говорит он коту:

— Бог помочь, пан Котович!

А кот ему отвечает:

— Этого съем, другого задеру.

Испугался волк и убежал со всех ног. Бежит, а навстречу ему медведь.

— Ох, кум, что я видел, — говорит ему волк. — Малый большого задрал. Ты вон какой храбрый, пошел бы да пугнул его!

— Что ж, пойдем, пугнем, — согласился медведь.

Подходит к коту медведь и говорит ему:

— Бог помочь, пан Котович!

А кот ему отвечает:

— Этого съем, другого задеру.

Перепугался медведь и давай бежать. Бежит, бежит, а навстречу ему лиса.

— Кумушка, кумушка, что я тебе скажу: малый большого задрал. Ты у нас вон какая храбрая, пугнула бы его!

— Пойдем, пугнем, — отвечает лиса.

Отправились они все к коту. Лиса и говорит ему:

— Бог помочь, пан Котович!

А кот как заорет:

— Этого съем, еще одного задеру!

Еще пуще испугались звери, бежать бросились. Бегут, а навстречу им заяц.

— Ох, куманек, что мы видели: малый большого ест. Может, ты посмелее нас будешь — пугни его!

— Пойдем, пугнем, — отвечает заяц.

Отправились все вместе кота из леса гнать. Вот заяц и говорит ему:

— Бог помочь, пан Котович!

А кот как заорет что есть мочи:

— Этого съем, за другого примусь!

Вовсе испугались звери, убежали. Бегут, опасаются, как бы кот их не зарезал. Лиса и говорит:

— Зададим-ка ему пир. Может, тогда на зубы ему не попадемся.

Медведю досталось избушку построить, волку — свинью зарезать, лисе — гусей наловить, а зайцу — капусты принести. Когда все приготовили, пошел волк звать кота в гости и говорит:

— Пан Котович, просим к нам на пир.

— Приду, приду! — пообещал кот.

Ждут звери, ждут, а кот все не идет. Пошел медведь звать.

— Пан Котович, просим к нам на пир.

— Иду, иду, — отвечает кот.

Ждут его, а он все не идет. Послали лису.

— Пан Котович, просим к нам на пир.

Снова ждут его звери, и снова дожждаться не могут. Пошел заяц кота звать.

— Пан Котович, просим к нам на пир.

— Ладно уж, пойду, — промяукал кот.

Всего наготовили звери — и жареного мяса, и вареного, и капусты. Только волк со страху в хворост зарылся, медведь на крышу взобрался, лиса в нору забила. Один заяц в избушке за хозяина остался. Приходит кот, заяц двери отворяет, гостя впускает. Кот сразу вскочил на стол и давай мясо уплетать. А волку-горемыке ох как мяса захотелось. Лежит он, хвостом шевелит, а слюнки так и текут. Увидал кот, шевелиться что-то в хворосте, подумал, мышшь это, и хватъ волка за хвост. Волк перепугался, пустился наутек, глаза выколол, все ребра переломал да и подох. Медведь — трах! — с крыши свалился, тоже насмерть разбился. А лиса бежала, бежала, пока собакам не попалась. Они ее в клочья разорвали.

Остались кот да заяц вдвоем. Долго они жили счастливо, и мяса у них всегда было вдоволь.

РАК И ВОРОНА

Летала однажды голодная ворона над озером и поймала рака. Рак видит, что плохи его дела, и стал ворону расхваливать:

— Какая ты красавица, воронушка, таких перышек я ни у кого не видывал!

Ворона молчит, ничего не отвечает, а рак знай похваливает:

— Может, у тебя и голосок приятный!

Ворона обмерла от похвал, однако ничего не сказала. Немного погодя рак опять принялся расхваливать:

— Уж поистине ты должна быть царицей всех птиц!

Ворона только:

— Ага!

Рак бултых в воду и уплыл, а ворона осталась ни с чем.

НЕБО РУШИТСЯ

Жила одна старушка, и был у нее котенок. Вот пошли они веников нарезать. Пригнула старушка березку, и упал котенку листик на хвост. Закричал котенок:

— Бабушка, бабушка, бежим скорее, небо рушится!

— Не беги, кисанька, не рушится.

Тут другой листик — шлеп котенку на хвост! Запищал котенок:

— Бабушка, небо рушится, я побегу!

И ну бежать! Ну бежать!

Повстречал зайца:

— Бежим, косой, — небо рушится!

— Кто тебе сказал?

— Сам видел: мне на хвост упало!

И ну бежать! Ну бежать!

Лису повстречали:

— Бежим, лиса-краса, — небо рушится!

— А кто тебе, котенок, сказал?

— Никто не говорил, сам видел, мне на хвост свалилось!

И ну бежать! Ну бежать!

Волка повстречали:

— Бежим, серый волк, — небо рушится!

— А ты откуда знаешь?

— Сам видел: мне на хвост опрокинулось!

И ну бежать! Ну бежать!

Повстречали медведя:

— Бежим, медведь-косолапый, — небо рушится!

— А кто тебе сказал?

— Сам видал: мне на хвост брякнулось!

И ну бежать! Ну бежать!

Добежали до леса, нашли там избушку, заперлись. Все проголодались, а в избушке — пусто. Думали, думали и надумали позвать себе на обед лося. На том и порешили:

— Давайте спрячемся, а как лось придет, навалимся на него и растерзаем.

Лиса взобралась на печку, котенок прыгнул на жердочку, заяц под метлой притаился, волк втиснулся под печку, а медведь в печку залез.

Все попрятались, некому лося звать. Спрыгнула лиса с печки, пришла к лосю и говорит:

— Разлюбезный лось, пожалуй к нам на обед, всего мы напекли, наготовили.

А сама первая домой прибежала и опять на печку. Тут и лось пожаловал. Только он дверь приотворил, — все на него кинулись. Да вот какая беда приключилась: лиса с печки спрыгнула, шею себе свернула, котенок с жердочки скатился — лапки вывихнул, заяц из-под метлы кинулся — глазки выколол, волк из-под печки ринулся — ребра помял, медведь из печки вывалился — хребет переломил. А лось остался жив и пошел домой.

ИСПОВЕДЬ ЗВЕРЕЙ

Жила старая-престарая кошка, всех кошек старей. Жил старый-престарый волк, всех волков старей. Жил старый-престарый медведь, всех медведей старей. Жила старая-престарая лиса, всех лисиц старей. Жил заяц, старый-престарый, всех зайцев старей.

Однажды собрались они на беседу. Кошка и говорит: — Много у нас грехов накопилось, надо нам исповедаться.

На том и порешили. Шли, шли лесом — глядь, перед ними глубокая и широкая яма. Кошка перекинула через яму жердочку и говорит:

— Здесь и будем исповедоваться; кто перейдет по этому мостику и в яму не свалится — у того грехов нет.

Кошка прошла первая. За нею волк. Да только бух в яму! Потом медведь, — и тоже свалился. Пошла лиса, — и она оступилась. Зайчишка, — и тот бухнулся.

Вот кошка и говорит:

— Видать, все вы грешники, вот и оставайтесь в яме, а я пойду погуляю.

Сидят звери в яме день, сидят другой, третий, а выбраться не могут. Проголодались они, а есть нечего. Вот лиса и придумала:

— Давайте запоем: кто не вытянет, того и съедим. И затагнули все звери разом. Зайчонок тоже заверещал, да не вытянул. Его и разорвали. Еще три дня прошло, и звери опять проголодались.

Лиса говорит:

— Давайте запоем: у кого голос всех тоньше, того и съедим.

На этот раз волка задрали. Поделили его мясо с медведем.

Вот заснул медведь, а лиса выкопала ямку и спрятала свою долю. Через несколько дней у медведя мяса не осталось, а лиса все ест да ест. Медведь спрашивает:

— Кумушка, откуда у тебя мясо?

— Да из своего бока вырвала и ем! — ответила лиса.

Мишка поверил, распорол себе бок, вырвал кусок мяса, наелся и околел, бедняга. Осталась в яме одна лиса. Причуживо живется ей — еды вдоволь.

Как-то раз подлетел к яме скворец и залился:

— Чир-чир-чир! Хороши у меня детки!

А лиса и просит его:

— Скворушка, скворушка, набрал бы ты хворостинок да накидал в яму; и я бы полюбовалась твоими детками.

Стал скворец хворостинки собирать и кидать их в яму. Лиса с хворостинки на хворостинку — и выбралась на волю. Встряхнулась и говорит скворцу:

— Ну, покажи мне своих деток.

Скворец тут же принес одного птенца, дал лисе подержать, а сам полетел за другим. Пока летал за другим, лиса первого и уплела. Принес он другого, полетел за третьим.

Лиса все нахваливала птенчиков, покуда всех не съела. Увидела это ворона и ругает скворца:

— Дуралей ты, дуралей, да ведь она всех твоих птенчиков съела и косточек не оставила!

Обозлилась лиса на ворону и говорит ей:

— Сейчас и ты у меня запоешь, умница!

А рядом болотце было. Растянулась лиса на краю, язык высунула, лежит, как мертвая. Подлетела к ней ворона и ну клевать лисице язык. Лиса цап ворону за хвост — и говорит ей:

— Ага, вот и попалась, разумница!

Разорвала ворону и убежала в лес.

ИЗБУШКА БЫЧКА

П

ошел бычок в лес и повстречал барана.

— Куда идешь? — спросил бычок барана.

Баран отвечает:

— От зимы я ухожу,
Лето красное ищу.

— Ну, так пойдём вместе.

Шли-шли, встретили свинью. Баран проблеял:

— Куда, свинья, идешь?

А она отвечает:

— От зимы я ухожу,
Лето красное ищу.

— Ну, так пойдём теперь все вместе.

Шли они, шли, повстречали гусака.

— Ты куда, гусак, идешь?

— От зимы я ухожу,
Лето красное ищу.

— Ну, так пойдем вместе с нами, — сказал бычок. Шли они, шли, повстречали петуха. Бычок замычал: — Ты куда, петух, идешь?
Отвечает петух:

— От зимы я ухожу,
Лето красное ищу.

— Ну что ж, пошли все вместе. Так и шли они все вместе, да нигде лета не нашли. Бычок надумал избушку ставить и говорит:

— Поставим, баран, избушку!

А баран отвечает:

— У меня шуба теплая, я и так перезимую.

Бычок говорит:

— Поставим, хрюшка, избушку.

А свинья отвечает:

— Я как заруюсь в землю, меня мороз не возьмет, и так перезимую.

Бычок говорит:

— Поставим, гусак, избушку!

А гусак отвечает:

— Я одно крыло расстелю, другим укроюсь, и так перезимую.

Бычок говорит:

— Поставим, петух, избушку.

А петух отвечает:

— И я, как гусак, перезимую.

Делать нечего, приходится бычку в одиночку избушку ставить. Поставил. Прибегает баран:

— Бычок, бычок, пусти меня к себе жить!

Бычок отвечает:

— У тебя шуба теплая, ты и так перезимуешь.

— Ты лучше пусти, а не пустишь, я стены рогами проломаю, холодно тебе будет.

Пришлось бычку пустить барана в избушку.

Прибежала хрюшка:

— Бычок, бычок, пусти меня к себе жить!

— Да ведь ты в землю зароешься и перезимуешь.

— Пусти лучше, а непустишь, я из-под твоей избы всю землю выгребу — холодно будет жить в ней.

Пустил бычок и хрюшку в избушку.

Прибежал гусак и говорит:

— Пусти и меня к себе жить.

Бычок ему в ответ:

— Ты и так обойдешься. Одно крыло расстелешь, другим накроешься, так и перезимуешь.

А гусь и говорит:

— Пусти лучше, а то я из стен избушки весь мох повеяте-реблю, холодно тебе будет.

Пустил и гусака.

Прибегает петух и тоже говорит:

— Пусти и меня.

А бычок ему в ответ:

— И ты, как гусак, перезимуешь.

— Пусти лучше, а непустишь, взлечу я на твою хоро-мину и сгребу всю землю с крыши.

Делать нечего бычку, пришлось пустить и петуха.

Всех впустил в избушку. Живут все в тепле. Петух взлетел на крышу и запел.

Услыхала лиса петуха, помчалась к волку и медведю и говорит:

— Что-то мне курятинки захотелось, пойдем все вместе.

Столковались они и отправились к избушке. Лиса вежливо так постучала и вошла. Бычок тут же припер ее рогами к стене, а баран наподдал ей с боков, покуда из лисоньки дух не вышиб.

Волк с медведем стоят за дверью и говорят:

— И чего это она никак не столкнется с петухом? Надо и нам пойти поглядеть.

Медведь говорит:

— Иди ты, серый!

Волк пошел в избу, а медведь ждать остался. Бычок схватил волка, припер его к стене рогами, а баран бодал-бодал его, покуда и из волка дух не вышиб. Пошел и медведь в избу. И ему такое же угощение досталось. Схватил бычок медведя, припер его к стенке, а баран как примется бодать со всех сторон, только шерсть клочьями полетела. Прикончили они и медведя. Одолели своих врагов и зажили весело. Никого они больше не боялись. А вы уши развесьте, рты разиньте и слушайте сказочку про избушку бычка.

ПЕС, ПЕТУХ И ЛИСА

Один крестьянин плохо заботился о своей скотине: псу есть не давал, петуха тоже не кормил, вот они и решили убежать в лес, зажить по-своему. Петух нашел себе насест на суку высокого дуба, а пес влез в дупло и устроил там себе логовище. Так бы они и жили-поживали, добычей делились, кабы не петушиный обычай по утрам кричать, человека на работу будить.

Запел он в лесу первый раз — услышала его лиса, прыгнула с постели и вылезла из норы. Запел петух в другой раз — лиса уши наострила, прислушивается — с какой стороны голос слышен. Пошла она на голос, подбежала к дубу, думает: «Вот я этого петуха с дуба сманю, схвачу и съем». Задрала морду и говорит, соловьем заливается:

— Разъединственный ты петушок во всем лесу, а я — разъединственная лисонька. Спустись, петушок, вниз, будем жить в дружбе.

— Я тут не один, — говорит петух. — Пониже мой приятель живет, привратник. Постучись в ворота, попросись, чтоб впустил, может, otvorит тебе и впустит.

Подумала лиса, что привратник тоже петух. Обрадовалась, решила, что сразу двух поймает и петушатины нажрется, по-

стучала хвостом о дерево и ждет, когда ей ворота отворят. А тут пес со всей постелью из дупла вывалился и хватя ее за глотку. Захрипела лиса, будто коза, которую за хвост тянут, да только и успела подумать: «Петушиного мяса захотела, а вот свое отдаю псу и петуху на съедение». Тут пес так ее тряхнул, что из нее и дух вон. Пришел конец хитростям лисы.

КОЗА И ВОЛК

Жила в своей избушке коза, и было у нее пятеро козлят. Уходит она корм искать и говорит козлятам: — Заприте дверь и никого не впускайте. А когда я приду, то скажу под окошком:

Детушки милые,
Отворите дверь!
Несу вам травку на рогах,
А в вымечке молоко.

А волк ее подслушал. Чуть только отошла коза от окошка, как он подкрался и говорит грубым голосом:

— Детушки милые,
Отворите дверь!
Я несу вам травы
И на лапах воды.

— Нет, не впустим, — говорят козлята. — Наша матушка говорит тонким голосом, а ты грубым. Ты не наша матушка.

Побежал волк к кузнецу:

— Кузнец, кузнец,
Наточи мне язык!
Я бобов тебе дам,
Ячменя тебе дам
И гороху дам.

Положил кузнец на наковальню волчий язык, постучал по нему молотом, язык и стал тоньше. Заговорил волк тонким голосом. Послушал, как коза говорит, подошел под окошко и опять в избушку просится. Обрадовались козлята, думают, их мать пришла, и отворили дверь.

Волк вошел и сразу за работу принялся. Четверых козлят разом прикончил и съел, только один с перепугу под печку спрятался и жив остался.

Вернулась коза, глядит — дверь настежь. Вошла в избушку, а от козлят одни косточки остались. Под печкой последний козленок сидит, весь обгадился со страху. Взяла она его, обтерла, собрала косточки остальных козлят, пошла к роднику, костер разожгла и стала варить косточки.

Приходит волк.

— Что ты тут, кумушка, варишь? — спрашивает.

Говорит коза:

— Рыбу.

— А мне дашь? — спрашивает волк.

Отвечает коза:

— Поди вон за ту изгородь, язык в щель просунь, а я тебе рыбки принесу.

Сел волк за изгородь, язык в щелку просунул и ждет.

Коза взяла лопату, набрала жару и высыпала волку на язык. Волк глотку обжег, завопил, завыл и тут же издох, а коза рогом ему брюхо распорола. Козлята выскочили оттуда живые-невредимые и больше волков в избушку не впускали.

КАК ПЕС С ВОЛКОМ ДРУЖИЛИ

Ж

ил-поживал один крестьянин, и был у него старый пес. Покуда пес был молодой, все его любили, гладили, кормили, а состарился — выгнали вон.

— Ни на что ты теперь не годен, свинью из огорода и то не можешь выгнать. Уходи-ка в лес, пускай там тебя волки съедят.

Тузили пса, ногами пинали, есть ему не давали. Убежал он в лес и повстречал волка. Спрашивает волк:

— Куда бежишь, пес?

— Служил я хозяину, покуда мог, а состарился — есть больше не дают, в лес, волкам на съедение, прогнали.

Говорит волк:

— Не стану я тебя есть. Остались от тебя шкура да кости,

— какой от того прок, что я тебя съем? Лучше я тебе помогу. Вот выйдут люди рожь косить, принесет хозяйка косарям поест, ребенка на землю положит, а сама пойдет снопы ставить. Только она отойдет, я схвачу ребенка, и побегу, а ты скачи за мной, нападай, хватай, за хвост тереби. Я ребенка и вырону. Подумают люди, что ты ребенка спас, и будут тебя любить, пока ты жив. Только ты меня тоже не забывай, отблагодари за услугу.

Прибежал пес домой, а хозяйка — за метлу и гонит его из-под лавки:

— Опять вернулся, негодный, даровый хлеб есть?

На другой день хозяйка понесла работникам полдник и ребенка с собой взяла. Пришла на место, ребенка в тень положила, а сама пошла снопы ставить. Только она отошла, волк — цап ребенка и бегом. Кричит хозяйка:

— Песик, догони, догони волка, отними ребенка!

Пес как побежит за волком! Догнал, вцепился в шею, стал за хвост теревить. Волк ребенка и выронил. Хозяйка подбежала, схватила ребенка, не знает, как и порадоваться, как пса отблагодарить. Теперь она говорит:

— Вот добрый песик! Покуда я жива, будешь есть все, что и мы едим.

И верно: началось для пса сытое, привольное житье — никто дурного слова ему не скажет, все только ласкают, лакомого куска не жалеют.

Праздновал однажды хозяин крестины, а пес обещание свое вспомнил и побежал в лес, пригласил волка на пир.

Забрались они в кладовую и улетают, что попало: и хлеб, и мясо, и пироги. Волк еще и пива из кувшина отведал. Затянули женщины в избе песню, волку тоже невтерпех.

— Ну-ка и я запою!

Пес его удерживает:

— Не пой, беда будет!

Только куда там волку вытерпеть! Запели гости погромче, начал и он подпевать. Услыхали люди волчий вой, схватили кто палку, кто кочергу, кто половник и кинулись на волка. Волк еле ноги из кладовой унес. На том и кончилась дружба волка с псом.

ПЕТУШОК И КУРОЧКА

или когда-то старик со старухой. Были у них петушок и курочка. Пошел однажды петушок в лес по орехи, а курочка вслед за ним бежит.

Влез петушок на орешню, орехи клюет. А курочка под орешней топчется, просит:

— Петушок, петушок, дай и мне орешек!

Бросил петушок орешек.

Склевала его курочка и опять просит:

— Петушок, петушок, дай и мне орешек!

Надоело петушку по орешку бросать. Бросил он целую ветку и вышиб курочке глаз. Заплакала курочка, бежит к старухе жаловаться.

— Бабушка, бабушка, накажи петушка, зачем он мне глаз вышиб!

Позвала старуха петушка и ругает:

— Зачем ты курочке глаз вышиб?

А петушок оправдывается:

— Я не виноват: орешня обломилась, я сам чуть не убился.

Пошла бабушка к орешне и давай ее ругать:

— Зачем ты обломилась и петушка моего чуть не убила? Петушок из-за тебя курочке глаз вышиб!

Оправдывается орешня:

— А я не виновата, бабушка, меня коза объела.

Позвала бабушка козу и давай ее ругать:

— Коза, коза, ты зачем орешину объела? Орешня обломилась, петушок чуть не убился и курочке глаз вышиб.

Оправдывается коза:

— Не брани меня, бабушка, не виновата я. Меня пастухи не пасли.

Ругает бабушка пастухов:

— Почему вы козу не пасли? Коза орешню объела, орешня обломилась, петушок чуть не убился и курочке глаз вышиб.

Пастухи тоже оправдываются:

— Не виноваты мы. Как нам козу пасти, раз мы волка боимся!

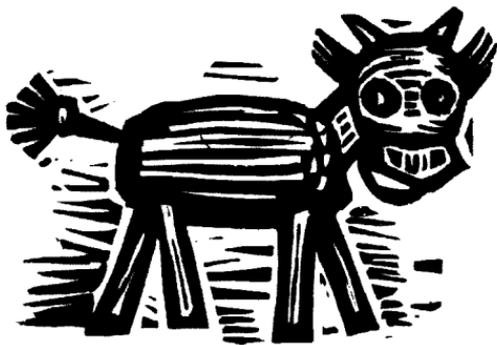
Пошла бабушка к волку и говорит:

— Зачем ты пастухов пугаешь? Пастухи козу не пасли, коза орешню объела, орешня обломилась, петушок чуть не убился и курочке глаз вышиб.

А волк только покосился на бабушку и как рывкнет:

— Не бранись, бабушка. Сама знаешь: колесу меня не догнать, палке не испугать!

БЫЧОК-ПРУТЯНОЙ БОЧОК

Ж

или-были старик со старухой. Жили они в бедности, не было у них ни бычка, ни другой скотины. Пришла осень, люди рожь скосили, телят на жнивье выводят, попасись оставляют.

— Охо-хо, — вздыхает старуха, — нам бы какого-никакого бычка раздобыть.

Сплел старик прутяной жгут, просмолил хорошенько, два шила воткнул — точь-в-точь рожки, иглол набил — точь-в-точь шерстка, ноги из палок сделал, отнес на жнивье и к колышку привязал. Глядь — бычок траву ест. Обрадовались старик со старухой. Только вышел тут из лесу медведь, видит — пасется бычок-пругяной бочок, и говорит:

— Бычок, а бычок, я тебя съем!

— Ой, медведь, зачем тебе меня есть, лучше я тебе славную песенку спою!

— Ну, спой!

Поет бычок:

— Я не бычок, —
Пругяной бочок,
Смоленая шкурка,
Игьяная шерстка,
Шияные рожки,
Палочные ножки,
Пругай через меня!

Прыгнул медведь, да и прилип.

На другой день — откуда ни возьмись, — прибегает лиса, видит, пасется бычок-прутяной бочок, и говорит:

— Бычок, а бычок, я тебя съем!

— Эх, лиса, я и пострашнее зверя умилоstinил, неужто тебя не умилоstinивлю? Вот я тебе славную песенку спою!

— Ну, спой!

И запел бычок:

— Я не бычок, —
Прутяной бочок,
Смоленая шкурка,
Игльная шерстка,
Шиляные рожки,
Палочные ножки,
Прыгай через меня!

Прыгнула лиса, да и прилипла.

На третий день зайчишка прибегает. Осень уж, огороды убраны, бабы давно капусту изрубили. Нашел заяц плохонький качан, отгрыз и несет в зубах. Увидел бычка и говорит:

— Бычок, бычок, я тебя съем!

— Полно тебе, заяц. Я и пострашнее зверя умилоstinил, неужто не умилоstinивлю тебя? Спою-ка я тебе славную песенку.

— Спой...

И запел бычок:

— Я не бычок, —
Прутяной бочок,
Смоленая шкурка,
Игльная шерстка,
Шиляные рожки,
Палочные ножки,
Прыгай через меня!

Прыгнул заяц, да и прилип.

Приходит бычок домой, весь зверями облепленный. Смотрят старики, сколько всего бычок принес, глазам своим не верят.

— Вишь, старуха, что из прутяного жгута вышло!
Принесли они бычка в избу.

— Давай отогреем его, зверей отлепим.

Отчистили, отогрели бычка у печки, отлепили и медведя, и лису, и зайца. Говорит старуха:

— Старик, а ведь придется медведя зарезать!

— Придется, ох, придется. И шкура наша будет, и мясо.

Точит старик нож, старуха моет кадку.

Увидел это заяц, задрожал весь и запел:

— Старик ножик точит,
Старуха кадку моет,
Зарежут медведя, зарежут!

А медведь рассердился да как рявкнет:

— Самого тебя зарежут!

И говорит медведь старику:

— Старик, старик, отпусти меня, я тебе стадо коров пригоню.

Старуха и говорит:

— А что, старик, коровы у нас нет, может, он, и правда, стадо коров пригонит.

И отпустили они медведя.

Заяц опять бегаёт и поёт:

— Старик ножик точит,
Старуха кадку моет,
Зарежут лису, зарежут!

Рассердилась лиса и говорит зайцу:

— Тебя самого зарежут, а меня старик резать не будет.
Я ему стадо гусей пригоню.

Понравились старухе слова лисы.

— Пускай ее идет, старик. Пригонит стадо гусей, будет у нас и мясо, будет и пух.

Отпустили они лису.

Видит заяц, что конец ему пришел, и опять запел:

— Старик ножик точит,
Старуха кадку моет,
Зарежут зайца, зарежут!

Берет старик зайца за ушко, а он и говорит:

— Старик, старик, побольше меня зверей и то отпустил, отпусти и меня, а я уж вам капусты натаскаю. И свежей поедите, и на зиму наквасите.

Отпустили старики и зайца. Ускакал заяц как ошпаренный.

Ждут старики обещанных подарков, и все не дождутся. Уж сколько времени прошло, наконец принес медведь коровью голову и швырнул старику во двор:

— Старик, старик, пригнал я тебе стадо коров.

На другой день приносит лиса давно зарезанную, ошпанную гуску и швырк на двор.

— Вот тебе, старуха, стадо гусей! Будет тебе и мясо, будет и пух!

А заяц бросил на двор кустик заячьей капусты — только его старики и видели.

— Эх, бычок, бычок, — говорит старуха, — видишь, каких зверей нам пригнал. Поверила я им, отпустила. Теперь была бы у нас шуба на зиму, мяса бы насолили полную кадку.

Ищет-ищет, где же этот бычок, а бычка как не бывало: смола от тепла растеклась, иголки повыпадали, ножки разъехались. Вот те и бычок-прутяной бочок!

ВОЛК И ПОРТНОЙ

Шел по лесу портной, а навстречу ему — голодный волк. Говорит волк портному:

— Ложись, я тебя съем!

Портной стал волка просить-уговаривать: он-де и в брюхе-то у волка не уместится. Велел волк портному ему аршином брюхо обмерить.

Стал портной брюхо мерить, изловчился и ухватил волка за хвост. Намотал хвост на руку, вынул из-за пазухи утюг и давай волка оглаживать — и по бокам, и по спине, и по брюху — по чему попало. Завыл волк, заметался, а вырваться не может. Видит, что не сдобровать ему, и взмолился:

— Смилуйся, добрый человек! Уж коли тебе мой хвост понадобился, бери его себе, только оставь меня в живых, куда я тебе не сделаю!

Портной достал ножницы, отрезал волку хвост и отпустил его.

Помчался куцый волк в самую чащу, завыл страшным голосом и созвал волчий совет. Сбежалось волков тьма-тьмушая. Рассказал им куцый, как надсмеялся над ним порт-

ной, как избил его до полусмерти и хвост отрезал. Порешили волки догнать портного и разорвать. Так и сделали. Пустились за ним вдогонку. Чует портной, что стая волков за ним гонится, а что делать — не знает. Огляделся, бедняга, и мигом на самую верхушку ели влез. Сбежались волки к ели и стали держать совет, как им портного достать. Один волк говорит:

— Погодите, — все равно он от нас не уйдет. Становись-ка, ты, бесхвостый, внизу, а мы на тебя — друг на друга влезем и до портного доберемся.

Испугался портной. Видит, как волки один на другого карабкаются, вот-вот за ноги схватят! Как он закричит:

— Ну-ка, лезьте, лезьте! Кому-кому, а бесхвостому больше всех достанется!

Услышал это бесхвостый, испугался, отскочил, и все волки наземь бухнулись. Многие насмерть поубивались, остальные в лес убежали. А портной слез с ели и пошел своей дорогой.

КАК КРЕПОСТНОЙ ВЫУЧИЛ МЕДВЕДЯ НА СКРИПКЕ ИГРАТЬ

В

старину, еще когда барщина была, жил у одного пана в подвале злой медведь. Как провинится кто перед паном, того бросают в подвал на съедение медведю. Как-то провинился один хитрец, и пан велел его бросить в подвал. А у этого человека были скрипка, долото и бритва. Попал он в подвал, стал в угол и начал играть.

Медведь слушал-слушал его, потом просит:

— Научи и меня играть!

Человек говорит:

— У тебя пальцы толсты.

Медведь опять просит:

— А нельзя ли сделать их потоньше?

— Можно, — согласился человек.

Расщепил он топором столб и велел медведю сунуть в щель лапы. Когда медведь сунул туда свои когтистые лапы, человек проворно вынул долото. Прищемило медведю лапы — никак не вытянуть. Потом человек бритвой выбрил

у него на спине большую плешину и стал бить по ней палкой. До тех пор бил, покуда медведь не обещал ему не трогать больше людей, а только малину собирать да лакомиться пчелиным медом.

ЧЕЛОВЕК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Однажды пахал человек у самого леса. Неподалеку лежал в берлоге медведь. Увидел он человека и как заревел:

— Человек, человек, я твоих волов задеру!

Пригорюнился человек, не знает, как от медведя уберечься, а тут подвернулась лиса и говорит ему:

— Что ты мне дашь, если я твоих волов спасу?

— Принесу тебе целый мешок кур, только не дай медведю моих волов задрать.

Так они и порешили, а лиса в лес шмыгнула. Потом выбежала с другой стороны и как закричит во всю глотку:

— Человек, человек, не видал ты тут поблизости медведей, косуль, волков, кабанов? Барин на охоту едет, пятьсот охотников с ним скачут и столько же гончих.

— Не видел я ни медведей, ни косуль, ни волков, ни кабанов, — отвечает человек.

— А кто там в берлоге лежит?

— Это бревно там.

— Было бы это бревно, сучья у него были бы обрублены, — сказала лиса и опять в лес шмыгнула.

Медведь испугался барина да гончих и говорит:

— Человек, отруби мне лапы.

Человек отрубил, а лиса опять из леса выбежала и кричит:

— Человек, человек, не видал ты тут медведей, косуль, волков? Барин на охоту едет! Пятьсот охотников при нем и столько же псов.

— Нет, не видел, — говорит человек.

— А кто там в берлоге лежит?

— Колода это.

— Была бы это колода, в нее бы топор всадили.

И опять убежала лиса в лес, а медведь испугался, кричит:

— Человек, всади мне топор в голову.

Он как ударит, из медведя и дух вон. Прибежала тогда лиса к человеку и клянчит:

— Видишь, как я твоих волов от смерти спасла, вот и принеси мне завтра мешок кур, как было обещано.

На другой день позвал человек своих псов, посовал их в мешок, завязал и отнес на опушку. А лиса уже дожидается, заранее облизывается.

— Выпусти, человек, курочек, я уж сама их изловлю.

Человек вытряхнул из мешка псов, а те с лаем за лисой кинулись. Лиса в нору спряталась, а псы вокруг так лаяли от злости, что чуть из шкуры не повылезали. Лиса сидит, удивляется, что цела осталась. Потом спрашивает у своих глаз:

— Глазоньки, глазоньки, что вы делали, когда я бежала?

— Смотрели, далеко ли еще до норы, по хорошей ли тропе бежим.

— Хорошо делали, глазоньки. А вы уши, что делали?

— Торчком стояли, слушали, далеко ли гончие лают.

— А ты, нос?

— Принюхивался, нет ли какой беды сбоку или впереди.

— А вы, лапы?

— Старались бежать одна другой шибче, как на перегонки.

— Хорошо делали. А ты, хвост, что делал, когда сзади волочился?

— А я все мотался-метался, чтобы не меня, а тебя псы схватили.

— Ах вон ты каков? — вскричала лиса. — Берите, псы, этот мерзкий хвост! — и высунула хвост из норы. Псы на хвост набросились, лису из норы выволокли и загрызли.

КОЗА, РВАННЫЙ БОК, ДРАННЫЙ БОК

или-поживали старик со старухой, и была у них всего одна коза. Так-то они свою козочку любили, что избаловалась она, стариков слушаться перестала. Не выдержал старик, рассердился на непослушную и стал ее живьем обди-

рать. Драл шкуру, драл, один бок ободрал, а тут козочка изловчилась, из рук вывернулась и в лес убежала. Нашла в лесу лисью нору, забралась в нее и лежит-полеживает.

Вернулась лиса с охоты, видит — ее нору кто-то занял, и спрашивает:

— Кто в моем доме сидит?

А козочка отвечает:

Я, старикова коза,
Рванный бок, драный бок,
С золотыми рожками,
Кремневыми ножками,
Дубовыми ушками!
Рожками забодаю,
Ножками затопчу,
Ушками засеку!

Испугалась лиса, бежит по лесу и все назад оглядывается, не гонится ли за ней страшный зверь, что ее избушку занял. Идет навстречу медведь. Спрашивает медведь:

— Чего ты так бежишь, лисонька?

Жалуется лиса:

— Как мне не бежать! Мою избушку какой-то зверь занял да еще забодать грозит. Медведюшка, куманек, помоги мне зверя этого выгнать!

Говорит медведь:

— Не плачь, лиса. Я вот с ним расправлюсь!

Подшли они к лисьей норе, медведь и спрашивает:

— Кто в лисьей избушке сидит?

А козочка отвечает:

— Я, старикова коза,
Рванный бок, драный бок,
С золотыми рожками,
Кремневыми ножками,
Дубовыми ушками!
Рожками забодаю,
Ножками затопчу,
Ушками засеку!

Испугался медведь и говорит лисе:

— Скорее бежим отсюда. Еще, и правда, забодает!

Бегут они по лесу. Навстречу волк идет. Спрашивает волк:

— Куда это вы бежите, кумовья?

— Ты бы тоже побежал, куда глаза глядят, кабы знал, что за зверь лисью избушку занял!

— Ну, пойдем, поглядим на этого зверя! Я его мигом из норы выгоню!

Подошли все трое к норе. Спрашивает волк:

— Кто в лисьей избушке сидит?

Козочка отвечает:

— Я, старикова коза,
Дранный бок, рванный бок,
С золотыми рожками,
Кремневыми ножками,
Дубовыми ушками!
Рожками забодаю,
Ножками затопчу,
Ушками засеку!

Волк тоже испугался.

— Бежим отсюда, — говорит, — покуда этот зверь не рассердился.

Бегут они, а навстречу — кабан. Спрашивает кабан:

— Кто это вас так напугал?

— Лучше и не спрашивай! Всяких зверей перевидали, а такого, какой лисью избушку занял, сроду не было!

— Ну-ка, покажите мне его, — говорит кабан. — Я его мигом выкурю!

Вернулись они к лисьей норе. Кабан спрашивает:

— Кто тут в лисьей избушке сидит?

А козочка отвечает:

— Я, старикова коза,
Дранный бок, рванный бок,
С золотыми рожками,
Кремневыми ножками,
Дубовыми ушками!
Рожками забодаю,
Ножками затопчу,
Ушками засеку!

Испугался и кабан:

— Правду вы говорили, братцы! Бежим!

И опять пустились бежать со всех ног. А навстречу им заяц. Увидал заяц, что такие большие звери боятся кого-то, расхрабрился и спрашивает:

— Эй, звери, куда бежите?

— Не ори так! Еще услышит страшный зверь, что лисью избушку занял!

— Ну-ка, покажите мне его!

Опять все к лисьей норе вернулись. Заяц спрашивает:

— Ну, кто тут в лисьем домике сидит?

Отвечает козочка:

— Я, старикова коза,
Дранный бок, рванный бок,
С золотыми рожками,
Кремневыми ножками,
Дубовыми ушками!
Рожками забодаю,
Ножками затопчу,
Ушками засеку!

— Братцы, бежим! — крикнул заяц, и сам первый во весь дух улепetyвает.

Бегут звери, языки высунули, а навстречу, откуда ни возьмись, пчела летит.

— Лес, что ли, горит или небо рушится, — спрашивает, — раз вы так бежите?

— И лес не горит, и небо не рушится, а только страшный зверь лисью избушку занял, — отвечают они.

— Покажите-ка мне этого зверя!

— Да что ты! Где тебе, такой маленькой, его выгнать! Уж коли мы, такие звери, не выгнали, про тебя и говорить нечего!

— А я попытаюсь.

Вернулись звери к лисьей избушке. Пчела, не долго думая, залетела в нору, видит — старикова коза лежит, драные бока лечит. Как ужалит ее пчела в ободранный бок, коза как прыгнет — и вон из норы! Не оглянувшись, сто верст Промчалась. А заяц смеялся-смеялся, губа у него от смеха и лопнула.

ЕЖ И БАРИН

Едет по дороге барин. Рядом еж бежит. Нашел он медный грош и поет:

— А я грош нашел, а я грош нашел!

Надоело барину слушать ежа, и велел он слуге отнять у него этот грош. Слуга и отнял. Тогда еж запел:

— А нищий отнял, а нищий отнял...

Говорит барин слуге:

— Швырни ты ему этот грош!

Слуга швырнул. Еж опять затянул:

— Побоялся и отдал, побоялся и отдал.

Разгневался барин, велел слуге закинуть ежа за изгородь. Слуга взял и закинул.

Еж бежит за изгородью и опять свое:

— А я перескочил, как казак, перескочил...

Велел барин собак на него напустить. Слуга напустил. Свернулся еж клубочком, и собаки ничего поделывать с ним не могут.

Так ежа собаки и не тронули, а барин поехал дальше — высмеял его еж.

КАК ПЕТУХ БАРСКУЮ УСАДЬБУ РАЗОРИЛ

или старик со старухой. Ничего у них не было, один петушок да жерновок. Найдёт где петух зернышко, смеет его старушка, глядь, муки полон корец. Напечет старушка хлебушка, ситничка — и сыты. Узнал барин, что у старика такой жерновок расчудесный, приехал и отнял. Ведь тогда барская воля была. Заплакали старик со старушкой: «Пропали мы, горемыки, не будет больше хлебушка».

Увидел петушок, как старикам трудно жить стало, вылез из-под печки и отправился в поместье — жернов вызволить.

— Да как ты, такой махонький, у барина жернов отнимешь? — сказал ему старик.

— Ничего, что мал, все равно отниму.

И отправился в поместье. Идет лесом, горланит, а навстречу лиса.

— Петушок, петушок, ты куда идешь, громко песни поешь? — спрашивает лиса.

— Иду жернов вызволить, барский дом разорять.

— Возьми и меня с собой, — сказала лиса.

— Полезай ко мне в горло.

Лиса кувырк — и влезла в горло петуху. Идет петушок дальше по лесу, песню горланит. Повстречался ему волк и спрашивает:

— Петушок, петушок, ты куда идешь, громко песню поешь?

— Иду жернов вывозить, барский дом разорять.

— Возьми и меня с собой.

— Полезай ко мне в горло.

Влез и волк петуху в горло. Идет петух дальше и песню поет. Повстречался ему медведь.

— Петушок, петушок, ты куда идешь, громко песню поешь?

— Иду я жернов вывозить, барский дом разорять.

— Возьми и меня с собой.

— Полезай ко мне в горло.

Вкатился медведь к петуху в горло, и раздулся петух, как бочка. Идет он дальше своим путем. Пришел в поместье, взлетел на забор и запел:

Кукареку-кукареку,
Я усадьбу размечу,
Я барина растопчу,
Кукареку-кукареку.

Барин вышел послушать, кто это поет. Слушал он, слушал, а петушок все свое:

Кукареку-кукареку,
Я усадьбу размечу,
Я барина растопчу,
Кукареку-кукареку.

Осерчал барин, велел петуха поймать и бросить к гусям. «Пусть они его ночью заклюют!» А как только его бросили, петух и говорит:

— Лиса, лиса, вылезай из горла, задери гусей.

Лиса всех гусей задрала, в землю закопала, а сама в лес убежала. Утром барин приказал слугам выбросить петуха, думал, что тот подох. Отворили дверь, а петух — порх через их головы! Взлетел на забор и запел:

— Нет у барина гусей, нет у барина гусей!

Барин еще пуще рассерчал: «Бросьте его лошадям в конюшню, пускай они его растопчут!»

А как его бросили лошадям, петух и говорит:

— Волк, волк, вылезай из горла, режь лошадей.

Волк вылез, порезал всех лошадей, зарыл их в землю и убежал в лес. Утром барин посылает слуг поглядеть, жив ли петушок. Только они отворили дверь, петушок — порх через их головы! Взлетел на забор и запел:

— Нет у барина коней, не на чем возить гостей!

Барин говорит:

— Бросьте его к быкам, пускай они его забодают.

Бросили его к быкам, а он и говорит:

— Медведь, медведь, вылезай из горла, задери быков.

Приходит барин поутру — все быки задраны, а петушок — в дверь, порх на забор и залопотал:

— Нет у барина быков, нет у барина быков!

Барина прямо страх берет. Велел он слугам бросить петуха в колодец. «Пускай потонет». Бросили петуха в колодец, крышкой прикрыли, чтоб не взлетел. А петух закричал:

— Горлышко, горлышко, пей воду!

Выпило горло всю воду, колодец сухим-сухохонек. Пришел утром барин петуха поглядеть, велел его выбросить. Подняли крышку, а петух — порх! И запел на заборе:

— Нет у барина воды, чаек барину не пить!

Барин не знает, что и делать, забоялся. Приказал слугам натопить пожарче печь: «Бросьте его в печь, пускай стогрит!» Бросили его в печь, а петух принялся кричать:

— Горло, горло, воду лей! Горло, горло, воду лей!

Загасил огонь в печи, весь дом залил, некуда барину деваться. А петух вскочил на забор и опять поет:

— Барин все дрова спалил, только печь не истопил.

Взяло барина зло: «Бейте его, бейте!» А слуги не стали бить: что это за петух — лошадей, коров перерезал, усадьбу затопил. Тогда барин сам схватил топор и кинулся на петуха.

А петух залопотал:

— Топорик, топор, руби голову барину!

Топор ударил по барину, а петух, покончив с усадьбой и самим барином, схватил жернов и вернулся домой.

После этого старики жили-поживали, ситник ели и горя не знали.

ВОЛК-СТРАШИЛИЩЕ

В

озле речки, у самого леса, жили старичок и старушка. Была у них златокошая дочка, пять овец, собачка, козочка и курносая кошечка.

Однажды зимним вечером слышит старичок, кто-то поет грубым голосом:

Как у бабушки, у дедушки
Пять овец живут на хлебушке,
Да собака мохноногая,
Да еще коза безрогая,
Еще — кошечка курносая,
Еще — дочка златокошая.
Отдайте мне кого-нибудь из них!

Испугались все этой песни. А старичок притаился у забора и смотрит в щель, кто это так поет? Увидел и пуще прежнего забоялся: за воротами сидел большой-пребольшой волк.

А волк опять поет:

Ты отдай овцу мне, дедушка,
А не то — забор твой, дедушка,
Разнесу совсем,
И тебя я съем!

Что делать старичку? Отдал волку одну овечку.

На другой вечер старичок опять ту же самую песню слышит из-за забора:

Как у бабушки, у дедушки
Пять овец живут на хлебушке,
Да собака мохноногая,
Да еще коза безрогая,
Еще — кошечка курносая,
Еще — дочка златокосая.
Отдайте мне кого-нибудь из них!

Что поделаешь? Отдали и другую овечку. Но волку и этого мало. Каждый вечер он приходил и пел, покуда не съел всех овец и собачку, и козочку, и курносую кошечку.

Остались только старичок со старухой и златокосой дочкой. Думали они, что волк больше уже не придет. Да не тут-то было: на другой вечер волк опять ту же песню запел:

Как у бабушки, у дедушки
Пять овец живут на хлебушке,
Да собака мохноногая,
Да еще коза безрогая,
Еще — кошечка курносая,
Еще — дочка златокосая,
Отдайте мне кого-нибудь из них!

Жалко было старику и старушку, и дочку, да что поделаешь? — кого-нибудь надо отдавать. Вот и отдал он волку дочку златокосую.

Остались они вдвоем со старушкой. Уселись у печки и проплакали всю ночь. А когда взошло солнышко, вышли во двор посмотреть. Пусто там и тихо. Только из лесу слышится волчий вой.

Весь день старички не ели, не пили, только плакали, только причитали, дочку златокосую вспоминали.

Пришел вечер. Старичок уже хотел пойти дверь на ночь

закрывать. Вдруг как завоет волк что есть мочи. Старичок со старушкой так и обмерли от страха. А волк поет:

Как у бабушки, у дедушки
Пять овец живут на хлебушке,
Да собака мохноногая,
Да еще коза безрогая,
Еще — кошечка курносая,
Еще — дочка златокося,
Отдайте мне кого-нибудь из них!

Что старичку делать? Отдал волку и старушку. Остался он один-одинешенек. Ждет, что будет дальше.

Прошла ночь, прошел день, наступил вечер. Опять слышит старичок, как волк воет за воротами. Вышел он во двор и говорит волку:

Уходи ты, волк-страшилище,
Неужели ты не сыт еще?
Съел овцу, козу безрогую,
Съел собачку мохноногую,
Съел и кошечку курносую,
Съел и дочку златокося,
Съел и бабушку давно.
Лучше ты, себя не мучая,
Уходи в леса дремучие, —
Ничего ты не получишь все равно!

А волк как зарычит:

Сам ко мне ступай ты, дедушка.
Все равно — забор твой, дедушка,
Разнесу совсем
И тебя я съем!

Испугался старичок, стоит и не знает, что делать, куда спрятаться? А волк сломал забор, прыгнул во двор, схватил старичка за шубу, гам — и проглотил. Облизался, оглянулся — не остался ли еще кто? И побежал в лес.

Очутился старичок в волчьем брюхе и видит, что жив остался. Обшарил карманы и нашел нож. Разрезал он этим ножом брюхо волка. Тот взвыл и подох. Вылез из брюха ста-

ричок, а за ним — старушка с дочкой, все пять овец, и козочка, и собачка, и кошечка. Обрадовались они и пошли домой. С тех пор жили-поживали, не зная страха, оттого что не стало волка-страшилища.

КАК СТАРУХА ВОЛЧИЙ ХВОСТ ПРЯЛА

В давнее время жили старик со старухой. Зимой старик ездил в лес за дровами, а старуха сидела дома и пряла. Кончилась однажды у старухи кудель, и говорит она старику:

— Ты бы мне из лесу волчий хвост привез. Сам видишь, прясть нечего.

— Ладно, привезу.

Поехал старик в лес и видит — отошальный волк бродит, ищет пропитания. Как метнет старик топором в волка, однако один хвост отрубил, а сам волк убежал. Повертел старик волчий хвост, бросил в сани и говорит:

— Повезу своей старухе. Пускай прядет.

Вечером встречает старуха старика и спрашивает:

— Ну, привез мне что-нибудь?

— Привез волчий хвост.

Старик пошел спать, а старуха — делать нечего — привязала волчий хвост к пряслицу и прядет. Только слышит — род окном кто-то шевелится. Встала старуха, глядит — волк там сидит. Как завоет, как затянет:

И куры спят,
И гуси спят,
Все люди спят,
Одна старуха не спит —
Мой хвост прядет.
Вот как прыгну — задеру!

Старуха перепугалась, отодвинулась подальше от окна, сама все прядет, торопится. А волк опять воет:

И куры спят,
И гуси спят,
Все люди спят,
Одна старуха не спит —
Мой хвост прядет.
Вот как прыгну — задеру!

Еще пуще испугалась старуха, еще дальше от окна отодвинулась, однако прядь не перестает. А волк уже на окно навалился, так что бревна трещат, и опять воет:

И куры спят,
И гуси спят,
Все люди спят,
Одна старуха не спит —
Мой хвост прядет.
Вот как прыгну — задеру!

Прыгнул волк в окно, задрал старуху, мясо съел, а кожу набил соломой и в углу к печке прислонил. А сам опять в лес убежал.

Утром встал старик, смотрит, его жена уже на ногах, у печки стоит. Кричит старик:

— Старуха, дай поесть!

Старуха молчит.

Старик опять кричит:

— Старуха, тебе говорят, дай поесть!

А старуха все равно молчит и не шевельнется.

Рассердился старик, схватил кочергу и так ударил старуху по спине, что та на пол свалилась, а сама все равно молчит. Испугался старик, захохотал:

— Ох, что я натворил! Что натворил! Свою старуху убил!

Плакал старик, горевал, да слезами делу не поможешь. Надо о похоронах подумать. Глядит старик — а от старухи остались косточки да кожа, соломой набитая. Что тут хоронить?

Сделал старик из старухиной головы ковш, из рук — грабли, из ног — кочерги и живет себе, поживает.

Подкрался тот же волк под окна и как завоет:

— Старик, старик, отдай мне старуху!

Что старику отдавать, когда он из ее костей всякого добра понаделал? Молчит, ничего волку не отвечает. А тот все рыщет под окнами, и все старуху требует.

Влез старик на печь, спрятался. А волк прыгнул в окно, на печь вскочил, стащил старика и говорит:

— Я тебе покажу, как из старухиных костей кочерги делать! Я тебе покажу! — И разорвал старика на куски.

А все из-за волчьего хвоста, что старуха прясть вздумала.

КАК ВОЛК ВЗДУМАЛ ХЛЕБ ПЕЧЬ

Однажды встретил волк в лесу человека и просит:

— Дай мне хлеба!

Человек дал. Волк съел и облизнулся — вкусный был хлеб. Говорит волк человеку:

— Что мне делать, чтобы и у меня всегда был свой хлеб? Научи меня!

— Ладно, — согласился человек и начал учить волка: — Сперва надо вспахать землю...

— А когда вспашешь, можно уж есть?

— Еще нет. Надо рожь посеять.

— А когда посеешь, можно уж есть?

— Еще нет. Надо подождать, пока она вырастет.

— А когда вырастет, можно уж есть?

— Еще нет. Надо ее убрать.

— А когда уберешь, можно уж есть?

— Еще нет. Надо ее смолотить.

— А когда смолотишь, можно уж есть?

— Еще нет. Надо испечь хлеб.

— А когда испечешь, можно есть?

— Можно.

Подумал волк, подумал и говорит:

— Лучше уж не буду я печь хлеб, коли так долго ждать. Как до сих пор обходился без хлеба, так, видно, и обойдусь.

ГРАЖИНА-РЯБИНА

Жили-были старик со старухой. Не было у них детей, вот старуха и говорит:

— Ступай, старик, в лес, сруби ольховую ветку и принеси домой.

Принес старик ольховый сучок, обтесал его и положил в колыбель, а старуха стала пеленать его, напевать:

— Баю, баю, Тривайнелис!

Пеленала его, перепеленывала, а паренек на глазах рос и вырос резвый такой.

Была у стариков скотина, вот и сказала старуха Тривайнелису:

— Ты у нас пастушком будешь.

Бредет за садом Тривайнелис по лесной опушке. Скучно

ему одному, не с кем словом перемолвиться. Нашел он во мху ягодку-рябинку, кинул через плечо, кинул через другое, глядь — стоит перед ним девочка! Срубил Тривайнелис в лесу избушку, привел в нее девочку, печку сложил, вытопил и говорит:

— Живи себе на здоровье, Гражина-рябина. Пригоню завтра скотину, принесу тебе кружку молока и краюшку хлеба.

На другой день пригнал Тривайнелис стадо и кличет:

Отвори мне дверь в избушку,
Молока принес я кружку,
Хлеба теплого краюшку.

Отворила ему девочка, выпила молоко, закусила хлебом, и ладно.

Подслушал волк, как Тривайнелис Гражину кличет, спрятался за избушкой и сам окликает:

— Отвори мне дверь в избушку! Отвори мне дверь, Гражина!

Слышит девочка, что голос не Тривайнелиса, и к двери не подходит.

Побежал волк к кузнецу и просит его:

— Ты б язык мне подковал,
Чтобы я не завывал!

— Клади на наковальню, подкую!

Высунул волк язык, положил на наковальню, а кузнец так по нему ударил молотом, что волк с визгом заковылял к избушке. Взошел на крылечко и тонким голосом выкликает:

Отвори мне дверь в избушку,
Молока принес я кружку,
Хлеба теплого краюшку!

Отворила ему девочка, а волк цап — и проглотил ее. Пригнал Тривайнелис на опушку стадо, кличет девочку, не докличется.

Некому отдать кружку молока и краюшку хлеба. Заплакал Тривайнелис, да и свалился замертво под орешинной.

Вернулась собака без хозяина и давай скулить:

Тяф-тяф! Под ракитой
Пастушок лежит убитый.

Старуха толкнула собаку в избу, сердится:

— Никто не приносил такой вести, чего это собака скулит?

Прибегает свинья и хрюкает:

Хрю-хрю! Под ракитой
Пастушок лежит убитый!

— Ступай в хлев, что так рано из лесу вернулась? — дивится старуха. А по двору бежит коза и мекает:

Ме-ке-ке! Там, под ракитой,
Пастушок лежит убитый!

Заперла ее в хлев старуха и говорит:

— Не знаю, старик, с чего это скотина нынче бесится? Мечется, скулит, хрюкает.

А Тривайнелиса нет как нет! Стемнело уж, а он не возвращается. Ночь на дворе, где его искать? Улеглись старики, заснули, а утром в лес отправились. Дошли до опушки, видят — под орешинной лежит Тривайнелис. Кинулся к нему старик, поднял его, спрашивает:

— С чего ты обмер, Тривайнелис?

— Вот с чего, — отвечает тот, — срубил я избушку, поселил в ней Гражину-рябину. А как пригнал стадо на опушку, пропала она. Не нашел я Гражины-рябины, тут и обмер.

Принесла старуха в избушку сала, натопила печку и принялась блины жарить. Зашипели блины на сковороде, на весь лес запахло. Почуял волк блины, подбежал к порогу и спрашивает:

— Ах, бабуся, что это ты жарить? Уж больно вкусно пахнет!

Старик за дверьми стоит, клещи приготовил, покуда старухины блины жарятся.

— Дай, бабуся, попробоваться блинчиков! — попросил волк.

Кинула ему старуха блин, волк — гам — и проглотил его.

— Ах, бабуся, дай еще!

Старуха отвечает:

— Высунь язык!

Только волк высунул язык, старик ухватил его клещами да как крикнет:

— Отдавай Гражину-рябину! Отдавай Гражину-рябину! Делать нечего! Пришлось волку отдать девочку.

Отвел ее Тривайнелис к старикам, и стали они жить-поживать, а про волка и думать забыли.

ЕЛЬ — КОРОЛЕВА УЖЕЙ

Давным-давно, в незапамятные времена, жил старик со своею старухой. Было у них двенадцать сыновей и три дочери. Младшую звали Елью.

Однажды летним вечером пошли сестры купаться. Поплавали, поплескались вволю и вылезли на берег одеваться. Только младшая видит — забрался в рукав ее сорочки Уж. Как тут быть? Схватила старшая сестра кол, хотела его прогнать, но Уж обернулся к младшей и заговорил человеческим голосом:

— Обещай, Елочка, пойти за меня, тогда я и сам выползу!

Заплакала Ель: как это она пойдет за Ужа? В сердцах отвечала ему:

— Отдай сорочку подобиру-поздорову, а сам уползай, откуда приполз!

Уж твердит свое:

— Обещай, что выйдешь за меня, тогда и сам выползу.
Что делать было Ели? Взяла да и пообещала.

Не прошло и трех дней, как полчище ужей приползло к старикам во двор. Все перепугались, а ужи кишмя кишат, копошатся... Ввалились незваные сваты в избу рядиться со стариками и невестой. Сперва родители удивились, рассердились, слышать ничего не хотели... Да что поделаешь с такой уймой ужей? Хочешь не хочешь, а приходится отдать им самую меньшую и пригожую дочку. Не сразу они уступили. Велели ужам подождать, сами потихонечку отправились к старой соседке и все рассказали ей. Соседка и говорит:

— Ужа обмануть легко: отдайте ему вместо дочки гусыню и отпустите сватов.

Так и сделали. Нарядили белую гусыню, и только отбыли с нею сваты — закуковала на березе кукушка:

Ку-ку, ку-ку,
Обман, обман,
Не дочь — гусыню дали вам!
Ку-ку, ку-ку!

Рассердились ужи, бросили гусыню, вернулись и потребовали настоящую невесту. По совету старой соседки родители нарядили белую овечку и отдали сватам. Дорогой опять прокуковала кукушка:

Ку-ку, ку-ку,
Да вы к венцу
Везете белую овцу!
Ку-ку. ку-ку!

Вернулись ужи, зашипели и опять потребовали невесту.

На этот раз отдали им белую телку, но кукушка вновь остерегла их, и они вернулись. Еще пуще разгневались ужи, пригрозили родителям и засухой, и потопом, и голодом за то, что не держат слова.

Оплакали домашние Елочку, нарядили и отдали ужам. Везут они ее, а кукушка знай кукует:

Торопитесь, торопитесь!
Заждался невесты витязь!

Наконец Ель с провожатыми приехала на берег моря. Встретил ее красавец-молодец, сказал, что он и есть тот Уж, что заполз в рукав ее рубашки. Тотчас переправились они на ближний остров и там спустились под землю, на самое дно морское. А на дне морском стоял богато разукрашенный дворец. Там и свадьбу справили. Три недели пили, плясали, гуляли.

Во дворце Ужа всего было вдоволь. Развеселилась Ель, успокоилась, а потом и вовсе забыла родной дом.

Миновало девять лет. У Ели уже три сына было — Дуб, Ясень и Береза, и дочка Осинка, самая меньшая. Распроказничался однажды старший сын и стал у матери допытываться:

— Где живут твои родители, матушка? Вот бы их навес-
тить.

Тут только и вспомнила Ель отца с матерью, сестер и братьев — всю свою родню. И задумалась она: как-то им живется? Здоровы ли, живы ли, а может, стариков уже и на свете нет? И так-то захотелось ей взглянуть на родной дом. Ведь столько лет не была там, не видала своих, так стосковалась по ним. Но муж сперва и слушать ее не хотел.

— Ладно, — наконец сказал Уж. — Отпущу тебя, только сперва спряди вот эту шелковую кудель, — и показал ей на прялку.

Взялась Ель за прялку — и день и ночь прядет, а кудель меньше не становится. Смекнула Ель, что тут какой-то обман — кудель-то, видать, была заколдованная, пряди не пряди — все равно не спрядешь. И пошла она к старухе-ведунье, жившей по соседству. Приходит и жалуется ей:

— Матушка, голубушка, научи меня спрясть эту кудель.

Старуха и научила:

— Затопи печь, брось в огонь кудель, иначе вовек не спрядешь!

Вернулась Ель домой, затопила печь — будто под хлебы, и бросила в огонь кудель. Шелк так и вспыхнул, и увидела Ель жабу, величиной с добрый валец, она прыгала в огне и выпускала из себя шелковую пряжу.

Спряла кудель и опять стала просить мужа отпустить ее хоть несколько дней погостить у родителей. На этот раз вы-
тащил муж из-под скамьи железные башмаки и сказал:

— Как износишь их, так и пойдешь.

Обулась Ель, и ну бродить, разбивать их об острые камни,

а башмаки толстые, крепкие, не стаптываются, да и только. Износа им нет, на весь век хватит.

Опять пошла Ель к старухе за советом, и та научила ее:
— Отнеси башмаки кузнецу, пусть накалит их в горне.

Ель так и сделала. Башмаки прогорели, она в три дня истрепала их и снова просит мужа отпустить ее к родителям.

— Ладно, — сказал муж, — только сперва испеки какой-нибудь пирог в гостинец, а то что ты дашь братниным детям?

А сам велел всю посуду попрятать, чтобы Ели не в чем было поставить тесто. Долго ломала голову Ель, как принести воду без ведра, как замесить тесто без квашни? И опять пошла к старухе. Та и говорит:

— замажь решето закваской, зачерпни речной воды и в нем же замеси тесто.

Ель так и сделала. Замесила тесто, испекла пироги и собралась с детьми в дорогу. Проводил их Уж на берег и наказал:

— Гостите не дольше девяти дней, а на десятый возвращайтесь! Выходи на берег с детьми без провожатых и покликай меня:

Если жив ты, муж мой верный,
Брызнут волны белой пеной,
Если помер — пеной красной...

Вскипит море молочной пеной, знай, что жив я, а вскипит кровавой пеной, значит, пришел мне конец. А вы, дети, смотрите, никому не проговоритесь, как меня выкликать надо.

Сказав это, распростился с ними и пожелал им благополучного возвращения.

Сколько было радости, когда Ель явилась в отчий дом! И родичи и соседи собрались поглядеть на нее. Один за другим спрашивали, как ей со змеем живет. Она только рассказывала и рассказывала. Все наперебой угощали ее, говорили ласковые речи. И не заметила Ель, как девять дней пролетело.

Тем временем братья, сестры и родители раздумывали, как бы удержать Ель дома, не отпускать ее к Ужу. И порешили: выведать у детей, как, выйдя на берег, станет Ель вызывать мужа со дна морского. А потом пойти туда, выманить его и убить.

Завели они старшего сына в лес, обступили его и стали пытаться, только он прикинулся, будто знает ничего не знает.

Как ни стегали розгами, что ни делали, а допытаться не могли. Отпустили его дядя, наказав ничего не говорить матери. На другой день взялись они за Ясеня, а потом за Березу, но и те тайны не выдали. Наконец завели в лес меньшую дочку — Осинку. Сперва и она отрекалась, а как увидела розги, сразу все выболтала.

Тогда двенадцать братьев взяли косы острые, вышли на морской берег и кличут:

Если жив ты, муж мой верный,
Брызнут волны белой пеной,
Если помер — пеной красной...

Только выплыл Уж, напали на него братья Ели и зарубили. Вернулись они домой, ничего сестре не сказали.

Миновал девятый день, Ель распростилась с родичами, вышла с детьми на морской берег и кличет:

Если жив ты, муж мой верный,
Брызнут волны белой пеной,
Если помер — пеной красной...

Замутилось, зашумело море, вскипела кровавая пена, и услышала Ель голос своего мужа.

— Двенадцать братьев твоих косами зарубили меня, а выдала им меня Осинка, любимая наша дочка.

Ужаснулась Ель, заплакала и, обернувшись к Осинке, молвила:

Стань пугливым деревцем на свете,
Век дрожи, не ведая покоя,
Пусть лицо твое дождик моет,
Волосы твои терзает ветер.

А сыновьям сказала:

Станете большими деревьями,
Елью я зазеленею рядом с вами.

Как она сказала, так и стало. И теперь дуб, яшень и береза-могучие, красивые деревья, а осина и от самого легкого ветерка дрожит, — все за то, что побоялась своих дядьев и выдала им родного отца.

СИГУТЕ

Жили-были брат с сестрою, красавицей Сигуте. И была у них злая мачеха, но не знали они, что она ведьма. А у ведьмы была родная дочь — толстая, некрасивая.

Пришло время брату идти на войну, уехал он в дальние края, и осталась Сигуте одна с мачехой. Не влюбила ведьма падчерицу и стала ее всячески донимать. Досталась на долю Сигуте вся черная работа. Сирота и по дому хлопотала и скотину пасла. Мачеха ее к себе на глаза не пускала, ела и спала падчерица со скотиной в хлеву. Сигуте ходила грязная, оборванная, а мачехина дочь, разряженная, чванная, сидела, как гостья, в красном углу и ничегошеньки не делала.

Была в доме черная собачонка и черная телка. Обе умели говорить по-человечьи, — ведь в старину и скотина разговаривала! Дома Сигуте день-деньской не разлучалась с собачонкой, а когда доила коров — с черной телкой.

Бывало, разговорится с ними Сигуте и позабудет про свою работу. За это часто попадало ей от мачехи. Все-то ведьме думалось, что Сигуте мало работает, что разленилась она.

Однажды, когда Сигуте выгоняла скотину, велела ей ведьма снять с себя рубашку, кинула пучок пакли и сказала грубым голосом:

Пряжу тонкую спряди
Да смотай ее, гляди,
А соткешь — сошьешь рубашку!

Делать нечего, сняла Сигуте рубашку, взяла паклю, заплакала и пошла в лес. Пригнала стадо, обняла за шею черную телку и плачет-разливается, кажется, вот-вот сердце разорвется. Когда же она успеет соткать и сшить рубашку! Пожалела телка сиротку и сказала тонким голосом:

Не вздыхай, Сигуте, тяжело,
Не горюй, не плачь, бедняжка,
Будет у тебя рубашка!

Подобрала телка паклю, проглотила и тут же выплюнула нарядную полотняную рубашку. Сигуте благодарила телку и целовала ее. А вечером, когда пригнала она домой стадо, и увидела на ней мачеха нарядную рубашку, то удивилась и захотела узнать, как это падчерица так хорошо соткала и сшила ее. На другое утро, когда Сигуте выгоняла скотину, ведьма опять велела ей снять с себя рубашку, дала другой пучок пакли и сказала:

Пряжу тонкую спряди
Да смотай ее, гляди,
А соткешь — сошьешь рубашку!

Только угнала стадо Сигуте, и послала ведьма свою дочь подглядеть, как она будет шить рубашку. Притаилась за деревьями ведьмина дочь и все увидела: и как плакала Сигуте, обнимая черную телку, и как телка проглотила паклю и выплюнула нарядную рубашку. Вернулась домой ведьмина дочь и обо всем, что видела, рассказала матери. А ведьма и подумала:

«Уж коли скотина заступает за Сигуте и помогает ей, то, как вернется с войны брат, она все ему расскажет, позовет в свидетели телку. Плохо мне тогда придется!» И так-то

захотелось ведьме избавиться от Сигуте, что надумала она сжечь ее живьем.

Вот и принялись они с дочерью рыть под порогом яму — и днем и ночью рыли, покуда не вырыли. Утром, когда Сигуте выгоняла скотину, ведьма не стала отнимать у нее рубашку, еще и приласкала падчерицу.

Только ушла в лес Сигуте, затопила ведьма печку, выгребла весь жар, насыпала полную яму под порогом, а сверху забросала землей; землю прикрыла соломой, заровняла края, и ямы как не бывало.

Пригнала вечером сирота стадо, а ведьма, впервые после отъезда пасынка, позвала ее в избу, приговаривая грубым голосом:

Доченька, входи скорее,
Хлеб я нынче испекла,
Квас не сходит со стола,
Вволю ешь и пей, Сигуте!

Только было хотела войти Сигуте, а собачонка вцепилась ей в подол и тонким голосом остерегает:

Не ходи в избу, Сигуте,
Под порогом скрыта яма,
Угодишь в нее ты прямо.

Прикрикнула на собаку ведьма:

— Что ты под ногами вертишься, кур в сених пугаешь. — Схватила ее и заперла в чулан. Но Сигуте не переступила порога и осталась жива. Так же было и на другой день: когда Сигуте пригнала скотину, ведьма принялась зазывать ее в горницу:

Доченька, входи скорее,
Хлеб я нынче испекла,
Квас не сходит со стола,
Вволю ешь и пей, Сигуте!

Но запертая в чулане собачонка опять остерегла девушку:

Не входи в избу, Сигуте,
Под порогом скрыта яма,
Угодишь в нее ты прямо!

Сигуте послушалась ее и не пошла в избу, а ведьма разозлилась, побежала и перебила собачонке лапу. На другой день, едва Сигуте пригнала стадо, ведьма опять зовет ее:

Доченька, входи скорее,
Хлеб я нынче испекла,
Квас не сходит со стола,
Вволю ешь и пей, Сигуте!

А собачонка снова остерегает:

Не входи в избу, Сигуте,
Под порогом скрыта яма,
Угодишь в нее ты прямо.

Обозлилась ведьма и перебила собачонке другую лапу. Так же было и на третий и на четвертый вечер, покуда ведьма не перебила собачонке всех лап. А на пятый день, только вернулась Сигуте, ведьма зовет ее:

Доченька, входи скорее,
Хлеб я нынче испекла,
Квас не сходит со стола,
Вволю ешь и пей, Сигуте!

В последний раз остерегает Сигуте верная собачонка, — разъярилась ведьма и вырвала у нее язык. На шестой день пригнала скотину Сигуте, и опять зазывает ее ведьма:

Доченька, входи скорее,
Хлеб я нынче испекла,
Квас не сходит со стола,
Вволю ешь и пей, Сигуте!

Некому было остеречь Сигуте, пошла она в избу, провалилась в яму и сгорела. А ведьма собрала пепел, отнесла за ворота и выбросила. На другой день стадо пасла мачехина дочь. Вышла черная телка за ворота, по запаху узнала пепел Сигуте и облизала его. Тотчас вылетела из пепла утка.

Тем временем война окончилась, и пасынок возвращался домой. Любо ему было мчаться по лесу. Мчится сквозь ча-

шу, вдруг — голос сестры. Остановил он коня, прислушался, никак в толк не возьмет, откуда песня слышится:

Ой, мой братец, добрый витязь,
Мачеха меня убила.
Угли жарко раскалила,
Под порогом их зарыла.
Ой, мой братец, добрый витязь,
Мачеха меня убила,
Угли жарко раскалила,
Зазывала — говорила:
Заходи в избу, Сигуте,
Хлеб я нынче испекла,
Квас не сходит со стола,
Вволю ешь и пей, Сигуте!
Ой, мой братец, добрый витязь,
Мачеха уговорила,
Я порог переступила,
Прямо в яму угодила.
Мачеха меня сгубила,
Сироты не пощадила,
Пепел выгребла из ямы,
Прах мой по ветру пустила!
Телка пепел мой лизнула,
Тотчас я крылом взмахнула,
Пестрой уткой в небо взмыла.

Наконец увидел брат уточку, которая пела сестриным голосом. Стал он прислушиваться, она ему все и пропела. Рассердился пасынок на ведьму и решил отомстить ей. Вымазал он своего коня дегтем и поехал домой. Услыхала ведьма, что пасынок возвращается, наполнила вином золотую чару и вышла его встречать. А он, завидя ведьму, — гоп — соскочил с коня на другую сторону. Мачеха и говорит:

— Прогони вороного, сынок, боюсь я его.

— Не бойся, конь смиренный, не лягается, толкни его рукой, он и отойдет.

Послушалась мачеха, толкнула рукой коня. Рука и прилипла к вороному.

— Хлопни другой рукой, рука и отстанет!

Ударил ведьма вороного другой рукой — и другая рука прилипла.

— Ударь ногой, — советует пасынок, — тогда руки отстанут.

И нога прилипла.

— Ударь другой.

И другая прилипла.

Испугалась ведьма, умоляет помочь ей.

— А ты его шеей толкни.

Послушалась мачеха — и шея прилипла. Тогда брат Сигуте сказал:

Вот тебе, злодейка-ведьма,

За красавицу сестрицу.

Вот тебе, злодейка-ведьма,

За сожженную сестрицу.

А потом повернулся к вороному и говорит:

— Беги, вороной, куда глаза глядят, пока ноги носят, разметай, развей косточки мачехи по белу свету.

И теперь зимою, когда на широком поле блестит под солнцем снег, — то белеют ведьмины косточки.

БУРЕНКА-ПРЯХА

Т

омерла у одной девочки мать. Прошло немного времени, и отец привел домой мачеху с двумя дочерьми. Мачеха была злая, с первых же дней невзлюбила падчерицу и взвалила на нее самую тяжелую работу. Сирота ходила в лохмотьях, укрывалась жесткой дерюжкой.

С весны погнала ее мачеха скотину пасти. Дала она падчерице мочку льна и велела к вечеру спрясть ее без веретена и смотать без мотовила. А коли не спрядет да не смотает, пускай и домой не ворочается.

Пригнала сирота скотину на выгон, села на пенек и заплакала. Плачет она, а буренушка подходит к ней и спрашивает человеческим голосом:

— О чем ты плачешь, о чем печалишься?

— Как же мне не плакать, как не печалиться, милая моя буренушка, — отвечала девочка. — Дала мне злая мачеха мочку льна и велела ее к вечеру спрясть без веретена и смотать без мотовила. Ума не приложу, как мне быть.

— Не плачь, девочка, — сказала буренка. — Накинь мочку мне на рога, я за тебя и спряду и смотаю.

Накинула девочка лен на рога ей, и ушла буренка. Под вечер вернулась с мотком тонкой пряжи на рогах.

Вот пригнала сирота домой скотину, а мачеха ее и спрашивает:

— Спряла ты лен?

— Спряла, — отвечает сиротка и подает ей моток.

Мачеха только рот разинула. Никак в толк не возьмет, как это падчерица сумела спрясть без веретена и смотать без мотовила. Порешила мачеха обо всем дознаться.

На другое утро дала она девочке две мочки льна и сказа-

— Спряди до вечера без веретена и смотай без мотовила.

Выгнала сирота скотину, села на пенек и опять заплакала.

Подошла буренушка, утешать стала:

— Не плачь, накни лен мне на рога, я за тебя и спряду и смотаю.

Сиротка накинула ей мочку на рога, и буренушка ушла.

А мачеха, проводив падчерицу, сказала своей меньшей дочери:

— Поди на выгон, подгляди, как наша пастушка прядет.

Пошла младшая дочка, только у сироты льна уже не было. Вечером завидела сирота буренушку с пряжей и говорит сестре:

— Поди, сестрица, отвори ворота, а я пригоню скотину.

Ушла мачехина дочка ворота отворять, а буренушка тут как тут — несет на рогах пряжу.

Пригнала падчерица скотину, а мачеха ее и спрашивает:

— Спряла ты лен?

— Спряла, — отвечает девочка и подает мачехе два мот-

Еще пуще дивится мачеха, спрашивает дочку:

— Видала ты, как пастушка пряла?

— Нет, не видала. Когда я пришла, у нее уж льна не было.

— Невелик от тебя толк! — побранила мать дочку.

На третье утро мачеха сказала падчерице:

— Вот тебе три мочки льна. Спряди их без веретена и смотай без мотовила.

Выпроводила сиротку из дому, кликнула старшую дочь и сказала ей:

— Ступай на выгон, подгляди, как наша пастушка прядет.

Но и старшая ничего не увидела. Лен уж унесла буренушка.

Вечером завидела сиротка буренушку с пряжей и сказала старшей сестре:

— Поди, сестрица, отвори ворота, а я пригоню домой скотину.

Не пошла сестра отворять ворота и увидала, как буренушка принесла на рогах мотки.

Идет падчерица домой, а мачеха ее на пороге поджидает:

— Спряла ты лен?

— Спряла, — отвечает сиротка и подает мачехе три мотка.

Вскоре и дочка вернулась; мать ее и спрашивает:

— Видала ты, как пряла наша пастушка?

— Как пряла, не видала, только видала, как буренка принесла мотки на рогах.

Разозлилась мачеха и говорит:

— Завтра же эту корову зарежем.

Опечалилась сиротка, пошла к буренушке, со слезами обняла ее за шею и сказала:

— Милая моя буренушка, хочет тебя мачеха зарезать.

— Что поделаешь, — ответила ей буренка. — Но я и после того сослужу тебе службу. Слушай меня хорошенько. Как зарежут меня, приметь, куда упадет первая капля крови. Ты эту каплю засыпь землей. Потом, когда вся кровь стечет, обмакни в нее свой передник и зарой в саду под первым окном. Только смотри, чтоб никто не увидал.

На другой день зарезали корову. Сирота первую каплю крови землей засыпала, передник обмакнула в кровь и зарыла в саду.

Прошло несколько лет. Сирота выросла и стала красавицей. Только по-прежнему мачеха держала ее в черном теле, насмехались над ней сестры.

И вот весной на том самом месте, куда упала первая капля буренушкиной крови, забил вином ключ, а в саду, где зарыт был передник — выросла прекрасная яблоня, вся в цвету. А как пришло лето, сплошь покрылась она золотыми яблоками.

Однажды ехал мимо сада королевич. Увидал он диковинную яблоню, завернул во двор и попросил нарвать ему яблок. Тут увидал он винный ключ, и захотелось ему отведать вина. Позвала мачеха старшую дочь и говорит ей:

— Поди, дочка, в сад, нарви яблок, зачерпни вина и поднеси почетному гостю.

Но старшая дочь не сумела ни яблоч нарвать, ни вина зачерпнуть: только протянет к яблокам руку — ветви вверх поднимутся, только захочет зачерпнуть вина, оно в землю уходит. Послала тогда мать меньшую дочь, но и меньшей не удалось ни яблоч нарвать, ни вина зачерпнуть. Рассердилась мачеха, пошла сама, только и у нее ничего не вышло. Тогда сказала она падчерице:

— Ступай, может, тебе посчастливится.

Вышла в сад падчерица и запела:

Золотая яблонька, наклонись,
Винный ключ, брызни ввысь!

И тотчас ветви сами наклонились к земле, а винный ключ забил из земли. Нарвала девица яблоч, зачерпнула вина, поднесла гостю и опять запела:

Золотая яблонька, поднимись!
Винный ключ, лейся вниз.

Поднялись яблоневетви, да так высоко, что никто не мог дотянуться до яблоч, а вино ушло в землю так глубоко, что никому не зачерпнуть.

По душе прихлась королевичу девушка, подарил он ей шелковое платье и золотые башмачки. Нарядилась падчерица и такой красавицей стала, что королевич не мог глаз от нее отвести.

Тут он и спросил:

— Согласна ли ты выйти за меня, красавица?

Девушка только голову опустила, а королевич посадил ее на коня. Только шагнул конь, как зашумела листвою яблоня, зажурчал винный ключ, и оба побежали вслед за женихом и невестой.

ДВЕНАДЦАТЬ БРАТЬЕВ ЧЕРНЫХ ВОРОНОВ

Померла у одного барина жена и оставила ему двенадцать сыновей и одну дочку.

Прошло немного времени, и задумал барин жениться на другой. А была она ведьмой и отвечала ему так:

— Если хочешь, чтобы я пошла за тебя, сожги своих сыновей, собери пепел в бумагу и пришли мне, а дочь пускай живет.

И так и сяк думал барин, а придумать ничего не мог. Взял да и рассказал все своему слуге. А слуга ему и говорит:

— Не кручинься. Много у тебя в поместье больших собак, двенадцать собак сожги, пепел собери в бумагу и пошли. Где ей догадаться? А после свадьбы, хоть обман и откроется, ничего им не станет.

Помещик так и сделал: сжег двенадцать собак, пепел собрал в бумагу, запечатал и отослал ведьме.

Та поглядела, понюхала и согласилась венчаться.

Приехала она после свадьбы в поместье и принялась всюду разнюхивать: шныряла-шныряла, да и говорит:

— Откуда это смрад идет? Пускай все лишнее вылетит отсюда черным вороньем.

А пасынки ее как раз в погребке сидели. Тотчас один за другим обернулись черными воронами и вылетели в окно.

Осталась у отца одна дочка. Ничегошеньки она не знала про своих братьев, потому что отец запретил слугам рассказывать ей.

Однажды, а было ей тогда уж двенадцать лет, разговорились при ней дворовые:

— Разве у покойной хозяйки только дочка была?

А другой слуга отвечал:

— Куда там! Двенадцать сыновей было у нее, а как женился хозяин на ведьме, она их всех заклала и обратила в черных воронов.

Как услышала об этом девочка, сразу собралась идти братьев разыскивать. Сшила она двенадцать рубашек, двенадцать портов, двенадцать простынь и двенадцать наволочек, завязала все в узелок и отправилась в путь-дорогу.

Шла она полем, шла она лесом и каждого встречного спрашивала: не видал ли он ее братьев, черных воронов?

Набрела она в глухой чаще на отшельника и его тоже спросила:

— Не видал ли ты моих братьев, черных воронов?

— Не видал, — сказал отшельник, — но властвую я над всеми небесами. Переночуй у меня, а утром велю я спуститься всем тучам и спрошу у них. Уж они-то видели твоих братьев!

На другое утро велел отшельник спуститься всем тучам-облакам, и когда они обложили хижину, стало в ней темно, как черной ночью. Вышел на порог отшельник и спрашивает их:

— Не видали ли вы двенадцать черных воронов?

— Не видали, — отвечали тучи-облака, поднялись и разлетелись в разные стороны.

Тогда сказал отшельник девочке:

— Коли будешь весь день идти лесом, к вечеру встретишь моего брата. Он хозяин над всеми ветрами и может узнать у них, не встречались ли им твои братья.

Послушалась его девочка. Весь день шла она по глухому лесу и к вечеру набрела на другого отшельника. Подходит к нему и спрашивает, не видал ли он двенадцать братьев черных воронов, не слышал ли о них?

— Знать про них не знаю, — отвечал отшельник. Переночуй у меня, а завтра утром созову я все ветры, и коли попались им двенадцать братьев черных воронов, они расскажут тебе.

Утром отшельник принялся скликать ветры. Задули они, зашумели, заревели. Стал их расспрашивать отшельник, и ответили они, что не попадались им двенадцать братьев.

Тогда отшельник сказал:

— Коли будешь весь день идти лесом, к вечеру встретишь нашего старшего брата. Властвует он над всеми птицами. Может, какая птица и повстречала твоих братьев.

Пошла дальше девочка.

Весь день шла она лесом и к вечеру набрела на третьего отшельника. И тот отвечал ей так же:

— Заночуй у меня, утром созову я всех птиц. Если повстречали они твоих братьев — расскажут тебе.

Наутро стал скликать отшельник всех птиц. Как запорхали, как залетали большие и малые птицы! Вышел к ним отшельник и стал расспрашивать. А птицы ему отвечают: ничего не видали, ничего не знают.

Не стал удерживать их отшельник, и разлетелась стая. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетел хромой орел.

Закричал на него отшельник:

— Отчего не поспешил, где замешкался?

— Ранил меня охотник в лапу, — ответил орел, — не мог я быстрее прилететь.

И спросил отшельник:

— Не видал ли ты, не встречал ли ты двенадцать братьев черных воронов?

Орел отвечает:

— Видал я их, знаю. Днем они летают черными воронами, а ночью оборачиваются добрыми молодцами и ночуют на высокой горе.

Дал отшельник девочке двенадцать колышков и велел втыкать их в землю, как будет она взбираться на высокую гору.

— Берегись только, — остерег он ее, — чтобы ни один колышек из рук не выскользнул; уронишь хоть один — не взберешься на гору.

А орлу сказал:

— Смотри, чтобы она не упала и не убилась.

Полетела девочка с орлом, и прилетели они к той горе.

А гора была такая высокая, что вершина ее уходила за облака. И стала девочка втыкать в землю колышки, взбираться на гору. Колышек за колышком, и полверсты не осталось, совсем было взобралась девочка на вершину, как вдруг один колышек выскользнул у нее из рук. Увидала она, как падает колышек, и сама оступилась. Но тут подоспел орел, поджидавший ее на вершине, поднял девочку с земли, ухватив здоровой лапой за узелок, и унес высоко-высоко, за облака. Донес до большой пещеры, опустил у входа и сказал:

— К этой пещере каждый вечер слетаются твои братья. Войдешь туда и увидишь двенадцать кроватей, застели их своими простынями, надень на подушки свои наволочки, а рубашки и порты положи каждому на постель. У каждой кровати стоит по столику, на каждом столике — хлебец. Отрежь от каждого по ломтику и съешь. У самой двери кровать младшего брата, заберись под нее, там и переночуй.

Рассказав ей все это, орел улетел, а девочка вошла в пещеру. Там все так и было, как рассказал орел. Застелила она кровати простынями, надела на подушки наволочки, рубашки и порты разложила по постелям. Съела по ломтику от каждого хлебца и забралась под кровать младшего брата.

Только наступил вечер, и слышит она — закаркали вороны, опустились на землю, обернулись добрыми молодцами и вошли в пещеру. Обрадовались братья, увидав постланные постели и разложенную одежду. Все тотчас нарядились в нее и хотели было приняться за еду, как вдруг увидели, что от каждого хлебца по горбушке отрезано.

Старший сказал:

— Хорошо, что постели постланы и мы одеты, а вот что хлеба не хватает — плохо. Да что поделаешь!

Улеглись спать братья, а проснулись утром, обернулись черными воронами, закаркали и улетели.

Вылезла девочка из-под кровати, застлала постели, подмела пол, все прибрала и села дожидаться братьев. Под вечер опять отрезала по ломтику от каждого хлебца и забралась под кровать младшего брата.

Вечером снова закаркали черные вороны, и вошли в пещеру братья. Старший сказал:

— А хлеба-то опять поубавилось! Может, кто недобрый затесался к нам. Нынче еще ничего делать не стану, но как на третий день будет так же, то всю гору разворочу, а найду незваного гостя.

Испугалась девочка, думает, как ей быть? Уж и все братья давно спят-храпят, а она не может уснуть, да и только! Крепилась, крепилась, наконец не утерпела и стала будить младшего, тянет его за руку. Спрашивает он:

— Кто тут?

Отвечает ему шепотом девочка:

— Я, братец, сестричка ваша, пришла, разыскала вас, да вот старший брат грозится, бранится... Как же мне быть?

Младший брат отвечает:

— Покуда спи. Утро вечера мудренее, завтра увидим.

Поднялись утром все братья, уж и уходить собираются, а младший и говорит:

— Вот, братец, собирался ты вчера гору разворотить, а ну как найдешь родню, может, сестрицу, что тогда?

— Вижу, ты уже проведал, кто тут прячется, скажи и нам!

— Вылезай, сестрица, будь что будет!

Старший брат и говорит:

— Кабы ты подождала нас дома еще с годик, то дождалась бы нас. А теперь придется и тебе и нам томиться двенадцать лет. Если выдержишь, не промолвишь ни слова все двенадцать лет, тогда мы с тобой еще свидимся!

И велел он сестре сесть к нему на спину, обернулись братья черными воронами и улетели. Отнесли они сестру в дремучий бор, усадили на верхушку высокой ели и распростелись с нею. Долго сидела она там, все платье у ней в клочья разодралось.

Однажды прискакал в дремучий бор на охоту королевич с охотниками. Остановилась собака под деревом, где сидела девочка, и залаяла. Подскакал королевич с охотниками, видят — прячется на дереве человек. И так и сяк заговаривают — молчит, да и только! Сказал тогда королевич своему слуге:

— Влезь на дерево и спусти его сюда. Поглядим, кто это там!

Слуга полез. Выглянула девушка, словно показать хотела, что нет на ней платья. Спрыгнул охотник с дерева и сказал королевичу, что сидит на вершине красивая девушка, да раздета. Дал королевич слуге платье, и тот подал его девушке. Оделась она и спрыгнула с дерева. Так она понравилась королевичу, что на других девушек он и глядеть

не хотел. Привез красавицу домой и сказал родителям, что хочет взять ее в жены.

Не хотелось родителям немой снохи, но долго упрашивал их королевич, и они согласились. Так и женился королевич на сестре двенадцати братьев — черных воронов.

Прошло несколько лет, и дождался они сына. В тот день королевича не было дома, и приставили к молодой королеве ее мачеху, чтобы ходила она за ней. Выбросила ведьма ребенка, схватила щенка и показывает всем:

— Смотрите, каков ее ребенок!

Испугались родители и написали сыну, чтобы поскорее вернулся и выгнал жену. Вернулся королевич, поглядел на нее, и показалась она ему такой хорошей и пригожей, что решил он ее не наказывать.

Через год дождался они другого сына. Королевича опять не было дома, и опять мачеха-ведьма выбросила ребенка, схватила котенка и показывает всем:

— Смотрите, кто родился!

Все только гневались, а родители опять написали сыну, и ответил сын, чтобы они ничего не решали без него. Вернулся домой королевич и сказал:

— Жена моя добрая, жена хорошая, не расстанусь я с ней! Поглядим, что будет дальше.

Миновал еще год, снова не было дома королевича, и родился у них третий сын. Выбросила ведьма ребенка и всем показывает щенка.

Написали родители сыну, просили его вернуться поскорей и порешить на чем-нибудь. Вернулся королевич, жалко ему было губить свою жену. Но не мог он ничего придумать и сказал:

— Делайте, как сами знаете!

Судили королеву судьи и порешили сжечь ее на костре, как ведьму. Разожгли большой костер и повели ее, но тут хлынул дождь и залил огонь. Опять велели привезти сухого хворосту. И как раз миновало двенадцать лет — вот-вот прилетят братья. Только разожгли костер заново, глядь, летят черные вороны, опускаются наземь. Обернулся старший добрым молодцем и подвел за руку трехлетнего мальчика. Обернулся и второй добрым молодцем и принес двухлетнего мальчика, а за ними вышел и третий с новорожденным младенцем в пеленках. И все братья подбежали к костру и закричали:

— Что вы делаете? За что хотите погубить невинную нашу сестру? Лучше бросьте в огонь мачеху-ведьму!

Тут рассказали они, как ведьма выбрасывала новорожденных и как они подбирали их и пестовали. Сестра тоже все рассказала; любила она братьев, оттого и молчала столько лет. Тут кинулись все к ведьме и бросили ее в огонь.

Задал король пир на весь мир, и я там был, многое видал, много ел и пил, по усам текло, а в рот не попало.

ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ И СЕСТРИЦА ЭЛЕНИТЕ

или на свете девять братьев с сестрицей Элените. Перед смертью оставил отец каждому сыну по жеребенку, а дочери — кобылу, мать девяти жеребят. Однажды вес-

ной напали на край враги, и братья ушли воевать. Осталась Элените дома одна.

Долго ждала она братьев. Девять лет прошло, а их все нет.

Запрягла она тогда свою кобылу и поехала искать братьев. Едет-едет и не знает, близко ли они, далеко ли? И запела тогда Элените:

Что не ржешь, темно-гнедая?
Что не ржешь ты, поджидая?
Где-то девять жеребят?
Девять братиков солдат?

Заржала кобыла, и долетело до Элените из дальней дали ржание девяти жеребцов. Откуда послышалось оно, в ту сторону и повернула Элените. Едет она лесом дремучим, глядь — подбегает к ней зайчишка и просит:

— Подвези меня, Элените, гонится за мной охотник с борзыми.

Сжалилась девушка над зайчишкой, взяла его в повозку, и борзые пронесли мимо.

Едет Элените дальше и нагоняет она Лауму¹. Лаума в корыте трясется, в упряжке у нее свинья, вместо вожжей кишки, а сама в скверные лохмотья одета.

Едут они рядом и вот увидели две реки. Лаума и говорит:

— Элените, Элените, искупаемся в этой реке, в этой молоко течет, а в той кровь кипит!

А зайчишка остерегает, шепчет девушке:

— Не слушайся Лаумы, Элените, в этой реке кровь кипит, а в той молоко течет.

Рассердилась Лаума и перебила зайчишке лапку.

Элените не послушалась ее, не стала купаться.

Едут они дальше и опять подъехали к двум рекам, и опять говорит Лаума:

— Элените, Элените, искупаемся в этой реке! В этой реке молоко течет, а в той кровь кипит.

А зайчишка опять говорит:

— Не слушайся ее, Элените, в этой реке кровь кипит, а в той молоко течет!

Обозлилась Лаума, перебила зайчишке и другую лапку. А Элените послушалась зайца, не стала купаться. Вскоре они опять подъехали к двум рекам. Зайчишка опять отгово-

---

¹ Лаума — ведьма

рил Элените. Лаума ему и задние лапки перебила, а под конец голову свернула. Так и подох зайчишка. Элените и Лаума опять доехали до двух рек. Опять позвала Лаума Элените искупаться в кровавой реке. Теперь уже некому было остеречь девушку, и пошла она с Лаумой купаться. Лаума скорехонько выскочила на берег, нарядилась в платье Элените, села в ее повозку. А как быть Элените? Надела она лохмотья Лаумы, уселась в ее корыто и поехала следом за ней. Тут запела Лаума грубым голосом:

Что не ржешь, темно-гнедая?
Что не ржешь ты, поджидая?
Где-то девять жеребят?
Девять братиков солдат?

Не откликнулась кобыла на грубый вой Лаумы, не заржала. Тогда Лаума приказала запеть Элените. Запела девушка, и тотчас заржала в ответ кобыла. Все девять жеребят отозвались ей, а были они уж совсем близко. Повернула Лаума в ту сторону, а Элените велела позади ехать.

Вскоре доехали они до усадьбы братьев. Они Лауму не признали: платье-то сестрино, только Элените красавица была, а эта страшная да грузная.

— А вот моя пастушка, — говорит Лаума. Не узнали братья Элените, но лицом она напомнила им сестру, и хотели они позвать ее в дом. Да Лаума не позволила: велела девушке всю ночь лошадей пасти. Братья повели Лауму в дом, усадили за накрытый стол, вином, медом потчевать стали, а Элените побрела лошадей пасти. Пасет она лошадей, слезами обливается и жалобно поет:

Ведьма-Лаума с братьями пирует,
А сестра коней пасет, горюет.

Вот взошел месяц, и опять запела Элените:

Ты скажи мне, месяц, правду не таи,
Как живут в раю родители мои?

И ответил ей месяц:

Батюшка твой мед и пиво пьет,
Шелковую нитку мать прядет.

Вышла на крылечко Лаума, услышала эту песню и заорала грубым голосом:

Твой отец сгребать навоз пошел,
Щепки собирает мать в подол.

Услышали братья песню Элените, и по сердцу пришлась им эта песня. На другую ночь пошел с ней старший брат лошадей пасти, песни послушать. Только вскоре заснул он и ничего не слышал. На третью ночь пошел другой брат. Этот тоже заснул, не услышал песен Элените. Так братья по очереди пасли с ней лошадей, и ни один не слышал ее песен. И вот пришел черед меньшого. Улегся он и прикинулся спящим.

Тогда залилась слезами девушка и запела:

Ведьма с братьями пирует,
А сестра коней пасет, горюет.

Замолкла Элените, а брат и говорит ей:

— Поищи у меня в голове.

Ищет у брата в голове Элените, а слезы ему на кудри так и катятся, так и катятся. Вдруг что-то заблестело на пальце девушки, и узнал брат перстень Элените, подаренный матерью.

— Откуда у тебя этот перстень? — спрашивает.

Элените ему все и рассказала. Порешили тогда братья отомстить Лауме. Вымазали они дегтем кобылу и поставили ее утром перед крыльцом, а сами зовут Лауму:

— Выйди, сестрица, по саду прогуляться.

Вышла Лаума, увидела кобылу и ну орать:

— Чего тут кобыла стоит?

— Ударь ее, сестрица, рукой, она и отойдет, — говорят братья.

Лаума ударила кобылу, рука у нее и прилипла.

— Ударь другой рукой, — учит брат.

Ударила Лаума — и другая рука прилипла. Тогда она пнула кобылу ногой, и нога прилипла. Пнула другой — и другая прилипла.

— Толкни кобылу животом, тогда и руки и ноги отстанут.

Послушалась Лаума и всем телом прилипла. Тогда братья сказали кобыле:

— Неси ведьму-Лауму туда, где солнце не греет, где ветер не веет, куда и звери не забредают, куда и птицы не залетают, а как занесешь ее туда, окупись в винную речку, вываляйся на шелковых лугах и воротись назад.

Кобыла так и сделала.

А братья с сестрой жили долго и счастливо. И по сей день Живут, коли не померли.

ДЕВЯТИГЛАВЫЙ

или на свете девять братьев, а десятая была сестрица. Ускакали все братья на войну, а сестрица осталась дома с ведьмой-мачехой. Ведьма та знала, что в лесу девятиглавый змей живет, и погнала сестрицу в лес, будто бы братьев разыскать. На самом деле послала, чтобы змей ее сожрал. Пошла сиротинка, а ведьма — следом за ней, поглядеть, что дальше будет.

Кинулся змей за девицей, а она от него на яблоню влезла. Принялся девятиглавый яблоню перегрызать. Погрызет одна голова — грызет другая, а устанет — третья грызть начинает, и так все девять голов.

Проходит мимо медведь и говорит:

— Бог помочь, девятиглавый, ты что тут делаешь?

— На яблоне сытное жаркое, вот и грызу. Как перегрызу, да как сожру!

— Отдохни, — сказал медведь, — я за тебя погрызу.

Улегся девятиглавый, отдыхает. А медведь вокруг яблони ходит и поет:

Дважды, трижды обойду,
Разрастайся, яблоня, в саду.

А кукушка кукует:

Девять братиков солдат,
Мчитесь поскорей назад!
Ку-ку, в лесу сестрица
На яблоне томится,
Слезы льет, вас зовет.
Ку-ку, девятиглавый
Ствол яблони грызет.
Уж он, как волосинка,
Уж он, как шелковинка.

Стала ведьма гнать кукушку:

— Эй, рябая, что ты тут поешь?

Так оно и было: медведь вокруг яблони бегаёт, кукушка кукует, ведьма её гонит, а девятиглавый спит, все девять голов на землю положил.

Вдруг слышит — земля дрожит.

Спрашивает он:

Кто стучит-гремит опять?
Кто мешает сладко спать?

Села кукушка наземь, закуковала:

Слышу, слышу стук копыт —
Скачут братья, лес гремит.

Поднял тогда змей одну из голов и видит, что яблоня стала втрое толще. Прогнал он медведя, сам грызть принялся.

Прибегает лиса:

— Бог помочь, девятиглавый, ты что тут делаешь?

— На яблоне сытное жаркое, вот и грызу ее. Как перегрызу, да как сожру!

— А ты бы прилег, девятиглавый, — говорит лиса, — я за тебя погрызу.

А змей отвечает:

— Может, и ты хочешь обмануть меня, как медведь обманул?

— Нет, не стану я обманывать.

Улегся девятиглавый под яблоню, а лиса бегает и поет:

Дважды, трижды обойду,
Разрастайся, яблоня, в саду.

И опять закуковала кукушка:

Девять братиков солдат,
Мчитесь поскорей назад.
Ку-ку, в лесу сестрица
На яблоне томится,
Слезы льет, вас зовет.
Ку-ку, девятиглавый
Ствол яблони грызет.
Уж он, как волосинка,
Уж он, как шелковинка.

Ведьма опять отпугивать кукушку:

— Эй, рябая, что ты поешь?

А девятиглавый говорит:

Кто стучит-гремит опять?
Кто мешает сладко спать?

А братья уже близехонько, и кукушка кукует:

Слышу, слышу стук копыт —
Скачут братья, лес гудит.

Тут прискакали девять братьев-богатырей с мечами и в латах, отрубили девятиглавому все девять голов и сняли сестру с яблони. А ведьму привязали к дереву и сожгли.

ЮРГЮКАС И ЭЛЕНИТЕ

Ж

или-были муж с женою и прижили они двух детей. Сынка Юргюкаса и дочку Элените. Только мать взяла да и померла, а отец женился на ведьме-Лауме. Захотелось Лауме Юргюкасова мяса отведать, и велела она зарезать его.

Мачеха твердит: — Зарезать! Отец: — Не дам! Зарезал он тогда свинью, сварил мясо и подал Лауме. Только принялась есть ведьма, прилетел черный ворон и закаркал:

Кар-кар,
Мясо-то не сына,
Кар-кар, —
Жесткая свинина!

Рассердилась Лаума, выбросила мясо за окошко, опять велит Юргюкаса зарезать. Зарезал отец овечку, за ней корову, так всю скотину перерезал. Когда никого не осталось, застрелил зайца, а там и Юргюкаса. Сварил он его и подал Лауме.

— На, жри!

Только принялась ведьма за еду, прилетел черный ворон
и каркает:

Кар-кар,
Мясо-то сына,
Кар-кар,
Повкуснее, чем свинина!

Съела Лаума Юргюкаса, а косточки обглодала и выбросила за окошко. Собрала Элените братнины косточки, сложила в шелковый платочек и подложила их в гнездо пестрому соколу. А он птенцов высиживал. Прошло три дня, и высидел он из косточек Юргюкаса голубка. Полетел голубок в лес и запел:

Выл ветер, жалобно выл,
Когда батюшка сына убил,
А мачеха пасынка съела,
За окошко бросила кости.
Сестрица меня пожалела
И кости в платочек сложила,
В соколье гнездо подложила.
А я-то не соколенок,
А я-то простой голубенок.

Проезжали мимо купцы, услышали они песню и говорят:
— Не горюй, мы тебя одарим.

И все, сколько их было, кинули голубку по кошельку с деньгами.

А на другой день голубок опять запел:

Выл ветер, жалобно выл,
Когда батюшка сына убил.

Проезжали другие купцы, услышали песню и надавали ему полотна, сукна, шелка и всякого добра. Голубок тайком еретаскал все подарки на отцовскую крышу и там спрятал. А на третий день опять запел:

Выл ветер, жалобно выл,
Когда батюшка сына убил.

Проезжали по лесу мельники. Услыхали они его и подарили по жернову. И жернова запрятал голубок на отцовскую крышу. А сам уселся на нее и запел:

Выл ветер, жалобно выл,
Когда батюшка сына убил.

Кончил петь и кличет:

Выходи, батюшка, я тебя одарю.

Вышел отец на крыльцо, голубок бросил ему кошелек с деньгами, а сам опять запел свою песню. Допел ее и кличет:

Выходи, сестрица, я тебя одарю.

Только вышла на крыльцо Элените, он кинул ей половину всех своих шелков, сукон и полотен. Все пополам разделил. И в последний раз пропел свою песенку, опять кличет:

Выходи, ведьма-Лаума, я и тебя одарю.

Мачеха поскорей тулуп надела, вышла на крыльцо и вверх глянула. А голубок как сбросит ей на голову тяжелый жернов, — жива еще ведьма. Сбросил другой жернов — тут ей и конец пришел. А голубок обернулся Юргюкасом. То-то была радость! И опять зажили они все втроем припеваючи.

МАЛЬЧИК И ЛАУМЫ

Ж

или-были старик со старухой, и был у них сын. Умерли родители, и остался сынок один-одинешенек. Досталось ему все добро: и кони гнедые, и бычки пестробокие, и псы борзые.

Очень любил мальчик кататься на салазках.

Однажды задал он корму коням и бычкам, напоил собак, а сам взял салазки, затащил на горку, катится вниз и напева-

Чу-чу, чу, чу, как я качу.

Пронюхали ведьмы-лаумы, что мальчик с горки катается, на другое утро наладили огромные сани, едут и распевают:

Тили-тили, покатили.

А мальчик кормит дома скотинушку и отвечает:

Коней кормлю, коней пою.

Коней кормлю, коней пою.

Телят кормлю, телят пою.
Телят кормлю, телят пою.
Гусей кормлю, гусей пою.

А потом взял салазки и тоже вышел покататься. Едут лаумы и поют:

Наши горы, твои доли.

А мальчик им в ответ:

Мои горы, ваши доли.

Лаумы говорят:

— Ладно, пусть уж горы твоими будут. — А сами большие-пребольшие санки волокут, одна другую катают.

И мальчишка катается: у-ух! — и вниз.

Сшили лаумы большущий кожаный мешок. Летит мальчишка с горки, — и вместе с салазками прямо в мешок угодил. Завязали лаумы мешок, взвалили на сани и повезли домой. Привезли, свалили в клеть. Потом затопили печь — мальчишку жарить. А у него был в кармане ножик. Разрезал он мешок, выбрался из него, огляделся. А в клетке лаума спала. Сгреб ее мальчишка, в мешок посадил и завязал, а сам влез на крышу и под стрехой притаился.

Наготовили лаумы кипятку, прибежали, схватили мешок и поволокли. Из мешка визг-вой несется, они и думают — мальчишка это кричит. А тот сверху видит: мешок в печь толкнули и сварили. Жуют лаумы мясо, косточки обгладывают и поют:

Ох и сладки, ох и вкусны
пальчики мальчонки.

А мальчик с крыши отвечает:

И не сладки, и не вкусны
старой ведьмы пальцы.

Тут и увидели лаумы, что мальчишка жив. Он — прыг с клетки и бежать. А лаумы — вдогонку. Добежал он до дуба, взобрался на сук и сидит. Подбежали лаумы, да как его до-

станешь? Принесли они топоры и давай дерево рубить. Только не берут топоры — затупились.

Бежит мимо лиса и спрашивает:

— Кумушки, кумушки, что вы тут делаете?

— Дуб рубим.

— Давайте я вам топоры наточу. Кладите мне на хвост.

Сложили лаумы топоры на лисий хвост. Спустилась лиса в ложбинку, била-била по камню — все топоры зазубрились.

— Вот, — говорит, — наточила.

Опять принялись лаумы дуб рубить. Топоры и вовсе не берут. Бросили они тогда топоры, и ну зубами грызть. Видит мальчишка, что скоро повалится дуб. Испугался и стал звать:

Поживей ко мне, гнедые,
Поживей, рога крутые,
По-жи-вее, псы борзые.

Услыхали кони да быки, бегут на выручку. Кони ворота выломали, быки привязи оборвали, собаки с цепей сорвались — летят-спешат. Как по льду помчались — цок-цок-цок! Услыхали их лаумы.

Мальчик, мальчик, кто там едет?

А тот, сидя на дереве, отвечает:

Князюшка наш едет, подковки цокают.

Прибежали кони да быки, видят — хозяин на дубу сидит, а лаумы дерево грызут. Тут принялись кони топтать их да лягать, быки — на рога брать, псы — трепать да рвать. Вмиг смяли, растерзали, в порошок истолкли. С той поры там не снег на солнце сверкает, а лаумин жир блестит.

СИРОТИНКА И ВЕДЬМЫ

В

здумалось как-то мальчику-сиротинке по свету погулять, людей повидать. Шел он, шел, — и видит большую усадьбу. Жили там двое стариков. Попросился сиротинка к ним переночевать. Пустили его старики, только говорят:

— Плохо тебе придется, милый, здесь ведьмы водятся. Видишь, глаза нам выхлестнули, как бы и с тобой того не случилось.

Не испугался мальчик и остался в усадьбе. Велели ему старики пасти коз. Смастерил он себе дудочку, сломил хворостинку и погнал коз прямо в сад. Вот пасет мальчик коз и видит — летит ведьма. Как закричит она:

— Ты зачем в нашем саду коз пасешь? Мы и отцу твоему и матери глаза выхлестнули, и с тобой то же будет!

Не испугался мальчик, — отвечает:

— Что ж поделаешь, выхлестнешь, так останусь без глаз. Только сперва дай мне на дудочке поиграть.

Ведьма и согласилась. Заиграл мальчик, а ведьма — в пляс. Плясала-плясала, устала, на брюхе ползет. Подбежал мальчик, хлестнул ведьму хворостиной и убил. Пригнал он коз домой и рассказал старикам, как дело было. Обрадовались старики его удали.

На другой день мальчик опять погнал коз в сад. Прилетела другая ведьма и кричит:

— Ты зачем в нашем саду коз пасешь? Мы и отцу твоему и матери глаза выхлестнули, и с тобой то же будет!

А мальчик отвечает:

— Что ж поделаешь, выхлестнешь, так останусь без глаз. Только сперва дай мне на дудочке поиграть.

Ведьма и согласилась. Только он дудочку к губам поднес, ведьма в пляс пустилась. Плясала-плясала, устала, на брюхе ползет. Подбежал мальчик, хлестнул ее хворостиной и убил.

На другой день он опять пригнал в сад стадо. Прилетела третья ведьма и кричит:

— Ты зачем в нашем саду коз пасешь? Мы и отцу твоему и матери глаза выхлестнули, и с тобой то же будет!

Мальчик и говорит:

— Что же поделаешь, выхлестнешь, так останусь без глаз. Только сперва дай мне на дудочке поиграть.

И эта ведьма согласилась. Заиграл мальчик, и ведьма в пляс пошла. Плясала-плясала, устала, на брюхе ползет. Подбежал к ней мальчик и говорит:

— Верни глаза моему отцу и матери, тогда тебя отпущу.

Ведьма и говорит:

— Ступай в баню и найдешь в синем ларчике отцовы глаза, а в красном — материны. Еще там пузырек с кровью увидишь, сперва помажь глазницы этой кровью, потом глаза приставляй.

Только сказала это ведьма, мальчик и убил ее. Пригнал коз домой и спрашивает родителей:

— Батюшка, матушка, хотите на белый свет глядеть?

Родители отвечают:

— Как же не хотеть, сынок!

Истопил тогда мальчик баню, вымыл стариков, помазал глазницы кровью и приставил глаза. Старики обрадовались и принялись благодарить мальчика.

Вот однажды прилетел к старикам ворон и закаркал:
— Карр, карр, пожалуйста на свадьбу!

Напекли старики пирогов, сели на козлов и поскакали на свадьбу, а дома одного мальчика оставили.

Все ключи ему отдали, только один с собой взять хоте-

— Батюшка, сколько я тебе добра сделал — сад у ведьм отнял, глаза вам вернул, а тебе жалко ключ оставить, — стал просить мальчик.

Стыдно стало старику, и отдал он ему последний ключ. Как только остался мальчик один, отпер ключом заветную дверь и увидел красавца-коня. Вывел его, оседлал и поскакал по свету погулять, людей повидать.

Вернулись, старики со свадьбы, глядь — ни мальчика, ни коня. Пустился старик в погоню. Гнался-гнался и догнал. Упрашивает мальчика вернуть коня, а тот отвечает:

— Батюшка, сколько я тебе добра сделал — у ведьм сад отобрал, глаза вам вернул, а тебе жалко мне коня отдать.

Стыдно стало старику, вернулся он домой. А дома старуха его поругала, опять вдогонку за мальчиком послала. Гнался старик, гнался и догнал мальчика. И на этот раз упросил его мальчик не отнимать коня. Вернулся старик ни с чем, а жена давай ругать его и велит воротиться за конем. Опять поскакал старик. Гнался он, гнался — не догнал.

А мальчик далеко-далеко ускакал, так больше и не вернулся.

ТРИ БРАТА

Ж

или-были три брата: двое умных, а третий дурак.

Отец перед смертью оставил старшему сыну собаку, среднему — кошку, а младшему, дураку — дубину. Старшие братья продали собаку с кошкой, много денег выручили. Младший дубину продавать не стал и все приговаривал: «Самому пригодится».

Через некоторое время решили братья по белу свету постранствовать. Шли они, шли и увидели избушку. А вокруг избушки огород, растет там репа. Дурак забрался в огород, копает репу и кидает в кучу, рвет и кидает. Испугались братья, кричат ему:

— Уходи скорей, дурак, еще беду на нас накличешь!

А дурак отвечает:

— Я только ту рву, которая поспела, — а сам все рвет и кидает.

Тут выскочила из избушки Лаума, поймала всех троих и заперла их под печкой. А была это старшая дочь старой ведь-

мы-Лаумы. Остальные две дочери улетели вместе с матерью гулять-веселиться.

Немного погода поднялась буря, забушевал ветер и прилетела старая ведьма-Лаума.

— Погляди-ка, матушка, — кричит ей дочь, — каких я боровов поймала. Теперь мы с мясом!

— А где ж они? — спрашивает мать.

— Заперла их под печкой.

Ведьма велела дочери зажарить одного и опять улетела.

Старшая дочь отперла подпечье и спрашивает ласковым, тонким голосом:

— Тут ли вы, братцы?

— Тут мы, — отвечает дурак.

Братья испугались, унимают дурака, а он не слушается, знай кричит:

— Тут мы, тут!

Лаума говорит:

— Пусть хоть один из вас вылезет, братцы.

— Вылезай ты, — сказали братья и вытолкнули дурака.

Лаума умыла его, усадила на лопату да на шесток и просит:

— Приляг братец, я тебя поношу.

Дурак хоть и глуп, а догадался, что Лаума хочет его задвинуть в печку и зажарить. То он поперек лопаты ляжет, то наискосок, а сам приговаривает:

— Да не могу я, красавица, да не умею я.

Тогда Лаума сама улеглась на лопату и говорит:

— Вот как надо, вот как.

А дурак взял и задвинул лопату в печь, а сам опять под печь залез. Вернулись на заре ведьма-Лаума с двумя дочерьми, открыла печь, вынула жаркое, не узнала дочери и съела ее. А потом опять улетела за добычей. А как улетела, велела средней дочери другого борова изжарить. И с этой дочерью то же случилось. Прилетела мать и съела ее. За ужином ведьма подумала, что обе старшие дочери улетели куда-нибудь погулять-повеселиться или за добычей. На третий день пришел черед похозяйничать младшей дочери. Наказала ей ведьма-Лаума третьего боровка изжарить, а сама улетела.

— Пускай теперь последний вылезет, — позвала умильным голосом меньшая. И опять братья вытолкнули дурака. Улегся он поперек лопаты и знай свое твердит:

— Да не могу я, красавица, да не умею я.

Стала меньшая учить его, как надо ложиться на лопате, легла сама, а дурак и задвинул ее в печь. Сам опять под печь забрался.

Вернулась домой старая ведьма и съела последнюю дочку. Когда она уж кости обглаживала, заблестело что-то на блюде, и узнала она дочерин перстень, да как примется причитать.

— Так это я всех своих дочерей съела... Ну, отплачу я этим братьям, всю ихнюю породу изведу!

Открыла она подпечье и спрашивает тонким голосом:

— Есть ли тут хоть один из вас, братцы?

Дурак и отозвался:

— Где же и быть нам? Все мы тут.

— Пусть хоть один из вас, братцы, вылезет!

— Сама вытаскивай, коли есть охота, — отвечает дурак.

Полезла ведьма под печь и только просунула голову, дурак стукнул ее по голове дубиной и убил.

Тут братья вылезли из-под печки и снова пустились в путь. А дурак захватил с собой убитую Лауму и печную заслонку с колокольчиком. Братья уговаривали дурака оставить ведьму, боялись, как бы им не остаться в ответе, только дурак не послушался. Идут братья, идут, и настигла их в лесу ночь. Взобрались они ночевать на дерево. А в полночь съехались в лес разбойники на быстрых конях, в заморских каретах, в дорогое платье разодетые. Остановились они под тем самым деревом, на которое влезли братья, и разожгли костер.

Повар поставил на огонь котел и стал кашу варить, а дурак как загремит заслонкой. Братья велят ему перестать, а он еще пуще гремит, да взял и сбросил вниз ведьму.

Испугались разбойники, кинулись бежать. Только повар пожалел каши и вернулся. Видит — у котла с кашей дурак стоит. Спрашивает он у повара:

— Вкусна ли твоя каша?

— Еще не отведал, — отвечает повар.

— Разинь рот, дам отведать!

Разинул рот повар, а дурак ему отрезал язык. Повар как замычит да как пустится наутек. Еще пуще испугались разбойники, еще шибче побежали. Тогда дурак позвал братьев. Забрали они всех лошадей, кареты, деньги, вернулись домой и зажили счастливо.

СЕСТРА-ДУРОЧКА

Ж

или-были три сестры. Младшая была не ахти какого ума, поэтому старшие обижали ее, объедали и еще дурочкой обзывали.

У старшей сестры был маленький сынок.

Пошли старшие сестры на речку белье полоскать и ребенка взяли искупать. Пришла дурочка и говорит:

— Глупые, чего вы ребеночка добела моете? Увидит еще лебедь, примет за своего лебеденка и унесет.

Не послушались сестры, отмыли ребенка добела, на бережку уложили, а сами белье полоскать стали. Тут прилетела ведьма, обернулась лебедем и унесла ребенка. Выходят сестры на берег, глядь — а ребенка-то нет.

— Где ребенок? Где ребенок? — закричали сестры.

— Говорила я вам, не отмывайте его добела, — отвечает дурочка. — Покуда вы полоскали, прилетела ведьма, обернулась лебедем и унесла ребеночка.

— Пойду-ка я ребенка искать, — сказала средняя сестра,

отрезала себе ломоть хлеба, кусок сала взяла и отправилась в путь.

Идет она и видит: растут на поляне груши, яблони да вишни, сучья под тяжестью плодов сгибаются.

— Девица-сестрица, нарви моих груш, облегчи мою ношу, — попросила груша.

— Мне недосуг, — отвечает средняя сестра и дальше бежит. Вот поравнялась она с яблоней.

— Девица-сестрица, нарви моих яблок, облегчи мою ношу.

— Мне недосуг, — отвечает сестра и дальше бежит. Бежит и видит: печь стоит, полная пирогов.

— Девица-сестрица, вынь из меня пироги, чтобы не подгорели.

— Мне недосуг, — отвечает сестра и дальше бежит. Поравнялась она с пестрой коровой на лугу.

— Девица-сестрица, подои меня, облегчи мне тяжесть.

— Мне недосуг, — отвечает и дальше бежит.

Тут уж стало смеркаться. Видит сестра — огонек горит, она на него и побежала. А там избушка стоит. Вошла сестра в избушку, видит: у двери печь, на печи большой серый кот мурлычет, а в углу охапка поленьев. У стены на лавке лежит ведьма и рядом с ней ребенок спит. Увидала ведьма гостью и говорит:

— Подойди, доченька, поищи у меня в голове. А если руками брезгуешь, возьми в углу полено.

Взяла сестра полено, в голове у ведьмы ищет. Задремала ведьма, а там и заснула. Схватила сестра ребенка и бежать. Проснулась ведьма, села верхом на лопату и поскакала за сестрой. А та уж до коровы добежала. Слышит сестра, позади ведьма пыхтит. Подбежала она к корове и просит:

— Коровушка-пеструшка, спаси меня от ведьмы!

— Не подоила меня, не стану тебя спасать, — ответила корова.

Подбежала сестра к печи:

— Печечка, печечка, спаси меня от ведьмы!

— Не вынула пирогов, не стану тебя спасать, — ответила печь.

Подбежала сестра к яблоне:

— Яблоня-яблонька, спаси меня от ведьмы!

— Не облегчила мою ношу, не стану тебя спасать, — ответила яблоня.

Подбегает сестра к груше:

— Груша-грушенька, спаси меня от ведьмы!

— Не облегчила мою ношу, не стану тебя спасать, — ответила груша.

Догнала ведьма сестру и отняла ребенка.

Вернулась сестра без ребенка и все рассказала. А дурочка и говорит:

— Дали бы вы мне сала да хлеба, я бы вам ребеночка принесла.

Подумали сестры и говорят:

— Что ж, иди, коли охота.

Дали они дурочке кусок сала да краюху хлеба и отпусти-

Идет дурочка, хлеб с салом ест. Подошла к груше.

— Девица-сестрица, нарви моих груш, облегчи мою ношу, — просит дерево.

— Чудо что за груши, — дивится дурочка. — Ладно, деревце, сейчас.

Как начала дурочка дерево трясти, как начала груши обивать, чуть не все обила. Набрала полный передник и идет, груши ест.

Вот дошла она до яблони.

— Девица-сестрица, нарви моих яблок, облегчи мою ношу, — просит яблоня.

— Чудо что за яблоки, — дивится дурочка. — Ладно, деревце, сейчас.

Как начала дурочка яблоню трясти, как начала яблоки обивать, чуть не все обила. Набрала полный передник и идет, яблоки ест.

Скоро дошла дурочка до печи.

— Девица-сестрица, вынь из меня пироги, чтобы не подгорели, — просит печь.

— Ой, пироги-то какие славные, — подивилась дурочка, заглянув в печь. — Ладно, печка, сейчас.

Вынула дурочка пироги, полный передник наложила.

Наконец дошла до коровы.

— Девица-сестрица, подои меня, облегчи мне тяжесть, — просит корова.

— Ладно, пеструшка, сейчас парного молочка отведаю, — отвечает дурочка.

Подоила она в горбушку парного молока, напилась и дальше идет.

Тут и смеркаться начало. Нашла дурочка в лесу избушку ведьмы. Видит: ведьма на лавке лежит, рядом ребенок спит. Увидела она гостью и говорит:

— Подойди-ка, доченька, поищи у меня в голове. Если руками брезгуешь, возьми в углу полено.

Взяла дурочка полено, ищет у ведьмы в голове. Задремала ведьма, а там и заснула. Взяла дурочка из пола глины, ведьме глаза залепила, коту кусок сала бросила, схватила ребенка и — бежать. Проснулась ведьма, с лавки соскочила, а никак глаза не откроет. Смекнула, что они глиной залеплены, да как заорет:

— Это негодница, что тут была, глаза мне залепила. Живей ко мне, котик, помоги глаза продрать.

— Повр-ремени, повр-ремени, — замурлыкал кот. — Я сало ем.

— После доешь, котик. Живей сюда, глаза мне продери.

— Повр-ремени, повр-ремени, — опять мурлычет кот. — Я сало ем. Доем, вот и продеру.

Ждет ведьма, когда кот сало доест. Кот сало доел, глаза ведьме продрал, ведьма вскочила верхом на лопату и — в погоню за дурочкой. А дурочка уж до коровы добежала и кричит ей:

— Коровушка-пеструшка, спаси меня от ведьмы!

— Раз ты меня послушалась, и я тебе помогу, — отвечает корова. Стала она поперек дороги и давай ведьму бодать, проехать ей не дает.

А дурочка уже до печи добежала:

— Печечка, печечка, спаси меня от ведьмы!

— Раз ты меня послушалась, и я тебе помогу, — отвечает печь и давай в ведьму кирпичами кидать, проехать ей не дает.

Подбежала дурочка к яблоне:

— Яблоня-яблонька, спаси меня от ведьмы!

— Раз ты меня послушалась, и я тебе помогу, — ответила яблоня и давай хлестать ветками ведьму, проехать ей не дает.

Подбежала дурочка к груше:

— Груша-грушенька, спаси меня от ведьмы!

— Раз ты меня послушалась, и я тебе помогу, — отвечает груша и как раскинула ветки — загородила ведьме дорогу.

Тут ведьма из последних сил выбилась. Упала она под грушей, и дух из нее вон. А дурочка вернула матери целого и невредимого ребенка.

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Опустили старого солдата из полка, и пошел он в батраки наниматься, да все никто его не берет. Повстречал он однажды старушку и стал жаловаться на свое бездолье. Старушка и говорит:

— Далеко на востоке, среди пустынных песков, стеклянный замок стоит, а в том замке черный барин живет. Ступай к нему, он тебя наймет.

Послушался солдат старушку и пошел на восток, стеклянный замок черного барина искать. Вечером улегся он спать под яблоней. Зашелестела яблоня и спрашивает:

— Зачем ты, человек, забрел в эту пустыню?

— К черному барину иду, что в стеклянном замке живет, — отвечает солдат.

— Слышала я, что барин этот большой мудрец. Спроси-ка у него, когда я начну яблоки приносить. А то вчера приходили сюда мужики и сговорились срубить меня, коли я на будущий год яблок не принесу.

— Так и быть, спрошу, — пообещал солдат.

Идет он дальше и видит: две горы рядышком стоят, ни обойти их, ни объехать. Опечалился солдат и просит:

— Смилуйтесь, горы, пропустите меня.

— А куда ты, человек, идешь? — спрашивают горы.

— К черному барину, что в стеклянном замке живет.

— Слыхали мы, что барин этот большой мудрец. Спросика, долго ли еще нам здесь стражу нести?

— Так и быть, узнаю, — пообещал солдат.

Расступились горы и пропустили солдата.

Подшел солдат к реке — нигде ни моста, ни лодки не видеть. Как тут перебраться на другой берег? Вот и спрашивает он у реки:

— Речка-реченька, сделай милость, перенеси меня на другой берег.

— А куда ты, человек, идешь? — спрашивает река.

— К черному барину иду, что в стеклянном замке живет.

— Ладно, перенесу. Только пообещай мне спросить у черного барина, отчего в моих водах ни одна рыба, ни одна тварь не заводится.

— Так и быть, спрошу, — пообещал солдат.

— Становись на мои волны, — сказала река.

Встал солдат на волны, и они, не замочив, перенесли его на другой берег.

Видит солдат — вдали стеклянный замок сверкает. Не успело еще солнышко сесть, как солдат подошел к замку. А замок тот красоты неописанной, на солнышке всеми цветами переливается. Впустил его слуга, и, едва завидел солдат черного барина, тот уж говорит:

— Знаю, ты ко мне наниматься пришел. Ладно, возьму тебя, целый год будешь у меня служить, только смотри, старайся!

— Будь покоен, барин, — говорит солдат. — Я в войске служил, состарился на службе, а никто меня не ругал. И вам, барин, угожу.

Говорит барин слуге:

— Ступай, накорми солдата и спать уложи. А утром пошли овец пасти.

Наутро дал слуга солдату кнут с дудочкой и говорит:

— Как щелкнешь кнутом — овцы разбредутся, а как в дудочку подуешь — все в одно место соберутся. Только смотри, волков берегись.

Пасет солдат овец, старается. Вот уж год прошел, и ни од-

ной овцы волк не задрал. Солдат его и близко к стаду не подпускал. В последний день позвал барин солдата и говорит:

— Служил ты исправно. Теперь проси, чего хочешь.

— Перед уходом хочу я кое-что разузнать, чтобы отблагодарить реку, две горы и яблоню: они помогли мне в пути.

— Спрашивай, покуда не ушел.

Стал ему солдат рассказывать:

— Река меня сухим на другой берег вынесла, горы передо мной расступились, а под яблоней я сладко выпался. За это попросили они меня узнать, отчего в реке ни одна живая тварь не заводится, долго ли горам на страже стоять и отчего яблоня яблок не приносит.

Отвечает барин:

— Когда река утопит хоть одного человека, тогда в ней и рыба, и всякая водяная тварь заведется. Горы перестанут на страже стоять, когда задавят хоть одного человека, а яблоня принесет яблоки, когда из-под ее корней золото выкопают.

Поблагодарил солдат и ушел. Вот идет он прежней дорогой и подходит к реке. А она еще издали кричит:

— Спросил ты черного барина, отчего в моих водах ни одна тварь не живет?

— Спросил.

— Что он ответил?

— Перенеси меня на другой берег, тогда скажу.

Река перенесла. Солдат поднялся на берег и кричит:

— Тогда только заведется в твоих водах живая тварь, когда ты хоть одного человека утопишь.

Только сказал это, а река как забушует, как заклокочет, из берегов вышла, широко разлилась, только солдата она не догнала.

Подходит солдат к горам. Они еще издали кричат:

— Спросил ты черного барина, долго ли нам еще на страже стоять?

— Спросил.

— А что он ответил?

— Сперва пропустите меня, тогда скажу.

Расступились горы, пропустили солдата. Отбежал он подалее и говорит:

— Тогда лишь перестанете на страже стоять, когда хоть одного человека задавите.

Загудели, затрещали горы, так что земля вокруг содрогнулась, только солдат далеко уже был.

Подошел тогда солдат к яблоне, а она еще издали листочками шелестит:

— Спросил ты у черного барина, когда яблоки приносить стану?

— Спросил.

— Что он ответил?

— Под твоими корнями золото зарыто. Вот выкопают его, тогда ты и начнешь приносить яблоки.

— Сделай милость, выкопай золото, — просит яблоня. — Разбогатеешь, не придется тебе по людям скитаться, горе мыкать.

— На что мне золото? Я и без него проживу.

— Видно, ты хочешь, чтобы срубили меня? — заплакала яблоня.

Пожалел солдат яблоню, выкопал золото, насыпал полный мешок и пошел домой.

И верно: с той поры перестал солдат ходить по людям, горе мыкать.

СИРОТКА ЭЛЕНИТЕ И ЙОНУКАС-БАРАШЕК

Жили-были брат с сестрой, звали их Йонукас и Элените. Умерли их родители, и ушли они из дому счастья искать.

А было тогда лето, солнце припекало. Захотелось Йонукасу напиться, а ручья поблизости не было. Увидел Йонукас на дороге след лошадиного копыта, полный воды, и говорит сестре:

— Так-то мне пить хочется, Элените, дозвожь из следа воды напиться.

Сестра отвечает:

— Не пей, братец, жеребенком обернешься.

Идут они дальше. Увидел Йонукас бычий след, полный воды, и захотелось ему испить, но Элените опять говорит:

— Не пей, братец, бычком обернешься.

Идут они дальше. Йонукасу страсть как пить хочется, он уже еле плетется. Увидел он на дороге бараний след и, не спросившись у сестры, напился из него. Хватилась сестра

брatца, а на его месте барашек стоит. Обняла она барашка и заплакала, да не помогли слезы: так и остался братец барашком.

Идет она дальше, барашка за собой ведет. Под вечер подошла к королевскому дворцу. На двор зайти побоялась, собаки там злые лаяли, влезла на стог сена, барашка за собой втащила и заснула. Утром видит король, кто-то на сене лежит, послал слуг разуть, кто там. Вернулись слуги и говорят, что на сене лежит девочка, да миловидная такая, и на коленях барашка держит. Велел король привести девочку. Слуги привели. Узнал король, что она сирота, и взял ее к себе на воспитание. Так она и осталась в королевском дворце.

Через некоторое время вздумал было король зарезать барашка. А девочка упрашивает не резать, потому что это родной ее братец. Король поначалу не хотел ей поверить, а потом послушался, оставил ей барашка.

Прошло несколько лет. Выросла Элените, стала она пригожей и доброй сердцем девицей. Приглянулась она королю, он на ней и женился. А поблизости ведьма одна жила. Страх как хотелось ей, чтобы король на ней женился. Позавидовала она Элените и порешила ее погубить.

Пошла однажды Элените на озеро купаться. Подкралась к ней ведьма, толкнула в воду, а сама в ее платье нарядилась и пошла в королевский дворец, чтобы место Элените занять. Но Элените не утонула, а обернулась золотой рыбкой. Пришла ведьма во дворец и сразу хворой прикинулась. Легла в постель и говорит королю:

— Ух и надоел же мне этот баран! Вели его поскорей зарезать.

Испугался король и говорит:

— Уж не бредишь ли ты, что вздумала барашка зарезать! Сама ведь говорила, это твой братец Йонукас... И так ты его раньше берегла, любила!..

А ведьма отвечает:

— Глупая была, вот и любила... Это я нарочно говорила... коли не поем мяса от этого барана, то помру.

Король велит дать ей мяса от другого барана, а ведьма заладила свое: не жилища она на белом свете, коли этого барана не зарежут. Жалко королю барашка, не режет и не режет его. Все никак не уразумеет он, отчего это жена раньше так любила барашка, а теперь мяса его захотела.

Догадался барашек, что ведьма хочет его зарезать; пошел он на берег озера, где его сестра утонула, и запел:

Сестра Елена, Элените, Элените!
Хочет король меня зарезать, меня зарезать.
Слуги королевские ножи точат,
Девки дворовые корыта моют,
Ведьме мяса моего захотелось.

Элените отвечает ему из озера:

Братец Йонукас, барашек, барашек!
Расскажи королю всю правду, всю правду,
Пусть созовет он всю деревню,
Пусть сплетут шелковые сети,
Пусть поймают золотую рыбку.

Услыхали слуги, как барашек пел и как рыбка ему из воды отвечала, и все королю рассказали. На другой день пришел король на берег озера и спрятался в кустах, чтобы барашек его не видел. А барашек опять пришел на берег озера и запел:

Сестра Елена, Элените, Элените!
Хочет король меня зарезать, меня зарезать.
Слуги королевские ножи точат,
Девки дворовые корыта моют,
Ведьме мяса моего захотелось.

И сестра опять ему из воды отвечает.

Услыхал это король и, вернувшись домой, созвал всю деревню, велел сплести шелковые сети. Как сплели их, велел он ловить золотую рыбку. Только вынули рыбку из воды, тут же и она и барашек в людей превратились. Король признал свою настоящую жену и понял, что это ведьма ее утопила, — хотела ее место занять; ведьму он велел убить, а сам с Эленой и Йонасом остался жить во дворце и жили они долго и счастливо.

КОРОЛЕВА ЛЕБЕДЬ

или-были двое стариков. Каждое утро ходили они расчищать вырубку. Только уйдут, как прилетит к ним в избушку белая лебедь, крылья в сторонку сложит, обернется девицей, печку затопит, обед сварит, все вымоет и опять улетит.

Старикам и заботиться не о чем: воротятся на готовенькое.

Вот и дивились они: откуда такой благодетель взялся? Как-то остался старик дома один, спрятался под кадку и ждет, что будет. Только видит — прилетела лебедь, сложила крылья, обернулась девицей и пошла по воду. Старик взял да и сжег крылья. Вернулась девица с полными ведрами, видит: нет ее крыльев. Заплакала она, залилась слезами: жалко ей отца-матери, жалко и друга милого. Так и осталась девица у стариков.

Охотился однажды в лесу, недалеко от избы, сам король. Увидал девицу, очень она ему понравилась, и сказал он старикам:

— Миллион монет дам, только отдайте мне девицу.

Делать нечего, пришлось отдать. Привез ее король во дворец и женился на ней. А пришло время — и сына дождался.

Однажды вышла королева с сыночком в сад, видит — стоя лебедей. Впереди отец летит и поет:

Вижу, вижу, посреди садочка
Лебедь белая, доченька-дочка.
Убаюкивает сыночка.
Золотыми перстнями играючи,
Золотую книжку читаючи,
Шелковым машет платочком.
Брошу я тебе крылья, дочка,
Сиротой оставишь сыночка.

Заныло у королевы сердце, из глаз покатались слезы, запела-ответила отцу:

Не бросай, на тоску-кручину
Я сынка своего не покину.

Подошел к ней король и спрашивает:

— Отчего у тебя глаза заплаканы?

— Сыночек плакал, и я заплакала, — отвечает королева.

На другой день пролетела над ней мать и ту же песню пела. Пролетал и брат-лебедь и сестры-лебедушки, все с той же песней. Не послушалась их королева. Под конец видит — летит милый друг и поет:

Вижу, вижу — посреди садочка
Милая моя, лебяжья дочка,
Ласково баюкает сыночка.
Золотыми перстнями играючи,
Золотую книжку читаючи,
Шелковым машет платочком.
Я подруженьке крылья кину,
Горько плакать придется сыну.

Не удержалась она и ответила:

Крылья мне бросай, дружок,
Пусть кручинится сынок.

Бросил ей лебедь крылья, она и улетела.

Вскоре погиб ее милый, и опять затосковала королева. А король, не дождавшись ее, женился на ведьме-Лауме. Невзлюбила мачеха пасынка. Но лебедушка прилетала во дворец по ночам, складывала крылья, умывала сыночка, а улетая, пела:

Хозяйка спит,
Хозяин спит,
И сторож спит,
И сторожиха,
Но всю ночь напролет
Мой сыночек слезы льет.

Как убаюкает она сына, он спит и спит, покуда мать не вернется снова.

Дивится король: чего это сынок так долго не просыпается? Однажды увидел он, как прилетела лебедушка, услышал, как баюкала сына, как снова улетела, обернувшись лебедью.

Думал-думал король, как ему удержать лебедь. Однажды пришел во дворец старик. Король возьми да и спроси его, как лебедушку поймать. Говорит ему старик:

— Приметь, из какого окна она вылетает, и намажь подоконник смолой. Прилипнут у ней крылья и ноги, тогда ты левой рукой схвати ее, а правой сорви крылья, — она и обернется опять королевой.

Король так и сделал: намазал подоконник смолой, а когда прилипли у лебеди крылья и ноги, он левой рукой схватил ее, а правой сорвал крылья. Вот лебедь и опять королевой обернулась. Король казнил ведьму-Лауму, а через три дня устроил пир на весь мир.

И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Вез бревен воз, в лаптях деньги вез, деньги растерял, ты их подобрал и купил тулуп — мне отдай, коли глуп!

ЗЛАТОВОЛОСЫЙ И ЗВЕЗДОЧКА

Ж

ил-был король и ни на ком не хотел он жениться, кроме как на девице, что будет всех краше и милей. Вот и сосватали ему такую красавицу-девицу с золотыми волосами, что сколько ни гляди на нее — не нагладишься. Полюбил ее король и взял за себя. А мать его — злая старуха — возненавидела невестку, готова была отравить ее, только бы не видеть в своем дому.

Пришло время, и дождалась молодая королева пригожего сыночка. Запеленала внука старая королева, да не в колыбельку положила, а в сундук, крышку прихлопнула, отнесла на речку и в воду бросила, по течению пустила. А в колыбель старая карга положила запеленутого кота.

Приходят гости на родины и только дивуются, глядя на

волосатого ребеночка, а когда распеленали его, все и увидели, что это кот. Молодая королева не знала, что и сказать, старая же карга сперва помалкивала, а вскорости объявила, что невестка ее, видать, ведьма, вот и родила кота. И на другой год так же было. Когда дождалась королева дочки, что звездочки ясней, старая королева ее в речку бросила, а в колыбель запеленутую кошку подложила. Крепко рассердился король на жену. Закручинилась молодая королева и больше уж не дождалась деточек. А люди стали говорить, что молодая королева их — поганая ведьма.

В ту ночь, когда сын у королевы родился, рыбак один в синем море рыбачил, и послышалось ему, что ребеночек где-то плачет. Стал он грести на голос, видит — сундучок плывет. Выловил его и нашел в нем ребеночка. Обрадовался рыбак и поспешил домой — жене находку показать. Вернулся и говорит:

— Догадайся-ка, что в этом сундучке?

Никак не могла догадаться старая, тогда открыл он сундук, показал ребеночка и сказал:

— Не порадовала ты меня дитяtkом, вот я и принес тебе найденыша.

Распеленали они его, увидели богатые пеленки и сорочки, а на дне сундучка горсть денег. А когда оглядели мальчику, увидели, что за ухом у него растут три золотых волоска, оттого назвали его Златоволосый. И стали его растить как родное дитя. А пеленки и деньги в сундуке оставили.

— Денег нам не надо: есть свой кусок хлеба — и хватит. Припрячем все добро, может, ему еще понадобится.

Через год рыбак опять выловил сундучок и нашел в нем красавицу-девочку, с таким же богатым приданым, с толикой денег, словно бы она сестренкой мальчику приходилась. А когда рыбак с женой увидели у нее за ушком три звездочки, то и назвали ее Звездочкой, и стали растить как родную дочку.

Год за годом жили в избушке рыбака эти дети, большенькие уж стали. Как-то раз прибегают они домой и спрашивают:

— Батюшка, матушка, правда ли это? Ребятишки говорят, что мы не ваши дети, а найденыши, будто вы нас из воды выловили.

Что тут поделаешь? Пришлось всю правду рассказать, показать им сундучки и что в них было.

Поглядели, обо всем порасспросили и говорят:

— Спасибо вам за то, что вырастили нас, за то, что столько добра нам сделали, а теперь пойдем мы по белу свету, родителей своих искать.

Долго бродили они по белу свету, все родителей разуживали, уж и из сил выбились. И попали они в один большой город, купили там домик и развели вокруг него такой прекрасный сад, что повсюду пошла молва о мальчике-Златоволоске и девочке-Звездочке. Только не знали они, что в этом городе отец их королем был.

Прослышала старая королева об этих детях и по именам догадалась, кто они такие: ведь, когда пеленала их, заметила и золотые волосики и золотые звездочки. Думала она, думала и решила как-нибудь погубить их. Перерядилась ведьма в обноски, пришла к ним домой и давай подлизываться, давай все нахваливать.

— И какой же домик у вас, да и сами-то вы какие молоденькие да какие пригожие. Голубчик, вот бы садик ваш поглядеть! Доченька, слыхала я, больно он у вас хорош!

Повели ее в сад, она и разахалась:

— Ах, красота-то какая! Ягодка моя, не ты ли такие цветики вырастила? Златоволоска, неужто ты сам все деревья посадил? Ах вы, цыплятки мои! Садик у вас распрекрасный, а кабы еще на каждом дереве колокольчики висели, то-то бы зазвенели!

— Да где их взять? — спрашивает мальчик.

— Знаю, где. Вон на той горе полон сад их. Принесешь один, а за ночь они по всему саду расплодятся. Вот кабы вам разжиться колокольчиками, ненаглядные!

Сказала это и скрылась, только пыль столбом поднялась. А послала она брата с сестрой на верную смерть, потому что сад на горе был ведьмой заколдован, и кто в нем поболее часа оставался, оттуда уж не выбирался.

Долго толковали брат с сестрой, что им делать. Брат и говорит:

— Пойду-ка я и раздобуду такой колокольчик.

— Ой не ходи, не ходи! — упрашивала его сестра, — как бы чего с тобой не приключилось.

— Лучше не уговаривай. Пойду, и все тут! Ничего я не боюсь.

— Ты хоть ворочайся поскорее, не мешкай там, — упрашивала сестра.

Встал он чуть свет, побежал на ту гору и увидел огромный-преогромный сад. Забрался туда, сорвал один колокольчик и без оглядки побежал прямо домой. Прибежал в свой сад и повесил колокольчик на дерево. На другой день весь сад зазвенел — любо-дорого послушать!

А старая ведьма опять пришла и ну подлизываться:

— Доченька моя, как славно садик звенит! А кабы еще у вас в пруду золотые рыбки плавали — еще лучше было бы, голубчики!

— А где их наловить?

— Да там же, на горе найдешь озерцо, красавчик.

Сказала и скрылась.

Чуть свет побежал братец на гору за рыбкой, а как поймав ее, тут же воротился и пустил рыбку в пруд, что в саду у них был. На другой день вода в пруду кишмя кишела золотыми рыбками: плескались они, золотой чешуей сверкали — любо-дорого поглядеть!

Услыхала это старая ведьма-королева, подивилась, как это мальчик уцелел, и не на шутку задумала их погубить, а коли не обоих, то хоть одного.

В третий раз пришла она и опять принялась нахваливать садик:

— Хорошо у вас, страх как хорошо, ненаглядные мои, только одного не хватает — вещун-птицы.

— Где же ее взять?

— Да там же, на горе золотой, в последней горнице на печи сидит.

Сказала так и пошла, а про себя радуется: «Теперь-то уж ему не сдобровать!»

Ушла она, а брат и говорит:

— Раздобуду я эту птицу!

Как ни отговаривала его сестренка, да все без толку. Наутро, как поднялись они, опять принялась упрашивать:

— Братец милый, не ходи ты в этот сад, так-то у меня на сердце смутно. И сон я дурной видела. Братец любезный, останься дома!

Не послушался ее брат, убежал на свою беду. Долго он бродил по саду, все разглядывал цветы да деревья, а потом пошел в дом. В первой горнице увидел такие диковинки, что и налюбоваться не мог, в другой — серебряную и золотую посуду, а в третьей — одни картины, в четвертой — богатую одежду, в пятой — деньги и камни самоцветные, —

и на все это хотелось поглядеть, вот он и замешкался. Наконец увидел на печи вещун-птицу, полез за ней, да не успел дотронуться, как обернулся стеклышком и покатился наземь.

Ждала своего братца сестра весь день и всю ночь, а утром пошла на гору искать его, обливаясь горькими слезами. Ходила там, ходила и повстречала древнюю старушку. Пожалела она Звездочку, выслушала ее и научила, что ей делать. Звездочка все хорошенько запомнила да так и сделала. Не оглядываясь по сторонам, обежала сад и горницы, собрала в передник стеклышки, схватила с печи птицу и домой побежала. А как из сада выбежала, высыпала стеклышки из передника, — они мигом ребятишками обернулись — все они раньше пытались вещун-птицу добыть, и всех ведьма заколдовала. Среди них увидела она и своего пропавшего братца. Ухватила его Звездочка за руку и домой отвела, а вещун-птицу в клетку посадила.

И опять разнеслись по городу слухи о брате с сестрой. Услыхали и король с королевой, тоже пришли поглядеть. Долго всему дивились, а больше всего вещун-птице. Стали ее расспрашивать про детей, кто, мол, они такие. Вещун-птица всю правду им рассказала, так и отыскали они всем на удивление своих детей, а дети — родителей. То-то была радость! Когда же расспросили, как все случилось, то узнали, что всему виной старая королева. Крепко рассердился король и приказал схватить ее, посадить в такой же сундук и в воду бросить. И никто не ведает, куда она уплыла.

Знатный пир задали родители в честь найденных детей. Много на него гостей пригласили, только нас с тобой забыли позвать, не то бы и мы этот пир увидали.

ДВА ОРЕХА, ДВЕ КАДКИ

Т

ри сестры полоскали на озере белье. Старшая говорит:

— Кабы король взял меня замуж, я бы весь дворец льняным полотном устелила.

Другая говорит:

— А кабы меня король взял, я бы весь дворец устелила сукном.

Третья, самая младшая, говорит:

— Ну, а кабы меня король взял, родила бы я ему сына, — во лбу у него бы солнце горело, на темени бы месяц светил, а вокруг ушей звезды бы сияли.

В ту пору охотился поблизости король. Услыхал он их разговор, да и женился на самой младшей сестре.

Жили они, поживали, и вот однажды уехал король на войну. Без него родился у королевы сын — во лбу у него солнце горит, на темени месяц светит, вокруг ушей звездочки сияют. Написала королева мужу, какой сын у него родился, и отослала письмо с гонцом. А гонец заночевал у королеввиной сестры. Та и переделала письмо, написала

королю, будто родила его жена ни то ни се — полусобаку, получеловека. Прислал король ответ. Велел он положить ребенка в стеклянную бочку и пустить по морю, а королеву к жерновам привязать, чтоб молола она муку. Так и пустили его сына по морю, а королеву привязали к мельничному поставу.

Плавал мальчик по морю, плавал. Увидала его нищая, взяла и стала воспитывать.

Воротился король домой. Королева привязана к мельничному поставу, мелет муку, и нет у него сына. Видит король, что некому будет оставить королевство. Вот поставил он две кадушки с орехами и две пустые. Говорит:

— Кто сочтет эти орехи, тому отдам полкоролевства.

Съехалось много вельмож, и ни один не берется счесть орехи. Тут подходит мальчик и говорит:

— Я сосчитаю.

— Полно тебе, — говорит король. — Вельможи, и те не могут, где же тебе, мальчуган, счесть?

А мальчик остановился перед кадушками и начал считать:

Жили три сестры, два ореха, две кадки... (А сам, покуда говорит, берет из полных кадушек по два ореха и кидает в пустые.) Полоскали они белье, два ореха, две кадки, и говорили между собой, два ореха, две кадки, старшая говорит, два ореха, две кадки: кабы король взял меня замуж, два ореха, две кадки, я бы весь дворец, два ореха, две кадки, льняным полотном устелила, два ореха, две кадки; другая говорит, два ореха, две кадки: кабы меня король взял, два ореха, две кадки, я бы весь дворец, два ореха, две кадки, устелила сукном, два ореха, две кадки, а третья говорит, два ореха, две кадки: кабы меня король взял, два ореха, две кадки, родила бы я ему сына, два ореха, две кадки, — во лбу у него бы солнце горело, на темени месяц светил, а вокруг ушей звезды бы сияли, два ореха, две кадки. В ту пору охотился поблизости король, два ореха, две кадки, и услышал он, два ореха, две кадки, разговор сестер, два ореха, две кадки. И взял он, два ореха, две кадки, младшую сестру, два ореха, две кадки, и женился на ней, два ореха, две кадки. А потом уехал он на войну, два ореха, две кадки, и родился, два ореха, две кадки, у королевы сын, два ореха, две кадки, — во лбу у него солнце горит, два ореха, две кадки, на темени месяц светит, два ореха, две кадки, вокруг ушей

звезды сияют, два ореха, две кадки. И написала королева, два ореха, две кадки, мужу, два ореха, две кадки, какой у него сын родился, два ореха, две кадки. Ночевал гонец, два ореха, две кадки, у ее сестры, два ореха, две кадки, и переделала сестра письмо, два ореха, две кадки, написала, два ореха, две кадки, что родила его жена полусобаку, два ореха, две кадки, получеловека, два ореха, две кадки. И велел король, два ореха, две кадки, привязать королеву, два ореха, две кадки, к жерновам, чтобы молола она муку, два ореха, две кадки, а своего сына, два ореха, две кадки, велел положить в стеклянную бочку, два ореха, две кадки, и пустить по морю, два ореха, две кадки. Вот привязали королеву, два ореха, две кадки, к мельничному поставу, два ореха, две кадки, а мальчика, два ореха, две кадки, пустили по морю, два ореха, две кадки. Плавал он, плавал, два ореха, две кадки, пока не нашла его нищая, два ореха, две кадки, взяла и стала воспитывать его, два ореха, две кадки. Вернулся король, два ореха, две кадки, и видит он, два ореха, две кадки, что некому будет оставить королевство, два ореха, две кадки. Поставил король, два ореха, две кадки, две кадочки с орехами, два ореха, две кадочки, и две пустые, два ореха, две кадочки, и говорит, два ореха, две кадочки: кто сочтет эти орехи, два ореха, две кадочки, тому отдам полкоролевства, два ореха, две кадочки. Съехалось много вельмож, два ореха, две кадочки, и ни один не берется счесть их, два ореха, две кадочки, а я, мальчик, взялся, два ореха, две кадочки...

Сказал он это, бросил последние орехи в кадку и снял шапку. Как засветило, как засияло — солнце во лбу, месяц на темени, звезды вокруг ушей. Признал король своего сына, нарядил в богатое платье, отвязал королеву от мельничного постава и созвал великое множество гостей. То-то была радость! И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

КАК ГОРОХ ТОПТАЛИ

Один старый вдовец посеял весной горох у самого леса. Как вырос горох, старик и увидел, что он местами вытопан. Вечером говорит он старшей дочери:

— Кто-то по ночам наш горох топчет, надо постеречь. Нынче ночью будешь ты сторожить.

Как стемнело, пошла дочь в поле. В самую полночь слышит — идет по лесу стук-гром. И увидела она тварь невиданную: об одном глазе, об одной ноге чудище ковыляет, на палку опирается. Притащилось, в горохе повалилось, сторожиху схватило и в лес уволокло.

На другую ночь отец среднюю дочь послал. Чудище и ее в лес уволокло.

На третью ночь отец последнюю дочь послал, и та не вернулась.

Понял отец, что дочерей у него утащили, и пошел искать их.

Идет старик, а навстречу ему желудь катится.

— Здравствуй, дедушка! — поздоровался желудь. — Далеко ли идешь?

— Иду дочерей искать, — отвечает старик.

— И я пойду помогу, — говорит желудь. — Знаю я, куда твоих дочерей утащили. Возьмешь меня?

— Возьму, возьму, раз поможешь, — обрадовался старик.

Идут старик с желудем, а навстречу — веревка.

— Здорово, страннички, — говорит веревка. — Куда путь держите?

— Дочерей искать.

— И я пойду помогу, — говорит веревка. — Возьмете?

— Изволь, изволь. Веселей будет.

Идут они дальше, а навстречу — дубинка.

— Здорово, страннички, — говорит дубинка. — Куда путь держите?

— Дочерей ищем.

— И я пойду помогу, — вызвалась дубинка. — Возьмете?

— Изволь, изволь. Веселей будет, надежнее.

Вскоре все четверо в лес вошли. Огляделись, видят — избушка. Вошли в избушку, а там — все три дочери отцовские сидят, чудищу кашу варят. И говорят они, что скоро чудище вернется и тогда всем им худо придется.

— Не бойся, отец, мы тебе поможем дочек вызволить, — говорят старику желудь, веревка и дубинка.

Вечером лег старик на печку, дубинка взобралась на приголоку, веревка на пороге свернулась, а желудь в горшок с кашей влез.

Посреди ночи раздался стук-гром — чудище одноглазое в избу ввалилось, принялось кашу есть. Тут желудь — прыг из каши и глаз ему вышиб. Кинулось чудище вон из избы, только на пороге в петле веревочной запуталось и упало, а сверху как ударит дубинка — тут и пришел ему конец.

Отец с дочерьми поблагодарили помощников и домой вернулись.

С тех пор у старика никто больше горох не топтал и дочерей не крал.

КОРОЛЕВНА И КОЗЛИК

ел берегом моря король, и захотелось ему пить. Наклонился он над водой, а тут кто-то хватъ его за бороду и на дно тянет. Просит король, чтоб отпустили, а из воды ему отвечает голос:

— Обещай через восемнадцать лет отдать то, чего дома не оставил, тогда отпущу.

Король не стал раздумывать, сразу пообещал.

Воротился он домой и нашел там новорожденную дочку. Когда дочери пошел восемнадцатый год, собрался отец за море. Лучше, думает, в глаза не видеть несчастной дочери. Собрался и ночью уехал, оставил во дворце спящую дочь.

Проснулась наутро королева, обошла все горницы и никого не нашла. Только когда заглянула в хлев, увидела там козленка. Козленок и говорит ей:

— Отвяжи меня, я тебя к отцу отвезу.

Королева так и сделала. А козлик смастерил телегу, набил ее сеном, усадил туда королеву, и поехали они.

Едут-едут, и попадаются им навстречу сваты, которые за

королевой во дворец направлялись. Говорят сваты:

— Козлик, козлик, куда едешь?

А козлик им отвечает:

— На ярмарку я, на ярмарку.

— Козлик, козлик, что везешь?

— Сено везу, сено.

— Козлик, козлик, мы тебя зарежем.

— Не режьте меня, не режьте. Я вам славную песенку спою. — И запел:

Сидит-сидит королева
У самого окошечка,
Венок из руты надевает,
Перстенечек примеряет,
Суженого поджидает.

Понравилась сватам песенка, дозволили они козлику дальше ехать. А козлик бежит, торопится, подальше убежать хочет. Вдруг видит — навстречу новые сваты едут. Испугался козлик: как бы у него королеву не отняли. А сваты спрашивают:

— Козлик, козлик, куда едешь?

А козлик им отвечает:

— На ярмарку я, на ярмарку.

— Козлик, козлик, что везешь?

— Сено везу, сено.

— Козлик, козлик, мы тебя зарежем.

— Не режьте меня, не режьте. Я вам славную песенку спою. — И запел:

Сидит-сидит королева
У самого окошечка,
Венок из руты надевает,
Перстенечек примеряет,
Суженого поджидает.

Понравилась сватам песенка, дозволили они козлику дальше ехать. А козлик бежит, торопится, — скорей бы до моря добежать. Довез он королеву до моря и кличет:

Ой король ты, королевич,
Свей веревку чиста шелка,

Перекинь ее чрез море,
Пожалей ты свою дочку.

Услыхал король, что зовет его козлик, выслал корабль с шелковыми веревками. Сели королевна с козликом на корабль и поплыли. Плывут они и вдруг видят — гонятся за ними сваты. А сваты добежали до моря и кличут:

Ой король ты, королевич,
Свей веревку чиста шелка,
Перекинь ее чрез море,
Пожалей ты свою дочку.

Но король послал им веревки не из шелка, а из пакли. Только выплыли сваты на середину моря, веревки оборвались и все сваты утонули.

А козлик с королевной переплыли море и стали жить счастливо. Королевна крепко любила козлика и никогда с ним не расставалась.

МОЛОДЕЦ И ЧЕРТ

П

шел один человек на реку порыбачить. Ничего не поймал, не берет рыба, да и только. Бродит он по берегу и ругается: «Хоть бы черт какой прицепился!»

А черт тут как тут. Стал перед рыбаком и говорит:

— Коли пообещаешь мне отдать то, чего дома не остав-
лял, наловишь вдоволь рыбы. Только сперва расписку дай.
Порежь палец и кровью подпишись. А зовусь я — старик
Седой Горы Кость.

Тот и подписался. Рыбы он наловил великое множество.
Принес домой, глядь — сын у него родился.

Растет сын, хорошеет, добрым молодцем вырос. Вот отец
и говорит ему:

— Пообещал я отдать тебя старику Седой Горы Кость.

— Делать нечего, пойду, — отвечает сын.

Взял он палку и пошел лесами да полями искать старика.
Идет, идет, нигде не найдет. Дошел до одной избушки. Си-
дит в той избушке старая бабушка. Он ее и спрашивает:

— Где тут старик Седой Горы Кость живет?

Отвечает она:

— Не знаю, не ведаю. Погоди-ка, скликаю я всех пташек да порасспрошу, авось, они знают.

Вышла она из избушки, свистнула — и тут же все деревья под птицами пригнулись. Спрашивает она птиц, и все отвечают:

— Не знаем, не ведаем.

Идет молодец дальше. Дошел до другой избушки. Жила в той избушке старая бабушка. Он и ее спросил:

— Не знаешь ли, где живет старик Седой Горы Кость?

И эта ответила, что не знает, да велела подождать, покуда она созовет и порасспросит всех зверей. Вышла из избушки, покликала. Что тут набежало всякого зверья, — и волки, и медведи, и кабаны. Под конец и сам лев явился. Спросила она всех зверей, спросила и льва, не знают ли. Все отвечают — не знают.

Накормила она молодца, и пошел он дальше. Набрел на избушку, увидал в ней старичка и опять спрашивает:

— Не знаешь ли, дедушка, где старика Седой Горы Кость найти?

— Не знаю, дитяtko, где он живет, зато знаю одну речку. Прилетают на ту речку три лебедя стариковых купаться. Переночуй у меня, а утром, как прилетят они, укройся в лозняке и спрячь крылья младшей лебеди.

Так молодец и сделал. Укрылся в лозняке и увидал, что лебеди эти — красавицы-девицы. Взял он крылья старшей лебеди и спрятал.

Выкупались лебеди, вышли на берег — глядь-поглядь, нету крыльев старшей. Кинулись они в лозняке искать. Увидали молодца, отколотили как следует, отняли крылья и улетели. Опечалился молодец, пошел к старичку. Старичок ему и говорит:

— Я же тебе сказал, спрячь крылья младшей лебеди, а ты не послушался.

Опять переночевал молодец у старичка. На другой день забрался в лозняк, спрятал крылья другой лебеди. Две лебеди — порх! — и улетели, а третья нашла молодца, ударила его и тоже улетела. Пришлось и третью ночь у старичка ночевать. Утром вышел молодец на берег, и опять лебеди прилетели купаться. Теперь уж он спрятал крылья младшей лебеди. Старшие улетели, а младшая просит молодца:

— Отдай мне крылья да садись на меня, и полетим.

Отдал молодец крылья, и полетели они. Прилетели на

высокую гору, к старику Седой Горы Кость.

— Коли явился, сынок, будешь моим зятем, только сперва послужи мне.

Привел его в лес и велел выкорчевать все деревья.

— Исполнишь приказ — будешь моим зятем, а не исполнишь — головы лишишься.

Сел молодец и заплакал. Пришла девица, которая перенесла его на своих крыльях, и говорит:

— Ложись лучше спать.

Созвала она чертей, а те весь лес по дереву и растащили. Приходит наутро старик, а дело сделано. Тогда велел он молодцу распахать поле, засеять пшеницей, а через три дня, когда вырастет она, убрать ее, обмолотить и пироги к свадьбе испечь.

Пришла опять девица, успокоила молодца, за три дня все сделала. Призадумался старик: «Что бы это значило?» Приказал он молодцу поставить каменный амбар, да чтобы камни были ни большие, ни маленькие, а с конопляное зернышко. Созвала девица всех крыс, поставили они клеть. Подала ключ от него молодцу, чтобы отнес старику. Чудеса! Стоит клеть на загляденье! Говорит старик молодцу:

— Ну что ж, будешь моим зятем, только сперва объезди мне жеребца. Есть у меня три жеребца — выбери одного и объезди.

Задумался молодец: как тут быть? Приходит к нему девица и говорит:

— Теперь тебе потруднее придется. Как пойдешь в конюшню, выбирай самого здорового, да перед тем наточи два ножа. Как сядешь на жеребца, он на дыбы взовьется, а ты пырни его в шею ножом. Мало будет — другим пырни.

Пошел он в конюшню, выбрал самого большого жеребца да так пырнул, что конь сразу ослабел и бежать не мог. На другой день старик еле шеей ворочал, а все же сказал молодцу:

— Будешь моим зятем, только сперва отгадай, которая из дочерей твоя невеста. Я их воронами оберну.

Девица сказала ему, что в первый раз она сядет с краю и почешет клюв, потом в середине и махнет крыльями, а под конец — почешет голову.

Летали-летали вороны, и приказал им старик сесть. Отгадал молодец в первый раз, отгадал и в другой, отгадал и в третий. Делать нечего, говорит старик:

— Так и быть, будешь мне зятем, только придется тебе в кипящем молоке выкупаться.

Сказал об этом молодец невесте. А она:

— Не бойся, я тебе помогу.

Пошла она, заколдовала чан, и вышел молодец из кипящего молока живой и здоровый.

Обвенчались они. Пошли к себе спать, а молодая и говорит:

— Давай убежим, не то худо нам будет.

Плюнула на дверь, и убежали они тайком.

Утром приходят слуги будить их.

— Одевайтесь, завтракать идите.

А слюнки отвечают:

— Поднимаемся, одеваемся.

А молодые уж далеко-далеко убежали.

Приходят слуги в другой раз. Слюнки опять отвечают:

— Поднимаемся, одеваемся, идем.

Идет сам старик посмотреть. Видит, нету молодых. Послал он чертей в погоню.

Гонятся черти, гонятся — земля под ними дрожит. Услышала молодая, что нагоняют их, и говорит:

— Я обернусь рожью, а ты — стариком.

Прибежали черти, спрашивают:

— Чего ты тут зеваешь, не видал ли девицы с молодцем?

Тот отвечает:

— Видал — когда рожь сеял, а нынче она уж цветет.

Вернулись черти назад, рассказали все старику. Рассердился он:

— Надо было схватить старика, который вокруг ржи расхаживал, а рожь-то сама бы прибежала.

Бегут молодые дальше. Слышат — опять погоня. Молодая и говорит:

— Я сделаюсь костелом, а тебя оберну ксендзом, ты и молись.

Прилетели черти, кинулись в костел, спрашивают ксендза, не видал ли он девицы с молодцем. Ксендз отвечает:

— Видал, когда этот костел строили, а ныне знать ничего не знаю.

Вернулись черти домой не солоно хлебавши. Рассказали обо всем старику. Он еще пуще разгневался.

— Вот олухи, надо было ксендза схватить, а костел сам бы пришел.

Отправился в погоню сам старик. Услыхала дочь, что он нагоняет их, испугалась было, да, пораздумав, сказала: — Я разольюсь озером, а тебя оберну щукой. Ты высунься из воды и плещи хвостом, — пускай он тебя ловит.

Старик подошел к озеру, принялся щуку ловить. Ловит-ловит, никак не поймает. Вздумал он обернуться быком и выпить все озеро. Пил-пил, покуда не лопнул.

А молодые отправились в родительский дом и зажили на славу.

КОРОЛЕВНА И ДОЧЬ СОЛНЦА

Жил когда-то король, и было у него двое детей: сын и красавица дочь. Жена у короля померла, а вскоре захворал и помер он сам. Теперь остались только сын да дочь.

Стал королевич править королевством и вот задумал он жениться. Разослал гонцов во все концы света и велел сыскать ему невесту, такую же красавицу, как его сестрица, а то и получше.

Через некоторое время вернулись гонцы и объявили королевичу, что они исходили вдоль и поперек всю землю, повидали много пригожих девиц, но такой красавицы, как его сестра, сыскать не могли.

И вздумал тогда королевич обвенчаться с родною сестрою и объявил он ей свою волю. Сколько ни плакала королевна, ничего не помогло. Королевич строго приказал ей готовиться к венцу.

Загоревала королевна: ну как за родного брата идти? Три дня, три ночи напролет плакала, а на четвертый день принялась готовиться к свадьбе.

В назначенный день королевич оделся к венцу и стал ждать невесту. Ждет, а ее все нет. Вот он и спрашивает:

— Готова ли ты, сестрица?

— Обуваюсь я, — ответила сестра, и ноги ее по колени в землю ушли.

Королевич подождал еще, а не дождавшись, опять спрашивает:

— Готова ли ты, сестрица?

— Платье надеваю, — ответила сестра и ушла в землю по самую шею.

Еще подождал королевич, а не дождавшись, опять спрашивает:

— Готова ли ты, сестрица?

— Венок надеваю, — ответила королевна, и земля над ее головой сомкнулась.

Подождал немного королевич и опять окликнул сестру, да на этот раз никто не откликнулся. Вошел он в опочивальню, а там ни души. Всюду искал он, всюду глядел, но сестры не нашел.

Так и расстроилась королевская свадьба.

А королевна, очутившись под землею, открыла глаза и увидала, что лежит на зеленом лугу. Кругом цветы, наверху солнышко светит. Пошла гулять она по лугу, собирает землянику и ест.

Вечером напал на королевну страх. Гуляет она одна-одинешенька, кругом ни живой души. Огляделась королевна и пошла напрямик через лес. Смеркаться уж стало. Идет

королевна, боязливо оглядывается. Вдруг видит она — сквозь деревья огонек светится. Пошла королевна на огонек, увидела избушку и вошла в нее, а там сидит за столом красавица-девица и шьет-вышивает. Поздоровались они и разговорились.

— Не осталось у меня ни отца ни матери, — сказала королевна, — только брат один. После кончины отца стал он править королевством и задумал жениться. Только не нашел подходящей невесты и приказал мне за него идти. Когда убиралась я к венцу, вдруг расступилась подо мною земля, и очутилась я на лужайке, а потом пришла сюда.

— А я зовусь дочерью Солнца, — сказала красавица. — На свою беду забрела ты сюда. Живет в этой избе злая ведьма, она и меня взаперти держит и тебя заколдует, когда вернется.

— А ты убеги от нее, — говорит королевна.

— Убежала бы, да не знаю куда. Ведьма украла меня у матери, когда я была еще маленькой, и никто не знает, где я. Истосковалась я здесь, а как быть, не знаю.

Покуда они беседовали, подул холодный ветер, затрещали деревья, задрожала земля. Дочь Солнца сразу почувствовала, что это ведьма домой летит. Велела она королевне стать у стены, а в стену воткнула иголку с ниткой. А та игла была волшебная: королевна стала невидимкой.

Только вошла ведьма в избу, как принялась орать:

— Отчего здесь человечинной пахнет?

— И вовсе не пахнет, — ответила дочь Солнца. — Верно, сама ты человечины отведала.

Огляделась ведьма, ничего не увидела, запыхалась и на лавку села. Отдохнула немного и опять улетела.

Тут дочь Солнца вынула из стены иглу.

— Как это ведьма меня не заметила? — дивится королевна.

А дочь Солнца отвечает:

— Да ведь игла эта волшебная. Принес мне ее и еще пряжи клубок, щетку и полотенце какой-то старичок. Сказал он тогда, вишь, что скоро пригодятся мне эти подарки. Игла и сейчас помогла спасти тебя.

Поблагодарила королевна дочь Солнца и стала уговаривать ее бежать.

— С этими волшебными подарками, — сказала она, — ты легко убежишь от ведьмы да и мне поможешь. А в своей стране я дороги знаю. Бежим!

Послушалась королевны дочь Солнца, взяла волшебные подарки, и они убежали.

Прилетела ведьма домой, не нашла дочери Солнца, разъярилась она и давай повсюду шнырять да разнюхивать, покуда не напала на след, не догадалась, что убежала дочь Солнца, да не одна. Схватила ведьма ступу, оседлала ее и пустилась вдогонку.

Слышит дочь Солнца — земля дрожит, поняла, что это ведьма догоняет. Испугались девицы, кинули наземь клубок, и из него выросли горы — высокие, крутые, цепью растянулись.

Подбежала к ним ведьма, хотела перелезть — не перелезла, хотела перелететь, да больно высоко, думала кругом обежать — уж очень далеко. Делать нечего, полетела она домой, захватила лопату, вернулась и давай копать. Сравняла горы с землею. Опять пустилась вдогонку, так что вихрь поднялся, деревья склонились.

А беглянки уж далеко были. Но вот почуяли они — земля дрожит, стало быть, и ведьма близко. Тогда кинула дочь Солнца щетку, и сразу поднялся такой густой и высокий лес, что ведьме ни пробраться сквозь него, ни кругом обежать, ни перелететь. Вернулась ведьма домой, захватила топор, прорубила в лесу тропинку и опять по следу гонится.

Слышат беглянки — земля дрожит, — опять нагоняет их ведьма. Тотчас бросила дочь Солнца полотенце, и раскинулось на том месте озеро, да такое широкое и глубокое, что ведьме ни переплыть его, ни перелететь. Легла ведьма на землю и принялась лакать воду. Лакает и приговаривает: «И я лакаю, и ты, ступа, лакай! И я лакаю, и ты, ступа, лакай!» А зачем ступе лакать? И в помине того нет! Лакает-лакает ведьма, сама спешит-торопится, уж и раздулась она, как гора, уж и воды в озере лишь чуть-чуть осталось. Хотела ведьма допить ее, да лопнула.

А дочь Солнца с королевной видят, что ведьма за ними уж не гонится, и без страха продолжают путь. Вскоре подошли они к пышным палатам, и королевна узнала братнин дворец.

Королевич несказанно обрадовался им, да и запечалился оттого, что не мог угадать, которая же его сестра: красавицы были на одно лицо. И так поглядит он на них, и этак — не узнает сестры, да и только. Тогда пустился королевич на хитрость: задал он пир, сам приказал поварам нарезать теленка, наполнить кровью пузырь и незаметно подать ему. Повара

так и сделали, а королевич спрятал пузырь под рубашку на груди.

Гости пировали, веселились, а королевич веселился пуще всех. Он все беседовал с красавицами, так и не зная, которая же его сестра. А те нарочно сговорились не открывать правды. Как ни допытывался королевич, как ни упрашивал, — не говорят, и все тут. Тогда он вынул меч из ножен, ударил себе в грудь и залился кровью.

Испугались гости, кинулись спасать королевича. А одна из красавиц горестно вскрикнула и со слезами принялась перевязывать ему рану. Королевич притворился мертвым, лежит — не пошевелится. Красавица все сильнее горюет, гладит его по голове и плачет-причитает:

— Ой, братец мой, братец, что же я наделала! Что я, несчастная, наделала!

И другая красавица жалела королевича, да все не так.

Как дознался королевич, кто его сестра, тут же вскочил как ни в чем не бывало, смеется, целует сестрицу. Королевна тотчас подвела его к дочери Солнца. И он посватался к ней. Дочь Солнца согласилась выйти за него, только хотела сперва свидеться со своим братом. Королевич согласился отыскать его. И вдруг все увидели, что ко дворцу скачет на коне красавец-юноша в королевских одеждах. Дочь Солнца сразу узнала своего брата. То-то была радость! Оба королевича тут же порешили обвенчаться с красавицами, породниться друг с другом. И такую свадьбу сыграли, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

ПОМЕСТЬЕ ВОДЫ, ПОЛОТЕНЕЦ И ПЛЕТЕЙ

Ж

или-поживали отец и дочка Элените. Мать ее давно умерла. А через некоторое время умер и отец.

Оставшись одна-одинешенька, Элените в первую ночь пришла на отцовскую могилу и горько заплакала. Тут поднялся из могилы отец и дал ей узелок с туманом, звездное платье, звездные башмачки, карету, коней. На другую ночь опять пришла Элените на кладбище. Вышел отец и дал ей лунное платье, лунную карету, коней и кучера.

В третий раз отец дал ей солнечное платье, солнечную карету, коней, кучера и сказал:

— При дороге стоит высокий дуб. Подойди к нему и пропой:

Ой дубочек, дубок,
Отворись, отомкнись!

Отворится дуб, отомкнется, и ты спрячь в нем все свои сокровища. А если за тобой погонятся, захотят увидеть, где ты все прячешь, развяжи узелок с туманом.

Элените так и сделала: спрятала в дубе все платье, коней, кареты, а сама пошла работу-искать. Пришла она на королевский двор, и там приняли ее свиней кормить.

Однажды устроил соседний король пир и пригласил на него королевича, у которого Элените свиней кормила. Стал королевич на пир собираться, хочет умыться, а воды нигде нет. Как закричит он:

— Эй, воды мне!

Элените мигом прибежала, подает ему полный рукомойник.

— А чего эта замарашка под ногами путается! — загремел королевич и всю воду прямо в лицо ей выплеснул.

Накормила Элените свиней, а в сумерки ушла в лес, пошла к дубу и запела:

Ой дубочек, дубок,
Отворись, отомкнись!

Дуб отомкнулся. Достала Элените звездное платье, нарядилась, села в звездную карету и велела кучеру везти ее на королевский пир.

Явилась она и осветила весь дворец. Все только глядели и дивились — откуда такая красавица взялась. Особенно же понравилась она королевичу. Захотелось ему получше с ней познакомиться, и он послал слугу спросить, откуда она родом. Элените ответила, что из поместья Воды.

Не успели пропеть третьи петухи, а Элените села в карету и велела кучеру гнать коней. Королевич кинулся было за ней в погоню, да Элените развязала узелок, выпустила туман, стало темно, и никто не заметил, куда она скрылась. Тем временем Элените приехала в лес, подошла к дубу и пропела:

Ой дубочек, дубок,
Отворись, отомкнись!

Отомкнулся дуб, Элените спрятала в нем платье, карету, коней. Потом надела свои отрепья, обула лапти и пошла на королевский скотный двор свиней кормить.

В скором времени снова собрался королевич на пир. Умылся он, ждет, когда подадут полотенце, и, не дождавшись, закричал:

— Эй, полотенце мне!

Слуги не услышали, прибежала одна Элените и подала королевичу полотенце. А он как закричит на нее:

— Эй ты, замарашка, не суйся под ноги!

Как только стемнело, Элените пошла к дубу и пропела:

Ой дубочек, дубок,
Отворись, отомкнись!

Отомкнулся дуб, она достала лунное платье, украшения, села в лунную карету и поехала на пир. Только вошла во дворец, сразу кругом светло стало. А королевич все надивиться не может — откуда такая красавица. Подсылает он к ней слугу, а Элените ему отвечает, что она из поместья Полотенец.

Не пропели еще третьи петухи, а Элените уж села в карету и велела гнать коней. Хотел посмотреть королевич, в какую сторону она поедет, да Элените развязала узелок, поднялся густой туман, и никто не видел, куда она умчалась. А она подъехала к дубу, спрятала в нем лунное платье, коней, карету и пошла на скотный двор свиней кормить.

В третий раз собрался королевич на пир. Одедся, умылся, сел на коня, а плети нет. Как закричит он:

— Эй, плеть мне!

Подбегает Элените, подает ему плеть.

— И что ты, замарашка, все под ноги суешься! — закричал королевич и стегнул ее плетью.

Когда стемнело, Элените снова пошла к дубу и достала от туда солнечное платье, солнечную карету и коней и отправилась на пир. Вошла она во дворец и все вокруг осветила. А на Элените, как на солнышко, никто и взглянуть не может. Королевич подсылает слугу спросить у кучера, откуда такая красавица. А тот отвечает:

— Из поместья Плетей.

Тогда королевич взял и налил немного дегтя перед порогом дворца.

Не пропели еще третьи петухи, а Элените заторопилась в обратный путь. Когда она выбегала из дворца, один башмачок увяз в дегте. Только Элените не заметила, вскочила в карету и уехала.

Тогда королевич и отправил гонцов во все стороны искать поместье Воды, Полотенец и Плетей. Только не нашли они такого поместья, и никто его не видал, никогда о нем не слы-

хал. Начал королевич примерять солнечный башмачок всем девушкам своего королевства, чтобы найти его хозяйку. Сперва башмачок примеряли княжны, за ними — помещицы дочки, а потом и простые девушки. Только никому он не пришелся по ноге.

Наконец созвал королевич всех служанок и велел им померить башмачок, только и служанкам он не подошел. Тут королевич вспомнил, что у его отца на скотном дворе замарашка свиней кормит.

— Эй ты, грязнуля, — говорит ей, — может, тебе придется впору солнечный башмачок?

Обула Элените башмачок. Смотрит королевич — будто по ее ноге шит. Тогда Элените сняла с другой ноги деревянный башмак, и все увидели другой, точно такой же солнечный башмачок.

— Моя замарашка! — удивился королевич.

Тут Элените все ему рассказала. Королевич кинулся ей в ноги, стал просить прощения в том, что так жестоко с ней обошелся.

Прошло немного времени, и королевич женился на Элените. Пышная была свадьба.

ДВА БРАТА НА ОДНО ЛИЦО

Стояла у реки избушка, и жили в ней старик со старухой. Ничего-то у них не было, кроме собачонки. Весной они оба рыбачили, а зимой старик ловил рыбу на блесну, а старуха лен пряла. Однажды вернулся старик с лова, видит — жена ему двух сыновей родила. Обрадовался он и говорит:

— Вырастим сыночков, будут дровосеками.

Прошло несколько лет, выросли оба брата красавцами и сильно походили друг на друга. Упросили они отца купить им по жеребенку и отпустить по белу свету погулять — счастья поискать. Скакали братья полем, скакали лесом и прискакали на перепутье, а на том перепутье росла сосна. Остановились братья и говорят:

— Пора нам разъехаться, а то ничего на свете не увидим. Один путь одному сужден, другой — другому.

Воткнули братья по ножу в сосну и уговорились: кто первый вернется на это место, тот поглядит на братнин нож. Если лезвие не потускнело, — стало быть, и хозяин его жив-здоров, а если заржавело, — стало быть, хозяину конец пришел.

Распрощались братья и разъехались в разные стороны: старший — направо, младший — налево.

Скачет старший брат, а навстречу ему заяц. Хотел добрый молодец подстрелить его, а заяц просит:

— Не убивай меня, я тебя выручу, когда с тобой беда случится.

Подарил ему жизнь охотник, а заяц побежал за ним.

Скачет молодец дальше, а навстречу ему волк. Хотел было он волка застрелить, но и тот попросил не убивать его и пообещал помочь в беде. Не стал убивать его молодец, и волк за ним побежал. Так повстречал он и льва, а там и медведя, и всякий зверь обещал ему помочь, если беда случится.

Едет он дальше, а звери за ним бегут. Подъехал к городу, видит — люди в черное одеты в знак печали. Захотел узнать добрый молодец, по какому случаю все в черном, и спросил он пастуха, который пас при дороге стадо. И ответил пастух, что отдают нынче королевну на съедение девятиглавому змею, живущему в каменной пещере. Каждый год змей этот требует человека на съедение, вот и бросают жребий, кому идти в пасть змею. В этом году жребий выпал королевне. Все жалеют ее, оттого и город в черном.

Услышав рассказ пастуха, добрый молодец хлестнул жеребенка и поскакал в город. Дорогой встретил он большую толпу людей и высокую колесницу — это везли на смерть королевну. Поехал за ними и добрый молодец вместе со своими зверями. Привезли королевну к каменной пещере змея и оставили одну, а люди вернулись в город. Подскакал добрый молодец к самой пещере, и как только вылез из нее змей да разинул пасть, чтобы проглотить королевну, он натравил на него своих зверей. Лев и волк вцепились змею в загривок, а медведь ухватил за хвост и не выпускает, чтобы змей не уполз. Тут добрый молодец бросился к змею и отсек мечом все девять голов. После этого вырезал из них девять языков, положил в сумку и сказал королевне:

— Теперь иди домой, змей уж не оживет.

Напрасно просила королевна своего избавителя идти с ней

к королю. Напрасно говорила, что король щедро вознаградит его. Притомился добрый молодец, лег и тут же уснул рядом со своими зверями.

Когда королева пошла домой, заступил ей дорогу смолокур и, замахнувшись топором, заставил поклясться, что она скажет королю, будто это он убил змея. Королева поклялась, а смолокур сложил в мешок драконьи головы и пошел с ней во дворец.

Стал смолокур похваляться перед королем, что это он спас королевну, и показал девять голов. Спрашивает король дочь, правду ли он говорит? А королева подумала, что настоящий спаситель не желает ни королю показаться, ни получить награду, оттого и вымолвила нехотя, что смолокур спас ее. Да и боялась она иное сказать, ведь смолокур пригрозил убить ее за это.

Повелел король умыть и нарядить смолокура. А вскоре разнеслась весть, что король отдает дочь за избавителя и приглашает всяких королей и вельмож пожаловать на свадьбу. Услыхал про это и добрый молодец и подумал: кто же это похвалился спасением королевны? Пошел и он со своими зверями на свадьбу. Видит, ведут к венцу королевну со смолокуром. Добрый молодец тотчас написал ей грамотку, что, мол, он ее спас, а она за другого выходит, и отдал зайцу. Заяц прошмыгнул сквозь толпу к королеве и бросил грамотку ей под ноги. Подняла ее королева, прочитала и увидела молодца, который змею головы отсек. Позвала она отца, показала ему молодца и сказала, что это он ее спас. Смолокур подскочил к молодцу, схватил его за горло и кричит:

— А как ты докажешь, что змея убил? Я его убил, я и головы принес.

Молодец отвечает:

— Головы ты подобрал, а я перед тем языки вырезал.

Тут он высыпал из сумы все девять языков. Кинулись люди поглядеть на змеиные головы, видят — без языков они. Тогда повелел король смолокура посадить в куль с соломой и сжечь, а доброго молодца в зятя взял.

В том городе, где жил король, никогда не светило солнце. Тотчас после свадебного пира, когда молодые ушли в опочивальню, глянул добрый молодец в окошко и увидел далеко, среди гор, огонек мерцает.

— Кто там живет? — спросил он королевну.

— Ведьма, что солнце помелом заслоняет.

Встал поутру добрый молодец, кликнул своих зверей и, никому не сказавшись, ушел в горы, к ведьме. Пришел, видит — стоит маленькая избушка, а в ней баба сидит и помелом заслоняет солнце.

Приказал ей молодец выйти вон и выбросить помело, а ведьма отвечает:

— Я твоих зверей боюсь, разорвут они меня. Вон в углу котел с водой, зачерпни воды и побрызгай на себя и на зверей, тогда я бояться перестану.

Как только молодец брызнул водою, тут же и он и звери превратились в камни.

В ту пору наскучило меньшому брату гулять по свету и вернулся он на то перепутье, где оба брата воткнули ножи в сосну. Видит, что братнин нож заржавел, и говорит:

— Беда с моим братом приключилась. Пойду его искать.

И поскакал тем же путем, каким старший брат ехал. Он тоже повстречал зайца, волка, льва и медведя, каждого хотел было застрелить, да звери и его отговорили и побежали за ним. Подъехал он к городу и видит, что там все в черное одеты. Спросил пастуха, что при дороге стадо пас, отчего весь город в печали? Отвечает ему пастух:

— Оттого, что король не может отыскать тебя. Зачем ты его дочь бросил?

Тут понял меньшой, что здесь его брат живет, потому что оба они были на одно лицо. Поскакал он в город. Все обрадовались, завидев его. А как узнали про это король с королевной, так кинулись навстречу. Спрашивают его:

— Где ты скрывался? Зачем нас покинул?

Встретили меньшого брата с весельем, музыкой, и король привел его во дворец со всеми зверями. Ни король, ни королевна не знали, что это меньшой брат.

Пришел вечер, королевна повела его в опочивальню. Взглянул он в окошко, видит — далеко, среди гор, огонек, и спрашивает королевну:

— Кто там живет?

Королевна ему отвечает:

— Опять про это спрашиваешь? Теперь уж не скажу, не то опять от меня убежишь.

«Не пошел ли туда старший брат?» — подумал меньшой и опять принялся выспрашивать королевну, кто там живет. Сколько он ни выспрашивал, королевна только нехотя ответила, что живет там ведьма, заслонившая помелом солнце.

Улеглись они в постель, но меньшой брат положил между собой и королевной острый меч. «Что это с ним стряслось? — думает королевна. — Раньше он такой ласковый был».

Только уснула королевна, поднялся меньшой брат, кликнул своих зверей и ушел с ними в горы. Пришел, видит — стоит избушка, а в ней баба сидит.

— Куда ты моего брата дела? — накинулся он на ведьму. Стала баба отнекиваться, мол, знать ничего не знает, но меньшой напустил на нее своих зверей. Испугалась баба, просит, чтобы отогнал их. Принесла она котел и только брызнула водой на камни, тотчас и ожили старший брат и его звери. Братья поздоровались, а ведьма хотела было котел спрятать, да меньшой вырвал его у нее из рук и ну брызгать водой на камни. Все они обернулись кто людьми, а кто и зверями. А горы становились все ниже и ниже, а там и вовсе превратились в широкую равнину. Распростился меньшой брат со старшим и домой отправился, навестить родителей, а старший брат вернулся во дворец и после смерти тестя долго и счастливо царствовал.

С тех пор в королевстве солнце никогда не закатывалось, а звери жили в лесах, и никто их не стрелял в благодарность за то, что они помогли обоим братьям столько людей освободить и вернуть земле солнце.

ДУРАЧОК

В стародавние времена жил в дремучем лесу хуторянин, троих сыновей растил. Старших отец крепко любил, а младшего ни родители, ни братья не терпели, каждый день дурачком обзывали. Что он ни скажет, что ни сделает, — другие только насмеются, все за глупость принимают. Не понравится братьям какая-нибудь одежка, — ее младший донашивает, кушанье не по вкусу пришлось, — ему суют. Старшим, чего ни попросят, им все дают, а ему ничего, а уж захотят братья от какой-нибудь работы отделаться, непременно на младшего взвалют. Вот и пришлось ему свиней пасти — старшие этим делом гнушаются. Пас он целыми днями и призадумался, и захотелось парню узнать, живут ли за лесом люди. Однажды утром бросил он свиней и отправился в путь, край леса искать. Целый день шел, а лесу конца не видать. Съел он свой завтрак, влез на дерево, привязал себя к нему, так и переночевал. На другой день шел он, шел, обед свой съел, а под вечер, диких зверей опасаясь, опять на дерево влез, да там и выспался. И на третий день все тропку

через дремучий лес прокладывал, и ужин свой съел, а до края леса не добрался. Только на четвертый день утром, сидя на дереве, вдруг слышит — петухи поют. Пошел на петушиный голос, вышел на опушку и увидал город.

Вошел парень в город и диву дается — сколько тут народу. Спросил прохожего, отчего столько людей с плачем по улицам ходит и отчего городские дома черными холстами увешаны.

— Откуда ты взялся, коли не знаешь, что завтра надо отдать злому дракону королевскую дочь? На этот раз из всех городских девиц ей жребий выпал. А дракон грозитя весь город с землей сравнять, коли завтра не отдадут ему девицу.

— Отчего же этого дракона никто не убьет?

Прохожий отвечает:

— Каждому боязно: больно свиреп он. Король сулит дочь, а после себя и королевство тому, кто спасет девицу от дракона, да никто не берется.

— Ну так я возьмусь. Веди меня к королю!

Все сочли парня за пустобреха, а король обрадовался: хоть один смельчак нашелся. Велел принести ему всякого оружия: мечей, рогатин, копий, ружей, шлемов, кольчуг, секир. Дурачок только и выбрал что большой топор.

— С другим снарядам я обходиться не умею, а вот орудовать топором — привычное дело.

На другой день отвел король дочь в лес, железными цепями к дереву приковал и, горько плача, вернулся назад. Королевна вздыхает, смерти своей дожидается, а дурачок с ней остался, дракона подкарауливает. Утро было студеное, он нарубил дров да неподалеку от королевны костер развел, погреться вздумал.

Покуда он огонь раздувал, прилетел и дракон — фырчит, пасть разевает, дурачка проглотить хочет. А дурачок, как дракон поближе подполз, — схватил головню побольше, да как сунет ее в пасть дракону, в самую глотку угодил. Тот от жара еще шире пасть разинул, а дурачок ему все поленья из костра в глотку и запихал. Взревел дракон не своим голосом и ну по земле кататься. Дурачок подскочил с топором да как начал его рубить, словно дрова. Отрубил голову, искрошил в кусочки хвост и до тех пор крошил, покуда сам не притомился. А королевна поблизости стоит и все видит. Сперва она тряслась от перепуга, а потом обрадо-

валась. Когда же дурачок отвязал ее от дерева, она на шею ему кинулась и расцеловала, — бедняжка ведь и не чаяла в живых остаться.

Под вечер пришел король в лес и видит: дракон на куски изрублен, а храбрый молодец положил голову на колени королевне и спит. Обнял он удальца и заплакал от радости. С тех пор дурачок самым почетным человеком стал, и король его крепко полюбил.

Со временем надумал дурачок родителей навестить, а молодую жену с собой захватил. Едут они в золотой карете к родному дому и все лесом. Не доезжая до опушки, велел он карету остановить, надел свои старые обноски и пошел по старой памяти свиней пасти. А жене велел к его родителям на ночлег попросится да прикинуться, будто она его не знает, и ничему не удивиться. Так она и сделала. Дурачок видит, что свиньи без пастуха, до вечера пас их, а там, покрикивая да пощелкивая кнутом, погнал домой. Только и было слышно: «Чунь-чунь, хрюшка, чунь-чунь, пестрая!» Отец выбежал навстречу, спрашивает замолчать. А он еще пуще орет. Отец опять его уговаривает:

— Королевна у нас в гостях.

А сын дурнем прикидывается:

— Мне что за дело до королевны, мне свиней пригнать надо. Да они меня не слушаются, больно разбаловались без пастуха. Вот и приходится кое-когда покрикивать.

Вошел он в избу как ни в чем не бывало, уселся за стол и стал ужинать. Отец его спрашивает, где он столько времени пропадал.

— Пошел за лес поглядеть, есть ли там люди. Верно, есть, и побольше их, чем у нас. Встретили они меня ласково, с почетом, не то, что дома, потом своим королем сделали.

Услыхал это отец и только головой покачал, больше ни о чем не спрашивал — с него довольно было. Тем временем мать сварила гостье ужин, да побоялась сама такой высокой особе подать. То одного, то другого посылает, а никто не идет, все робеют. Наконец дурачок сказал:

— Коли никто не хочет подать, тогда я подам. Королевна меня не съест, она меня хорошо знает, а я ее крепко люблю, может, она и женой моей будет.

Мать поглядела на него, покачала головой и вздохнула, оттого что он все такой же, нисколько не поумнел, а все же послала кушанье подать.

Внес дурачок миску с мясом, да шварк об стол, — она и разбилась, так что все мясо вылетело. А он сказал только: «На, хлебай!» и выбежал вон. Мать в щелочку подглядывала и все видела, а когда сын вышел, стала ругать его за грубиянство.

— Э, возле свиней хорошему не научишься.

— Паси не паси, а все такой же, — махнула рукой мать.

Потом понес он миску похлебки, сказал: «Вот тебе похлебка!» и опять шварк об стол — похlebка расплескалась, забрызгала королевну, и узорчатая юбка намокла. А королевна только посмеивается. И опять дурачок вон выбежал.

— Ты и юбку королевне залил, — бранится мать, — постыдился бы хоть, свинья этакая.

— Кажись, у нее еще есть, — отвечает на это сын.

Под конец принес он котелок репы и вывалил королевне на колени.

— На, бери!

А она прямо со смеху помирает.

Стали все спать ложиться, мать и спрашивает дурачка:

— А ты где ляжешь? Твое место братья заняли, вот и поди в хлев, там себе логово устроишь, — в избе-то негде.

А дурачок в ответ:

— Пойду-ка я к королевне в постель, раз мне здесь места нет. Короли в хлеву не спят.

— И раньше дурень был, — говорят домашние, — а теперь и подавно невесть что мелет. Чего только не выдумает? Так тебя королевна и примет! Сунься только, сам не свой выскочишь!

— Вот увидите, как меня королевна примет. Она поди ждет меня, — как-никак жена.

— Ха-ха-ха! — посмеялись домашние и разошлись по своим постелям, а дурачок отправился к королевне. Она, известно, мужа приняла с лаской, а сама от смеха никак не удержится.

Ахнули утром отец с матерью и братья, когда дурачок в богатом наряде к ним вместе с женой вышел. Все поехали гостить к его тестю и долго дивились, как это дурачок королем стал. Он, поди, и по сию пору здравствует. И меня к нему во дворец позвали. Погостил я там, а обратно на дареном пряничном коне приехал.

ЖАБА-КОРОЛЕВА

Б

ыло у короля три сына: два умных, а третий дурак. Задумал отец испытать королевичей и сделать наследником самого достойного.

Вот и говорит он сыновьям:

— Походите по белу свету, приищите мне по подарку. Чей подарок будет всех краше, тому и царствовать после моей смерти.

перу и велел пустить по ветру. Пустили королевичи перья. У большого перо упало на заход, у среднего на восход, у меньшего, дурачка, долетело до ручья и опустилось на берег.

Отправились старшие братья туда, куда показали перья. А дурачок пошел к ручью и уселся там, где перо легло. Сидит и в воду глядит. Глядел-глядел, видит — на дне ручья дверца. Подошел ближе — вода расступилась. Подошел к дверце — дверца растворилась. А за дверцей ступени. Спустился он по ступеням. Видит, внизу огромный дворец, а возле него сидит большущая жаба. Спрашивает она его человеческим голосом:

— Зачем пожаловал, королевич?

— Ищу подарок своему батюшке, — молвит дурак. Кликнула жаба своих служанок, и принесли они ковер — красоты неописанной. Отдала жаба ковер королевичу. Поблагодарил дурачок и вернулся к отцу. Его подарок был всех лучше.

Хотел было отец отдать королевство младшему сыну, да братья не согласились. Велел тогда король сыновьям принести по кольцу. Чье колечко будет всех краше, тому и быть королем. Пошли старшие по белу свету, а дурачок отправился к жабе, рассказал ей все, и она дала ему кольцо дивной красоты.

Возвращаются трое королевичей домой, а колечко дурачка — всех лучше. Хотел было король объявить наследником младшего сына, да братья опять ни в какую. Приказал тогда король сыновьям привести по жене. Чья жена будет всех прекрасней, тому и царствовать. Пошли королевичи по белу свету. Пригорюнился дурачок и опять — к жабе. А та его утешает:

— Не плачь. Все будет ладно.

Велела она принести ложку и привести шесть мышей. Запрягла мышей в ложку и сама в нее уселась. Мыши тотчас обернулись борзыми конями, ложка — каретой, а сама она — прекрасной королевной. Сел дурачок в карету и поехал с королевной ко двору. И тут жена дурачка оказалась всех прекрасней. Теперь уж братья не стали перечить и король сделал дурачка наследником. Сев на царство, младший правил так мудро, что никто уж не называл его дурачком.

ЕЖИК-ТОПОТУН

Ж

ил в давнее время один дровосек. Пошел он как-то в лес пни корчевать. Корчевал он, корчевал, глядь — к нему ежик подкатился. Уселся дровосек пообедать. А ежик как увидит, что хлебная крошка упала, тут же подберет. И так этот ежик понравился дровосеку, что он его и принес домой. Устроил ежику мягкое пуховое гнездышко и уложил его. Пошли хозяева спать в клеть и посуду немытую оставили. Тогда ежик поднялся с постельки, огонек вздул, посуду вымыл, котел вычистил, лавки, стол выскреб, избу подмел. Принес воды, налил полный котел, а сам опять улегся.

Поднялись хозяева вместе с солнышком, а у них и вода нагрета, и пол подметен, и лавки вымыты.

Обрадовались хозяева, что раздобыли такого смышленного ежика: ведь у них никого-то не было — ни дочери, ни

сыночка. Стали они считать ежика за свое дитяtko и имячко ему дали — Топотун.

Вырос ежик и надумал жениться. А неподалеку было королевство, и в нем королева — писаная красавица. Упрямил ежик отца сходить к королю, поклоняться, чтоб отдал он за него свою дочь.

Пришел отец к королю и говорит:

— Пресветлый король, не будешь ли столь милостив, не отдашь ли нам свою доченьку?

Король в шутку и скажи:

— Ну что ж, приведи своего жениха, покажи его. Вернулся отец домой, рассказал ежику. Ежик и отвечает:

— Отнеси меня на всякий случай.

Завернул его отец в шелковый платок и понес. Принес и показывает Топотуна королю. Король расхохотался и сказал:

— Чудной у тебя сыночек: вылитый еж. Что ж, выдам я за него дочь, коли исполнит мой приказ.

Отец на это отвечает:

— Приказывай, король, он что хочешь исполнит.

— Пусть он из моих хлевов да закутов весь навоз, что за три года скопился, за одну ночь вывезет и разбросает по полю, вспашет и проборошит, посеет пшеницу, вырастит и уберет, свезет и обмолотит, сметет и спечет из той пшеницы пирог да принесет его мне горяченьким. Вот тогда я выдам за него свою дочь.

Ежик и говорит:

— Отнеси меня к его хлевам, авось, как-нибудь справлюсь.

Отнес его отец. Взял ежик вилы, и весь навоз выполз из хлевов. Пошел ежик в поле, куда навоз уполз, разок поддел вилами и сказал:

— Разбросайся, навоз!

Навоз по всему полю разбросался. Тогда еж говорит:

— Вспашишь, поле. — Поле и вспахалось.

— Проборошишь, поле. — Оно и проборошилось.

— Посейся, пшеница. — И посеялась.

— Созрей, пшеница, — И созрела.

— Сожнись, пшеница. — И все поле в снопах.

— Свезитесь на гумно. — И свезлись.

— Обмолотись, пшеница. — И обмолотилась.

— Перемелись, зерно. — И перемололось.

— Испекитесь, пироги. — Испеклись.

За один день управился, до вечера не замешкался: навоз вывез, и пашню вспахал, и пшеницу посеял, и вырос-тил, и сжал, и сvez, и обмолотил, и пирог испек, отнес королю — горяченький, еще пар идет.

Не хотел король слово свое нарушить — велел принести ежика и приказал старшей дочери за него замуж идти. Она в слезы: что за радость за ежа идти. А король приказывает — как тут быть, куда деваться? Пришлось послушаться.

Так королевну силком и выдали замуж за такого чудного жениха. Королевна и приласкаться к нему не может, рыдает она, причитает: «И что это за муж — одни иголки».

Пошли молодые в опочивальню. Только уснула королевна, ежик сбросил шкурку, спрятал под кровать, а сам обернулся молодым красавцем, добрым молодцем. От одного серебра да золота, что на нем были, в горнице светло стало, словно заря занялась. Королевна проснулась от этого света, — и обрадовалась же она, что муж у нее такой красавец. На рассвете он в свою шкурку влез. На другую ночь — опять то же самое: в потемках сбросил шкурку, и опять кругом стало светло. Только на третью ночь, когда он крепко уснул, королевна взяла его шкурку и сожгла. Проснулся Топотун, а шкурки нет. Он и говорит:

— И что ты наделала, горе ты мое, пропал я теперь. Кончалось уж заклятие, что лежало на мне за грехи матери, а теперь я должен идти к морю-океану и семь лет покаяние отбывать. А как уйду я, то и тебя накажу: к чему ты ни при-тронешься — все будет в железо обращаться. — И отпра-вился он в путь к морю-океану.

А королевна больше и пошевелиться не может: железная еда сковала ее, в тело вьелась. Обливается она слезами: «Как быть, куда деваться?!»

Добралась она однажды до отца Топотуна. Упросила его пойти к тому морю-океану. Шел-шел отец, состарить-ся успел в пути, однако же дошел наконец до морского бере-га. Звал-звал Топотуна, к вечеру явился тот и спрашивает:

— Зачем пришел?

— Жена твоя упросила. Не может она больше такую тяжесть носить. Как ей дальше быть?

— Ладно, пусть приходит на берег.

Вернулся отец домой и говорит снохе:

— Велел тебе самой прийти, да больно тяжело пробираться через топи да болота.

— Все одно, пойду!

Отправилась она в путь-дорогу — и добралась до самого моря. Под вечер явился Топотун и спрашивает:

— Зачем пришла?

— Пришла с тобой повидаться. Так я состарилась, поседела вся, ровно мохом обросла.

— Ну, дождайся другого вечера. Как вечер наступит, завидишь на берегу в одном месте красную пену, а в другом — белую. Собери эту белую пену и завяжи в узелок.

Сказал так, а сам в море скрылся. Дождалась она другого вечера и увидела в одном месте красную пену, а в другом белую. Собрала белую пену и завязала в узелок. Потом принесла ее к морю, пустила по воде, и очутился перед ней муженек, каким раньше был, добрым молодцем.

— Теперь, — говорит он, — придется нам через море плыть. Согласна?

— Согласна, — отвечает она.

— Держись за мой пояс.

Ухватила она за его пояс, и поплыли. Плыли они, плыли и переплыли море.

— Теперь, — говорит муж, — надо сквозь этот огонь пройти. Согласна?

— Согласна, — отвечает она.

— Держись за мой пояс.

Так прошли они и сквозь огонь.

— Теперь, — говорит он, — я аистом обернусь. Примечай: который аист крылья опустит, на него и говори: вот мой муж.

Обернулся он аистом, а она и говорит:

— Вот мой муж.

— Теперь я лошадью обернусь, — говорит он. — А ты примечай: которая в парше, на нее и говори: вот мой муж!

Обернулся он лошадью. Спрашивают ее:

— Который твой муж?

А она отвечает:

— Вот этот, в парше.

— Ну и бери, коли это твой муж.

Вернулись они домой веселые и задали пир. Созвали всех соседей и родичей, ели, пили, веселились.

И я на пиру у Топотуна был, гостям прислуживал. Наде-

ли на меня стеклянную шапку, стеклянные сапоги, бумажный кафтан. Подаю я кушанье на стол, а гость меня как толкнет, — так блюдо из рук и вылетело, упало на ноги и сапоги разбило.

Со стыда кинулся я к клети, а на меня собаки набросились, разодрали и кафтан и шапку. Забрался я в клетку, лег на кудель. Прибежали слуги, схватили меня вместе с куделью, запыкали в пушку да как выстрелят — я и попал в город Вильнюс...

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Вырастил отец трех сыновей. Двое старших умниками слыли, а за младшим никто ума не признавал, все его глупым считали.

Однажды говорит отец сыновьям:

— Кто из вас построит летучий корабль, тому после моей смерти все хозяйство достанется.

Вызвался строить корабль старший сын. Мать ему полную корзину снеди припасла, а отец — всякой снасти. Уложил он все в мешок и пошел в лес.

Шел-шел, присел на пригорке и стал закусывать. Глядь, плетется мимо старый, сгорбленный нищий и просит у него хлебца кусочек. Ничего не дал ему старший брат. Ушел от него нищий и сказал на прощание:

— Не удастся тебе дело твое.

Работал старший сын целыми днями, деревья валил. Только никак не придумает, как же ему летучий корабль построить. Так ни с чем и вернулся домой.

Смеется над ним средний брат:

— Где тебе, неучу! Завтра пойду я летучий корабль строить.

Только и с ним случилось то же, что и со старшим братом.

Собрался тогда младший сын летучий корабль строить, а все над ним только потешались:

— Уж коли старшие не построили, так тебе, дурню, и братья не стоит.

Мать ему пирогов не напекла, отец никакой снасти не дал. Сунул младший сын за пазуху краюху хлеба и пошел.

Пришел в лес, уселся на пенек и раздумывает, с чего ему начинать. И опять плетется мимо старый нищий.

Отдал ему молодец свою краюху, рассказал про летучий корабль, и обещал ему нищий помочь.

Осмотрелся молодец, вырвал с корнями несколько деревьев, а потом решил вздремнуть.

Проснулся, а перед ним чудо-корабль. И всего-то на этом корабле полно — и денег, и снеди всякой. Ешь ее, а она не переводится. Теперь молодец волен был полететь, куда только захочется. И задумал он постранствовать, белый свет поглядеть.

Только взошел, и все, что ни подумает, — исполняется. Подумал он: поднимусь-ка за облака — и поднялся. Подумал: спущусь-ка вниз — и спустился.

Много дней странствовал младший сын и увидел однажды невиданного человека. К каждой ноге у него по дереву привязано, а мчится он шибче ветра. Спрашивает у него молодец:

— Ты чего так бежишь?

Отвечает ему человек:

— Пришла охота, вот и бегу. А чтоб не очень шибко и не очень далеко убежать, привязал я к ногам по дереву.

— Хочешь со мной по свету странствовать?

Согласился человек.

Вот летят они и видят — человек березу грызет.

— Ты чего делаешь? — спрашивают у него.

— Да вот проголодался малость и закусываю. Три безрезки уж за завтраком сгрыз.

— Ступай ко мне, у меня получше снеси найдется, — говорит ему молодец.

Летят они втроем. Вдруг видят — человек к озеру припал, и вода в озере прямо на глазах убывает.

— Ты что делаешь? — спрашивают у него все трое.

— Пить захотелось, вот я и хлебаю водицу. Этого озера мне не хватит, придется другое поискать.

— Иди к нам, мы тебя получше напоим, — позвал его молодец.

Согласился и этот.

Так взял он к себе на корабль еще одного человека, который за тысячу верст стрелой в комара попадал, и другого, который, приложивши ухо к земле, слышал, как трава растет. Взял и третьего, который все время палец во рту держал, а как вынет, — лютая стужа наступает.

Так и летали они все вместе по свету. И вот прилетели однажды в город, которым злой король владел.

А перед тем объявил король: кто захочет его дочь в жены добыть, тот должен исполнить три мудреных задачи. Услыхал про это молодец и задумал жениться на королевской дочери. Спрашивает своих приятелей, согласны ли они помочь ему. Согласились они. Пришел молодец к королю и взялся все три задачи исполнить.

Сперва приказал ему король состязаться с лучшими бегунами. Выбежали королевские бегуны, а с ними и приятель молодца. Тот, что к ногам по дереву привязывал. Спрашивает его, на что ему деревья.

— Да с ними ловчее бежать, — отвечает он, да как побежит — сразу всех обогнал. Прошло время, показались уж королевские бегуны, а человека с деревьями на ногах и не видать. А он забежал далеко вперед и подумал: «Чего торопиться, дай-ка сосну». Положил под голову пень и уснул. Только чудесный стрелок натянул тетиву — и вышиб у него из-под головы пень. Вскочил человек, догнал ко-

ролевских бегунов, обогнал их и первым прибежал.

Задал король другую задачу — сказать, какое время показывают и сколько раз бьют часы на башне, что стоит в ста милях от дворца.

Позвал молодец своих приятелей и рассказал, что от них требуется. Вот один поглядел, другой послушал, и шепотком все ему сказал. Говорит молодец королю:

— Показывают часы десять, а бьют двенадцать.

Тогда задал король третьей задачей: съесть за одну ночь всю снедь, что во дворце была.

Взял молодец с собой приятеля, который березы грыз, и пошел во дворец.

Пришли они, а приятель и говорит:

— Сперва ты поешь, да поторапливайся, не то как при-
мусь — ни крошки не оставлю.

Так он и сделал, тарелки — и те проглотил.

Исполнил молодец три задачи, а все не хочется за неведомого человека отдавать дочь. И задал ему король еще одну задачу — выпить за ночь все вино в королевских подвалах.

Сошел в подвал приятель, который озеро выпивал, облизнулся, велел молодцу хорошенько напиться, не то он, мол, как начнет пить — ни капельки не останется.

Так и случилось: как принялся за вино, — все выпил, мало того — выскочил наружу и целый пруд вместе с тиной вылакал. Наутро глядит король — подвал словно метлой выметен. А дочку отдавать все равно не хочется. Задач он больше придумать не мог и задумал тогда погубить молодца. С вечера заманили его вместе с приятелями в горницу и заперли там. Сидят они так, и вдруг как пыхнет из-под пола жаром. А это король внизу костер развел, хотел живьем их изжарить. Тогда один приятель палец изо рта вынул, и сразу стало прохладно. Так и не сгорел никто.

Наутро пришел король взглянуть, все ли пленники изжарились. Заглянул в горницу и мигом нос отморозил.

Ничего не поделаешь, пришлось королю отдавать дочь за молодца. Вскоре сыграли пышную свадьбу. Король завещал зятю после смерти все королевство. А молодец частенько сажал свою жену на летучий корабль, и летали они по всей стране, а когда и в чужедальные страны.

КАК КОРОЛЕВИЧ СВОИХ БРАТЬЕВ СПАС

Б

ыло у одного короля три сына.

Задумали старшие сыновья постранствовать по белу свету, ума набраться. Не хотел их отпускать отец, да королевичи до тех пор ему покоя не давали, покуда он их не отпустил. Собрались они в дорогу и написали грамоту, что они, два брата, сыновья такого-то короля, отправились бродить по белу свету, ума набраться. Прилепили грамоту под столешницу и уехали. Остался с отцом только младший сын. Был он еще совсем маленький, и отец любил его больше других.

Прошло пятнадцать лет. Уж и младший королевич подрос. Однажды нашел Он прилепленную под столешницу грамоту, прочел ее и узнал, что есть у него два брата и странствуют они по белу свету, ума набираются.

Стал королевич просить отца отпустить и его белый свет поглядеть, братьев отыскать. Король сперва и слушать не хотел, да после долгих просьб уступил, снарядил сына в путь-дорогу и благословил его.

Едет королевич, едет, а путь дальний, уж и припасы у него кончились. Прискакал он в дремучий лес и заблудился. Ехал-ехал, а лесу и конца нет. Захотелось королевичу есть. Спешился он, привязал к дереву коня, снял с плеча ружье и пошел по лесу, а сам думает: «Может, набреду на какого-нибудь зверя, застрелю и зажарю». Только подумал, а навстречу ему старый волк ковыляет и на палочку опирается. Хотел уж было застрелить его королевич, а волк спрашивает человеческим голосом:

— Куда путь держишь, королевич?

— Иду братьев искать, — отвечает королевич.

— Сменяй свое ружье на мою палку, — говорит волк. —

Тогда я тебе скажу, где твои братья.

Сменил королевич ружье на палку, а волк и говорит:

— Теперь иди напрямик лесом, и придешь ты к высокой горе. В той горе есть пещера, а в ней живет колдун, он-то и держит взаперти твоих братьев. Как пойдешь к горе, ударь по ней палкой, дверь и отворится. А как войдешь и увидишь своих братьев, хватай их за волосы, и вытаскивай.

Как сказал волк, так и случилось. Пришел королевич к горе, ударил по ней палкой — дверь и отворилась. Вошел он в пещеру, видит: колдун на полатях лежит, а братья жернова ворочают, человечесьи косточки перемалывают. Ухватил их королевич за волосы и вытащил из пещеры. Хотел колдун погнаться за ним, королевич захлопнул дверь и запер его в пещере.

Отправились братья все втроем. Шли они, шли, пришли в чужое королевство и нанялись в услужение к королю. Король взял старших в слуги, а младшего сделал своим приближенным.

Долго ли, коротко ли они там жили — неведомо, ведомо только, что стали завидовать младшему старшие братья. Как это так: он всех моложе, а выше старших стоит! Пришли они к королю и говорят:

— Меньшой наш брат знает диковинную птицу: как запоет она — все птицы на ее голос слетаются.

Призвал король младшего королевича и говорит:

— Коли сыщешь мне диковинную птицу, я тебя еще

больше возвышу, а не сыщешь, велю тебе голову срубить.

Пригорюнился королевич, заплакал и пошел куда глаза глядят; ведь он и не слышал про диковинную птицу.

Идет, а навстречу ему знакомый волк. Спрашивает волк королевича, куда тот путь держит. Отвечает королевич, что идет он отыскивать диковинную птицу. А волк и говорит:

— Воротись ты к тому колдуну, что твоих братьев прятал. Увидишь ты у него всяких птиц, только не бери пестрых, что в золотых клетках сидят; а как увидишь невзрачную птицу в прутьяной клетке, сразу хватай ее и уноси.

Королевич так и сделал. Едва вошел в пещеру колдуна, схватил прутьяную клетку с птицей и принес ее королю. Только запела она, тотчас слетелось на ее голос множество всяких птиц. За это король еще больше приблизил к себе младшего брата, а старшие пуще прежнего возненавидели его и опять доложили королю, будто знает меньший диковинную собаку: как залает она, со всего света звери сбегутся.

Король опять велел королевичу раздобыть ему ту диковинную собаку. Долго отнекивался королевич, говорил, что и знать не знает такой собаки, только не поверил ему король и выгнал с такими словами:

— Уж коли ты знал, где сыскать птицу, так и собаку отыщешь. Даю тебе три дня сроку, а коли через три дня не приведешь во дворец собаку, велю тебя казнить.

Идет королевич, вздыхает, горькую думу думает, только вдруг навстречу — серый волк. Спрашивает волк, куда он путь держит. Поведал ему королевич свое горе, а волк и говорит:

— Ступай опять к колдуну. Только у него одного и есть такая собака. Как придешь, увидишь множество собак и на золотых цепях, и на серебряных. К ним не подходи. А как увидишь дворнягу на простой веревке, ее-то и бери.

Королевич поблагодарил волка за совет и отправился к колдуну.

Подошел к горе, ударил по ней палкой, дверь отворилась. Вошел он в пещеру, а там все было, как говорил волк: множество собак и на золотых цепях, и на серебряных, но королевич их не тронул, а как увидел собаку, что была на веревке, — схватил ее и был таков.

Долго гнался за ним колдун, да так и не догнал. А

королевич вернулся во дворец и отдал собаку королю.

Король пуще прежнего благодарил королевича и щедро одарил его.

Старшие братья, не зная, что бы еще сделать, нашептали королю, будто знает меньшей девицу, краше которой и на свете нет. Король призвал королевича и говорит:

— Коли ты мне раздобудешь эту красавицу, я тебе полкоролевства отдам, а не раздобудешь — на себя пеняй.

Делать нечего. Пришлось королевичу искать девицу.

Идет он, и опять встречается ему старый приятель — волк. Рассказал ему королевич о своей беде, а волк и говорит:

— Теперь уж мы вместе пойдем. Захвати только столик, вина бутылку да платьє нарядное.

Вышли они на берег моря, накрыли столик, поставили на него вино, платьє рядом положили, а сами под стол спрятались. Немного погодя пришли три девицы купаться. Одна хороша собой, другая еще краше, а третья, — красавица писаная. Разделись они, выкупались и на берег вышли. Первая приблизилась к столику, пригубила вино и ушла одеваться. Другая красавица тоже отпила глоток и тоже ушла, а третья пригубила вино и стала примерять платьє. Только она его надела, а волк сгрєб ее в охапку, посадил к себе на спину, велел и меньшому брату сесть.

Мчится волк по лесу, а красавица со страху обмерла. Когда очнулась, увидала красавца-молодца, и он ей сразу полюбился. Молодцу она тоже по сердцу пришлась, вот и уговорились они обвенчаться.

Стал меньшей брат просить волка, чтобы он их прямо домой отвез, к отцу, от которого он по свету пошел братьев искать. Когда прибыл молодец с невестой, отец его, старый король, уж доживал свой век. Обрадовался он возвращению сына-королевича, на радостях устроил пир горой. Королевич обвенчался с красавицей, и жили они долго и счастливо.

А тот король так и не дождался своего любимца. Кликнул тогда его братьев и с горя велел слугам забить их до смерти.

ЮОЗАПЕЛИС И ЕГО КОНИК

Ж

ил один король, и был среди его слуг паренек, по имени Юозапелис. Собрался однажды король на охоту, а Юозапелис просит и его взять с собой. Король говорит:

— Я тогда возьму тебя, когда конь сам себя оседлает!

Пошел Юозапелис на конюшню к вороным и кличет:

— Коняша, коняша, коняша!

Ни один вороной не подбежал к нему и не оседлал себя. Пошел тогда Юозапелис к ломовым лошадям и стал подзывать:

— Коняша, коняша, коняша!

И опять ни одна лошадь не подошла, сама себя не оседлала. Пошел Юозапелис к тем лошадям, на которых воду возили, и опять кличет:

— Коняша, коняша, коняша!

Подбежал к нему невзрачный коник и сам себя оседлал. Уселся в седло Юозапелис и выехал с королем на охоту. Скакал-скакал, притомился и пустил коника попасться на луг.

На том лугу нашел Юозапелис перо невиданной красоты. А коник и говорит ему:

— Не поднимай пера, не то худо тебе будет.

Не послушался Юозапелис, подобрал перо, а другие слуги заприметили это и, когда вернулись во дворец, наябедничали королю, что есть у Юозапелиса невиданной красоты перо. Стало быть, видал он и птицу с такими перьями. Позвал король Юозапелиса и говорит:

— Если есть у тебя перо, стало быть, ты и птицу нашел. Подавай мне ее, не то велю казнить тебя.

Поплелся Юозапелис к своему конику и сетует:

— Коник мой, коник, как мне быть? Велит мне король принести диковинную птицу.

Отвечает коник:

— Говорил я тебе, не бери пера, не то худо будет, а теперь жди еще худшей напасти. Садись на меня и поскачем.

Вскочил Юозапелис в седло и поскакал. Скакали они, скакали и прискакали к высокому дворцу. Коник и говорит:

— Я останусь пастись на лугу, а ты пойди к дворцу и скажи:

Отворитесь, ворота,
Спите крепко, сторожа,
Дайте мне сюда войти,
Невредимому уйти.

А когда войдешь в ворота, — хватай птицу, только, смотри, гнезда не разорай, тогда никто тебя не поймает. Юозапелис так и сделал. Подошел к воротам и сказал:

Отворитесь, ворота,
Спите крепко, сторожа,
Дайте мне сюда войти,
Невредимому уйти.

Ворота распахнулись, Юозапелис поймал птицу, вернулся к своему конику, вскочил в седло и помчался домой.

Принес Юозапелис королю диковинную птицу, а король опять ему говорит:

— Уж коли раздобыл ты птицу, раздобудь и ее гнездо.

Поскакал Юозапелис к дворцу и привез королю гнездо. А король прослышал, что где-то, за девятью лесами, живет морская царевна. Вот и говорит он Юозапелису:

— Коли добыл ты диковинную птицу и ее гнездо, добудь мне и морскую царевну, не то велю тебя казнить.

Пришел Юозапелис к своему конику и спрашивает, как ему быть.

Отвечает коник:

— Плохо твое дело, а будет и того хуже. Проси у короля побольше денег и накупи дорогих сукон.

Юозапелис так и сделал и отправился в путь-дорогу. Прибыл он в дальнее королевство, устал сукном берег: которое сукно похуже, то — поближе к воде, которое получше, то — подальше. И принялся он зазывать:

— Выходи, выходи, морская царевна, привез я тебе дорогие сукна!

Выплыла царевна со дна морского, вышла на берег, сукна шупает. А Юозапелис пуще раззадоривает:

— Там товар получше, — говорит и манит ее все дальше от берега.

Только подошла к нему царевна, Юозапелис сгреб ее в охапку, усадил на коника и поскакал с ней к королю. Видит король писаную красавицу и говорит:

— Теперь можно бы и свадьбу сыграть.

Отвечает морская царевна:

— Пускай сперва Юозапелис достанет со дна морского мой перстень, тогда и пойду за тебя.

Велит король Юозапелису достать перстень, а не достанет, не миновать ему лютой казни. Идет Юозапелис к своему конику, как быть, спрашивает. А коник отвечает:

— Пришла беда, а впереди другая, похуже. Садись на меня, и поедем. А как приедем, поймай раченка и до тех пор не отдавай его раку, пока не принесет он тебе перстня.

Юозапелис так и сделал — поймал раченка и не отдает его раку без выкупа, велит перстень принести. Рак тотчас принес, и Юозапелис отвез перстень морской царевне.

— Теперь пойдешь за меня? — спрашивает ее король.

— Нет, — отвечает царевна, — когда Юозапелис достанет со дна морского мое ожерелье, тогда пойду за тебя.

Велит король Юозапелису во что бы то ни стало достать ожерелье. Скачет Юозапелис к морю, а коник ему и говорит:

— Зарежь меня, вынь кишки, а сам влезь в мою шкуру. Как слетятся вороны клевать меня, хватай вороненка и не выпускай, покуда ворон не принесет ожерелья.

Послушался Юозапелис: зарезал коника, вынул кишки, а сам влез в его шкуру. Тотчас слетелись вороны. Юозапелис схватил вороненка и велел ворону принести со дна морского ожерелье. Улетел ворон и тут же вернулся с ожерельем. Юозапелис выпустил вороненка на волю, вложил в шкуру кишки, коник и ожил. Вскочил Юозапелис в седло и вернулся домой.

Принес Юозапелис королю ожерелье, король и спрашивает морскую царевну:

— Теперь-то уж пойдешь за меня?

— Нет еще. Как увижу у своих ног зарубленного Юозапелиса, тогда и пойду за тебя.

— Не губи меня, король, — просит Юозапелис. — Я тебе добыл и диковинную птицу с гнездом, и эту заморскую царевну.

— Зарублю, — говорит король, — не то морская царевна не пойдет за меня.

Пришел Юозапелис к своему конику и заплакал. А коник говорит:

— Оставь меня на лугу, я тебя и оживлю.

Только зарубил король паренька, тотчас прибежал коник,дохнул на него, и ожил Юозапелис. А морская царевна говорит королю:

— Теперь пускай зарубят и тебя, а как оживешь, мы и обвенчаемся.

— Ладно, — согласился король, — только смотри, не забудь меня оживить.

Зарубили короля, и никто не стал его оживлять. А морская царевна обвенчалась с Юозапелисом, и зажили они припеваючи.

СОТНЯ ЗАЙЧАТ

Ж

ил в стародавние времена король, была у него единственная дочка, и король ни за кого не хотел отдавать ее замуж, кроме как за того, кто три трудных дела исполнит, будь он хоть последний нищий. Многие брались эти три дела сделать, да ни одному не почастливилось.

А неподалеку жил простой человек, и было у него три сына. Вот старший, самый умный сын и говорит:

— Пойду королевну в жены добывать, — и отправился в путь. А по дороге повстречал старичка-нищего, однако и «здравствуй» ему не сказал. Спрашивает его нищий:

— Куда так спешишь, сынок?

— Не твоя забота, — буркнул тот и пошел дальше.

Старичок сказал:

— Не будет тебе удачи!

Так оно и вышло. Вернулся умный сын ни с чем. Другой умный сын сказал, что он уж наверняка королеву добудет. Но и ему не было удачи, как и старшему.

Вот и третий — самый глупый сын — говорит:

— Коли большаки ходили, пойду и я, авось, почастливится.

— Куда ты суешься, когда и умным не было удачи!

Не послушался он, пошел к королю. Повстречал и он старичка-нищего, честь-честью поклонился, шапку снял, поздоровался. Поблагодарил его старичок и расспросил, куда он идет. Младший сын все начистоту рассказал, ничего не утаил. Дал ему нищий свисток и сказал:

— Пошлют тебя нынче сотню зайчат пасти, тогда только свистни, они все к тебе и сбегутся.

Как нищий сказал, так и вышло. Приходит дурачок к королю и первым делом спрашивает:

— Где твоя дочка-то? Хочу поглядеть на нее, может, понравится.

А как увидел, говорит:

— Понравилась, ради нее берусь все три дела сделать.

В первый день король дал ему пасти сотню зайчат. Вынес он их в поле и отпустил, они и разбежались во все стороны — след простыл. Вот и захотелось дурачку увериться, послушаются ли они его. Только свистнул, а зайчата — тут как тут; пересчитал — ни один не пропал.

— Ну, теперь разбегайтесь, паситесь, а когда понадобится, я свистну, — приказал он зайчатам.

Кто-то увидал это и доложил королю. А тот подослал свою королеву, чтобы она выклячила у пастуха одного зайчонка. Нарядилась она старой бабой, приплелась к нему и спрашивает, не уступит ли ей одного-единственного зайчонка: приспела такая надобность. Дурачок отвечает:

— Ни продать, ни подарить не могу — не мои они.

А старуха не отстает — все упрасивает:

— Хоть одного бы дал!

Догадался дурачок, кто она такая, и сказал, что,

пожалуй, и даст зайчонка, коли она его крепко поцелует. Спорила-спорила старуха, да видит, что иначе дело не пойдет — чмок! — и поцеловала. Сунула зайчонка в корзинку и домой отправилась, а сама радуется, думает, дурачка вокруг пальца обвела. Подождал он, покуда она близко к дому подошла, вытащил свисток и свистнул. Только свистнул, а зайчонок — тук в крышку, прыг из корзинки и стрелой к пастуху. Королевна стоит, глазами хлопает — пропал зайчик!

Вечером пригнал дурачок свое стадо и сдал королю всю сотню зайчат. Велел ему король наутро явиться. И опять по дороге во дворец встретил он старичка-нищего, и дал ему тот трубу, коней сзывать. А в этот день велел ему король сотню лошадей пасти, а вечером всех в конюшню загнать. Пустил их дурачок в поле, они разбежались во все стороны, — и не соберешь. Через часок попробовал дурачок созвать их, только затрубил — сбежались все кони и стали вокруг него. Опять послал было король королевну коня выпрашивать, да она не пошла, сказала, что коней боится, лягут еще, пускай сам идет. Перерядился король, что узнать его нельзя было, сел на осла, приехал к дурачку на выгон и спрашивает, не продаст ли коня.

— Продажных у меня нет, — отвечает дурачок.

— А в долг не дашь?

— Тоже нет.

— И подарить не можешь?

— Ладно уж, одного подарю, только ты сперва у своего осла хвост подними да поддержи так.

Король и так и этак крутил носом — ничего не помогло, пришлось хвост у осла поддержать, а то бы коня не добыл. А как получил, уселся на него и, вернувшись домой, в конюшне запер. Сам радуется, думает: «Ну, нынче я его облапошил, одного коня вечером не достанет». А дурачок, не зная, что король давно дома и конь с час как в конюшне стоит, взял и затрубил. Услыхал конь трубу, как ударится о дверь — она — трах! — и слетела с петель, а король услышал грохот, подскочил к окну, да только кончик хвоста успел увидеть. Вечером дурачок пригнал всех коней и запер в конюшню.

На третий день приказал ему король мешок враками набивать, покуда он сам не скажет «завязывай». Дурачок голову в мешок засунул и пошел врать, пошел всякую чепу-

ху нести. А мешок все пустой и пустой — вранье ведь не мякина.

Вздумал тогда дурачок мешок правдой наполнить и начал рассказывать про то, как он зайцев пас, как королева пришла покупать их, а он не дал, покуда она не поцеловала его. Король до упаду смеялся над неудачей королевны. Потом дурачок стал рассказывать, как он коней пас и как сам король за конем пришел, а он не дал, покуда тот ослиный....

— Да завязывай мешок-то, уж верхом полон! — кричит король.

Так дурачок и получил в жены королевну.

Ж

ТРИ ЗЕРНЫШКА

ил один парень, по имени Юргис. Нанялся он целый год батрачить, а хозяин и спрашивает его.

— Сколько просишь?

Юргис отвечает:

— Столько, сколько мне за год в ухо попадет. Хозяин согласился.

Кончился год, а Юргису всего лишь три зернышка в ухо попало: один раз, когда рожь возили, закатилось ржаное зерно, другой раз, когда пшеницу возили, закатилось пшеничное зерно, а в третий раз — ячменное зерно. Завязал Юргис эти зернышки в платочек, распрощался с хозяином и пошел бродить по свету.

Шел весь день, покуда не стемнело. Вечером зашел к одному мужику ночлега просить. Как впустили его, подал он свои три зернышка хозяину и говорит:

— Спрячь, тут все мое жалованье за целый год.

Взял хозяин узелок, понес его спрятать, да вздумал сперва посмотреть, каково это жалованье. Развязал узелок, а зерна — возьми и рассыпья. Подскочил тут петух и все склевал...

Встал утром Юргис, собрался дальше идти и просит свой узелок. А хозяин говорит:

— Прости меня, любезный, вчера не утерпел я, развязал узелок. Высыпалось оттуда несколько зернышек, а петух подскочил и склевал.

— Нет, — сказал Юргис, — я тебя не могу простить, это было все мое годовое жалованье. А коли петух склевал, отдай мне этого петуха.

Отдал хозяин петуха, и Юргис ушел.

Следующим вечером Юргис остановился на ночлег у другого хозяина и попросил его приглядеть за петухом. Хозяин отнес петуха к гусям и сказал: «Поклюет петушок ячменя, а ночь просидит на краю корыта».

Поднялся утром Юргис, собрался идти дальше и просит отдать ему петуха. Пошел хозяин за петухом и видит — защипали его гуси. Идет к Юргису, просит у него прощения.

— Нет, — говорит Юргис, — не могу простить, то было мое жалованье за целый год. Не вводи меня в убыток, отдай за этого петуха гуся.

Хозяин не стал спорить, отдал гуся.

Юргис отправился дальше, и вот опять настал вечер. Опять он зашел на ночлег и попросил хозяина устроить на ночь его гуся.

— Ладно, — сказал хозяин, — места у меня нет, а вот в хлеву стоит барашек, к нему и посажу гуся. Барашку даем овса, поклюет с ним и твой гусь.

Поднялся утром Юргис, собрался идти дальше и просит отдать ему гуся. Пошел хозяин в хлев, только глядь — гусь

убит и затоптан в землю. Юргис и говорит:

— Не допусти же, чтобы все мое годовое жалованье пошло прахом. Отдай мне за гуся барашка.

Хозяин не стал спорить, отдал. А барашек этот был особенный — приносил счастье.

Юргис привязал барашку к рожкам веревочку и повел. В это время девки на речке рубахи стирали. Увидели они барашка, подбежали к нему и говорят: «Какой славный барашек! Хоть шерстки у него надергаем!» Но только дотронулись до барашка, и не могут от него оторваться, идут следом.

Идут они селом. Увидала хозяйка, что девки ее бредут за парнем и бараном, и принялась браниться, а потом обозлилась, кинулась отгонять их. Подбежала, хлоп одну девушку по спине, — и не может отнять руку, должна идти следом. Увидал тут хозяин, что его жена с девками идет за парнем с бараном.

— Это ли не дуры! — закричал он и кинулся отгонять их. Но только схватил жену за руку, тут же прилип и пошел следом. Идут они, идут, а навстречу им купец. Здоровается он с хозяином и просит что-нибудь продать. Но только подал хозяину руку, так и сам поплелся следом. Пошли они дальше и повстречали проезжего цыгана.

— Здравствуйте, здравствуйте, — кричит цыган издали, — куда такого славного барашка ведете?

Подошел поближе погладить барашка, да рука прилипла, и пришлось ему идти следом со всем своим семейством.

А Юргису хоть бы что. Ведет своего барашка, а следом — куча девок, мужик с женой, купец с мешком товаров плетется и цыган с повозкой и всей семьей тащится.

Пришел Юргис в город, и вся орава за ним. Увидали горожане такое диво, кинулись глядеть, и многие тут же прилипли, не могут оторваться. Собралась огромная толпа людей, и Юргис разгуливает с ними по улицам.

А в городе этом жил король, была у него дочь. Всегда-то она была печальная, никто не мог ее развеселить. Крепко сокрушался король из-за любимой дочери и однажды объявил он: «Коли сыщется такой человек, который рассмешит мою дочь, отдам ему полкоролевства и дочь за него выдам».

А тут, как по заказу, идет через королевский двор Юргис, со своим барашком и толпой людей. Люди эти толка-

ются, сердятся, а все идут за барашком. Королевна в это время сидела у окна. Увидала она такое диво и начала весело смеяться да так расхохоталась, что весь дворец зазвенел.

Услыхал король ее смех, пришел поглядеть в окно, — и сам принялся хохотать.

Обрадовался тут король и велел позвать Юргиса. А как только Юргис узнал, что король тотчас исполнит свое обещание, вышел он и отпустил людей. Сказал только: «Барашек, отпусти». И в тот же миг каждый пошел, куда хотел.

А Юргис получил полкоролевства, женился на королевне и зажил счастливо.

КТО УГАДАЕТ?

Б

ыло у одного короля три сына. Вот состарился он и передал королевство старшему сыну. С чего же тот начал, как получил королевство? Жениться задумал. Да еще никого не захотел выбрать, кроме воспитанницы своего отца. А она

была из простых. Король не позволяет — велит взять в жены девицу из королевского рода. А сын другой невесты не желает. Тогда король отдал престол среднему сыну. Этот тоже захотел жениться на воспитаннице отца, — другой не берет. Отдал король престол младшему сыну. И этот собирается жениться на воспитаннице.

Рассердился король на сыновей — не отдает престола ни тому, ни другому, ни третьему.

Прошло немного времени, и видит король — не вмоготу уж ему управлять королевством. Тогда решил он отдать трон тому сыну, который покажет, что он всех умнее и послушней.

Послал король старшего сына добыть ему такую диковину, какой еще не бывало в королевстве. Через несколько дней после его отъезда послал другого, а за ним таким же манером и третьего. Братья друг другу не сказали, зачем они едут. Каждый думал, что отец его одного посылает.

Приехал старший в чужую страну и видит — несет человек диковинную трубу. Он и подумал: «А есть ли в отцовом королевстве такая труба?» Спрашивает прохожего

— На что годится такая труба?

— Вот на что. Коли захочешь увидеть какой-нибудь город и что в нем делается — в нее все видно, как на ладони.

Взял королевич и купил эту трубу.

Другой сын повстречал в чужой стране человека, который нес диковинный ковер. И спросил он прохожего:

— На что годится этот ковер?

— Вот как захочешь улететь в далекие края, встань на этот ковер, и твое желание тут же исполнится.

Купил королевич коврик, а сам думает: «В отцовом королевстве таких диковин еще не бывало».

Третий сын повстречал в чужом краю прохожего, у которого было большое-пребольшое душистое яблоко. Говорит он прохожему:

— Продай мне это яблоко, я им закушу.

— Полно тебе, — говорит прохожий. — Как можно съесть такое чудесное яблоко?

— Так скажи, любезный, что в нем чудесного?

— Вот как будет какой-нибудь человек при смерти, а болезнь у него не смертельная, положу я на него это яблоко, он тотчас и выздоровеет. А, коли захворает кто и смертель-

ной болезнью, положу я на него это яблоко, будет он здоров до самой смерти. Когда же придет его смертный час, он сразу заснет сладким сном.

Взял королевич и купил это яблоко.

Поехали королевичи домой и съехались все в одном месте.

Спрашивают друг друга:

— Где ты был?

— Там-то и там-то...

— А где ты был?

— Там-то и там-то...

Спрашивают старшего младшие:

— На что годится твоя труба?

Отвечает он:

— Вот захочу увидеть сейчас какой-нибудь город и что в нем делается — все в нее и увижу... А у вас что за диковины?

— Как захочу я попасть в самое дальнее место — ковер этот мигом доставит меня туда.

— Когда кто-нибудь будет помирать, положу я это яблоко на больного, и тотчас выздоровеет он, коли болезнь его не смертельная. А коли смертельная, положу на него это яблоко, и будет он здоров до последнего своего часа. Когда же придет его смертный час, он сразу заснет сладким сном.

Узнали королевичи волшебную силу диковинных находок и решили испытать их. Взяли трубу, посмотрели в нее и увидели свой дом. Увидели, что лежит их девица при смерти. Сели они все на ковер, и в тот же миг очутились дома. Положили на девицу яблоко, и она тут же выздоровела.

Теперь кто угадает, который из королевичей достоин королевства, тот и будет всех умнее.

Сам-то я никак не угадаю.

ТРИ БРАТА

Было у одного человека три сына. Состарился он и решил одному из них хозяйство оставить. А на него все трое зарились. Как тут быть? Велел тогда отец всем троим уйти из дому, наняться на год в услужение и принести домой по перстню.

— Чей перстень краше всех будет, тому и владеть усадьбой.

Пошли сыновья наниматься. Шли они напрямик через лес, а меньшой брат свернул на тропинку. Дорогой увидал он голубя. Голубь и спрашивает:

— Далеко ли идешь?

— Иду службу искать, да такую, чтобы через год за нее перстень получить, лучше которого на свете нет.

— Коли пойдешь за мной, приведу я тебя в одно место, там ты получишь перстень, лучше которого и на свете нет, — сказал голубь и привел его в темную пещеру. В пещере стояли хоромы, и было в них ни светло ни темно, а кругом ни души, только клетка на окне висела, а в клетке уж.

— Кто тебя сюда привел? — спрашивает уж.

Отвечает ему меньшой сын:

— Встретил я голубя, он и спрашивает меня: «Чего

ищешь?» — «Службу», — говорю. Вот он и привел меня сюда.

— Что ж, послужишь у меня год, тогда что захочешь, то и получишь. А работа у тебя такая будет: раз в день печку вытопишь, раз в день хоромы подметешь и раз в день меня в теплой воде выкупаешь. Есть будешь в другой горнице, там всегда будет для тебя стол накрыт.

И стал меньшей сын делать все, что приказал уж: раз в день печку топил, раз в день хоромы подметает, раз в день в теплой воде ужа купает.

Кончился год, и попросил меньшей сын за свою службу перстень, краше которого на свете нет. Велел ему уж сундук отпереть и взять оттуда перстень, что больше всех по душе придется. Взял меньшей сын ключ, открыл сундук, а в нем каких только перстней нет! Выбрал он один, вернул ужу ключ и собрался было домой. Тут стал просить его уж и на другой год к нему вернуться.

— Коли отпустит отец, так вернусь, — пообещал меньшей сын.

Пошел он домой. Идет лесом и видит — старая колесная шина валяется. Надел ее на руку и побрел дальше. Только подошел к тому месту, где с братьями расстался, и они домой ворочаются. Стали его старшие братья расспрашивать:

— Братец, где же твой перстень?

— Или не видите — на руке! — отвечает меньшей.

Глумятся над ним старшие братья, пошучивают:

— Как тебе удалось за год такой перстень заработать?

Пришли домой. Старшие братья тут же свои перстни на стол выложили, за ними и младший свой перстень достал. Всех краше, всех драгоценнее этот перстень был.

— Тебе, меньшей мой сын, и оставляю все хозяйство. Трудись и ты, как я трудился.

Только сыновья старшие не согласились уступить ему все добро. Говорят они отцу:

— Как можно все хозяйство ему оставить? Мы за тобой больше ухаживали, мы больше работали; а ты нам ничего не оставляешь.

Тогда велел им отец опять наняться на службу и через год принести по платку.

— Чей платок лучше всех будет, тому и быть хозяином.

Пошли сыновья службу искать. Старшие своей дорогой идут, а младший прямо к ужу отправляется. Пришел он и спрашивает:

— Дашь мне такой платок за год службы?

— Дам, — отвечает уж. — Дело свое ты знаешь, только теперь тебе вдвое больше работы будет: два раза в день печку топить, два раза хоромы подметать, два раза меня в теплой воде купать. Есть будешь, что только хочешь, в той же горнице всегда для тебя стол накрыт.

Так и живет меньшой сын. Делает свое дело и горя не знает, а пьет-ест, что только душа пожелает. Вот и год прошел, стал он просить расчет. Уж опять ему ключ дает.

— Ступай, — говорит, — отопри сундук и любой платок бери.

Открыл меньшой сын сундук и выбрал себе платок. Стал он в путь-дорогу собираться, а уж и говорит:

— Вернись ко мне, любезный, и на третий год. А когда дойдешь до того места, где с братьями расстался, спрячь платок в горсти. Иначе они отнимут его, а тебя самого убьют.

Так он и сделал. Только подошел к тому месту, как братьев повстречал. Спрашивают они:

— Где же твой платок?

— Или не видите — на шею повязал.

Не поверили ему старшие братья.

— Ты уж раз обманул нас, — и принялись его обыскивать.

Ничего не нашли и обрадовались, думают, теперь хозяйство им достанется. Пришли домой, выкладывают свои платки. А когда меньшой сын свой платок показал, отец сразу объявил свое решение:

— Отдаю хозяйство меньшому, его платок всех краше.

Опять старшие сыновья с отцом заспорили, не уступают, да и только. Приказал им отец на третий год в услужение наняться и невест себе привести. Чья невеста будет всех милей, тому и владеть хозяйством.

Так пошли братья в третий раз службу искать и на том же месте разошлись в разные стороны. Старшие прежней дорогой ушли, а младший прямехонько к ужу отправился. Говорит ему уж:

— Вот и хорошо, что ты вернулся: чего ни пожелаешь, все получишь.

— За свою службу я невесту хочу, лучше которой и на свете нет.

— Будет тебе и невеста, — говорит уж. — Только на тре-

тий год тебе потруднее придется, — работы у тебя будет втрое больше: три раза в день печку топить, три раза палаты подметать, три раза меня в теплой воде купать. А в последний день хорошенько печку натопишь, как выкупаешь меня, прямо в печку и кинешь, а сам убегай подальше, — больно жалобно кричать я буду. Побоишься исполнить это — сам погибнешь со мной вместе. Не побоишься — и сам счастливым станешь и меня осчастливишь.

Целый год прослужил меньшей сын, старался исполнять все, как ему было велено. А как кончился срок службы, в последний раз натопил он жарко печку, выкупал ужа и кинул его в огонь, а сам побежал было прочь, да упал, до того жалобно кричал уж. Очнулся он. Видит, стоит перед ним красавица, а вокруг люди толпятся.

— Погляди, сколько ты людей спас, а я и есть тот уж, которого ты в теплой воде купал. Коли хочешь, возьми меня в жены.

Тут же и свадьбу сыграли. Девица сирота была: ни у нее матери, ни отца, ни братьев. А люди эти ее дворовые были.

— После свадьбы, — говорит муж, — поедем моих родных навестить.

Отправились они к отцу, а когда доехали до того места, где меньшей сын с братьями встречался, тут же их увидели. Старшие братья живо шапки долой. Как же — в карете восьмериком с лакеями на запятках господ едут.

Пошли они следом за каретой — глядь, карета на отцовский двор заворачивает.

Побежали братья на господ посмотреть, любопытно им узнать, зачем пожаловали. А когда барин в избу зашел, отец крепко испугался, увидев такое диво.

— Не узнаешь меня? — спрашивает барин.

— Не узнаю, ваша милость, — отвечает отец. — В первый раз вижу.

Тут велит меньшей сын всех домашних созвать. «Неужто, думает, никто меня не узнает». Явились и старшие братья. Только никто его не узнал.

Он и говорит:

— Я твой родной сын, батюшка. Погляди на мою невесту — хороша ли? Отдашь теперь мне хозяйство?

— Отдаю, сынок, быть тебе хозяином.

— А вы мне уступаете? — спрашивает братьев.

— Воля твоя, — отвечают те.

Тогда говорит меньшей отцу:

— Поедем со мной, батюшка, будешь жить у меня до самой смерти. А хозяйство старшим братьям оставь.

Взял он отца, повез в свое поместье. А старшие так и не могли хозяйство поделить, чего доброго, по сей день спорят.

УЧЕНИК ВОЛШЕБНИКА

Один богатый человек отвез своего сына в дальнюю страну на выучку к знаменитому волшебнику.

И говорит волшебник ему:

— Ладно, приму я твоего сына и буду учить его три года. Покуда буду его учить, не придется вам свидеться. Когда же приедешь за ним, должен ты узнать своего сына, а не узнаешь, останется он у меня.

Прошло три года, и поехал отец за сыном. Доехал он

до владений волшебника и повстречал пастуха, который пас при дороге стадо. Отец ласково побеседовал с ним, сыром его попотчевал, а пастух и спрашивает:

— Не за сыном ли приехал?

Не знал отец, сказать ли ему правду, а пастух опять говорит:

— Ты меня не бойся. Не за сыном ли приехал, спрашиваю? Только не узнаешь его, как и другие отцы не узнали своих сыновей.

Испугался отец, стал у пастуха просить совета, как ему быть. Пастух и научил его:

— Твой сын здесь, в моем стаде. Прикажет тебе волшебник узнать его. Пригоню я быков, и начнут они бодаться. А один бык отойдет в сторону — это и будет твой сын. Потом волшебник покажет тебе лохань с рыбами. Одна щука выплеснется на край лохани — это и будет твой сын. И еще покажет тебе волшебник стаю голубей. Тот голубь, что сядет на печку, — и будет твой сын.

— Спасибо на добром слове, — сказал отец и поехал в усадьбу волшебника.

— Хорошо, что приехал, — сказал ему волшебник. — Теперь расплатись со мной за науку и постарайся узнать сына. Только помни: коли не узнаешь, он у меня останется.

Повел волшебник отца в поле, пастух пригнал стадо быков. Замычали быки и начали бодаться, а один бычок отошел в сторонку.

— Который твой сын? — спрашивает волшебник.

— Тот, что отошел в сторонку, — отвечает отец.

— Угадал, — говорит волшебник.

И повел он отца в горницу, где стояла большая лохань с живыми рыбами.

Рыбы резвились в воде, а одна выплеснулась на самый край лохани.

— Узнаешь своего сына? — спросил волшебник.

— А вот та щука, что выплеснулась на край, — отвечает отец.

— Да, это твой сын.

Тут волшебник привел отца в другую горницу, а там голуби летают. Один голубок сел на печку.

— Который же твой сын? — спросил волшебник.

— Да тот, что на печку сел.

— Да, это твой сын, — говорит волшебник. Тогда голубь

спорхнул на пол и обернулся добрым молодцем.

— Теперь он твой, — сказал волшебник и отдал сына отцу.

Поблагодарил отец волшебника и поехал с сыном во-свояси. Едут они берегом моря, а над головой черный ворон каркает.

— Что говорит черный ворон? — спрашивает отец.

— Говорит ворон, что отец еще в ноги сыну поклонит-ся, — отвечает сын.

— Вот чему ты научился у волшебника! Лучше уж ли-шиться сына, чем такие обидные слова слушать, — сказал старик и столкнул сына в море. Только сын упал в воду, тот-час проглотила его огромная рыба. В брюхе у нее увидел он двух рыбаков с челном. Тут же познакомились они и по-дружились. И вот захотелось им поесть. Разрубили они лод-ку, развели костер, вырезали из рыбьего брюха кусок мяса и зажарили. Рыба тут же сдохла и наверх всплыла, а волны выбросили ее на берег. Ученик волшебника и рыба-ки вылезли из рыбы и разошлись в разные стороны.

Вскоре нагнал ученик волшебника разодетого барича на кровных рысаках. Барич внимательно поглядел на ученика волшебника и спрашивает:

— Куда путь держишь, добрый молодец?

— Иду, сам не знаю куда, — отвечает тот, — авось, удаст-ся к кому-нибудь на службу наняться.

— Садись, подвезу, — говорит барич.

Сел к нему ученик волшебника. Рассказали оба, кто они такие. Барич оказался княжичем, и ехал он свататься к королевской дочери. Вот княжич и говорит ученику вол-шебника:

— Коли нет у тебя другого дела, иди ко мне на службу.

Тот согласился, и княжич со своим новым слугой поехал к королю. Отобедал король с князем и повел его гулять по саду. А в саду был цветник, огороженный частоколом, и на каждом колу торчала человеческая голова. Только один кол был без головы.

— Отчего на этом колу нет головы? — спрашивает кня-жич.

— Скоро и на нем голова будет, — отвечает король. — Загадаю я тебе четыре загадки. Разгадаешь их, — выдам за тебя дочь, а не разгадаешь — очутится твоя голова на этом колу.

Испугался княжич и все рассказал слуге, а слуга утешает его:

— Не тужи, — говорит, — дай мне свое платье, и я загадаю за тебя королевские загадки.

В назначенное время переодетый слуга явился к королю. Король его не узнал и сказал:

— Пойдем в сад, там и разгадывай мои загадки.

Идут они по саду, и там подбежала к ним коза с двумя козлятами.

— Вот моя первая загадка, — говорит король.

Слуга поглядел-поглядел на них, вдруг, откуда ни возьмись, выскочил волк и разорвал козу с козлятами.

— Да ты молодец! — похвалил гостя король. — Разгадал мою загадку.

Идут они дальше, а навстречу — курица с двумя цыплятами.

— Вот моя другая загадка! — говорит король.

Слуга поглядел-поглядел на них, вдруг, откуда ни возьмись, прилетел сокол и закогтил курицу с цыплятами.

— Да ты молодец! — похвалил гостя король. — Разгадал обе загадки, а две последние я тебе загадаю завтра.

Вернулся слуга к княжичу и говорит:

— Две загадки я разгадал, а две король на завтра оставил, да ты их и сам разгадаешь. Дай мне денег, куплю я тебе соловья и жаворонка. А как пойдешь завтра к королю, выпусти птиц в горнице, — он про них и загадал.

Купил слуга соловья и жаворонка, а на другой день явился княжич к королю и выпустил птиц в горнице.

— Молодец! — хвалит его король, — раз ты все мои загадки разгадал, отдаю тебе свою дочь.

Вот женился княжич на королевне и повез ее в свое княжество. Остановились молодые на ночь в гостинице, а слуга возле лошадей в хлеву лег. Прилетели в полночь две птицы, сели на крышу и завели между собой разговор, а слуга спать не спит — слушает. Одна птица и говорит другой:

— Поженились княжич с королевной, хорошо им бы жить да радоваться. Только жалко, проживут они недолго.

— Отчего недолго? — спрашивает другая птица.

Отвечает первая:

— У молодого не родная мать, а мачеха. И не хочет

она, чтобы пасынок невестку домой привез. Вот она и задумала от пасынка и от невестки избавиться. Как приедут молодые, встретят их честь по чести старый князь с княгиней. Поднесет княгиня молодым отравленное вино. Выпьют они по чарочке и упадут замертво. А коли живы останутся, пошлет их княгиня кататься на необъезженных конях. Испугаются кони и разобьют молодых. А коли и тут живы останутся, и в третий раз постарается погубить их княгиня. Постелят молодым в опочивальне, а в подвале под ней голодный змей привязан. Только уснут молодые, змея выпустят, он и проглотит их вместе с постелью. А кто нашу беседу подслушает и молодых остережет, тот в камень превратится.

И порешил слуга спасти молодого хозяина. Приехали молодые домой. Повстречал их старый князь с княгиней. Поднесла она им вино, а слуга, будто ненароком, выбил из ее рук поднос с чарками, и вино разлилось.

— Какой неотесанный, — заворчали придворные, только молодой князь ничего не сказал.

После обеда приказала старая княгиня запрячь лошадей и покатать новобрачных, чтобы молодая поглядела на княжеские владения. Но только подали лошадей, как слуга молодого князя отрубил им головы.

Все разгневались, один молодой князь не упрекнул слугу.

Вечером отвели молодых в опочивальню, и слуга встал с мечом на стражу, а старая княгиня исподтишка следила за ним. Как выпустили змея, слуга изрубил его на куски и побросал эти куски в подвал, будто ничего и не было. Вот только брызнула одна капля змеиной крови на лицо молодой. Подбежал к ней слуга, хотел стереть платочком эту каплю, а из другой горницы старая княгиня как закричит:

— Эй, люди! Подлый слуга хочет зарубить мою невестку! Схватили слугу и присудили к казни.

На месте казни он взял и рассказал все, как было. Только кончил говорить — в камень превратился. Молодой князь горько оплакивал верного слугу, а камень этот поставил на почетном месте.

Прошел год, и родился у молодых сын. Однажды приснилось им во сне, что если помазать камень кровью новорожденного, опять он в человека превратится. Князь уколол пальчик младенца, и капелька крови упала на камень. Тотчас камень обернулся человеком. Отблагодарил

князь верного слугу, пожаловал его именем. Разбогател ученик волшебника.

Однажды вечером пришли к нему в имение нищие — старик со старухой, ночевать попросились. А это были его родители. Ученик волшебника тотчас узнал их, принял с почетом, уложил спать в своих покоях. Мало того: пригласил остаться у него навсегда. Старик пал ему в ноги, обнял колени, а старушка со слезами сказала:

— Все мы прожили. И работать сил уж нет, и кормиться не на что. Был у нас единственный сын, и того муж в море утопил. Только погубил он сына, и посыпались на нас беды. Вот и приходится теперь нищенствовать.

— Да я ваш сын, — говорит ученик волшебника.

Дивятся старики, глядят на него и глазам своим не верят.

— Да, я ваш сын, — говорит опять ученик волшебника. — Что скажешь, отец, разве неправду накаркал тогда черный ворон?

Тут только узнал отец своего сына и кинулся его обнимать.

СКАЗКА КОРОЛЕВИЧА

Жил когда-то король, и был у него единственный сын. Когда пришла пора отдать его в учение, король спрашивает:

— Кем хочешь стать: ксендзом ли, воином, или будешь покоить меня на старости лет?

Отвечает королевич:

— Хочу белый свет поглядеть.

Король не стал противиться, отпустил сына. Опоясался королевич мечом, поблагодарил отца за ласку и отправился в путь.

Идет он, идет и видит: лев, заяц, голубь, скворец и муравей затеяли спор из-за падали. Просят они королевича разделить между ними добычу. Вынул королевич меч из

ножон и разрубил падаль на куски так, чтобы каждому своя доля досталась: льву — больше всех, зайцу — поменьше, голубю — еще меньше, скворцу — и того меньше, а муравью и вовсе крошку. Идет королевич дальше, радуется, что от погибели избавился: он ведь все думал, растерзает его лев.

А звери между собой беседуют:

— Человек нам великую милость оказал, а мы его и не отблагодарили.

Сговорились догнать его и отблагодарить. Побежали они все, полетели, только горемыка-муравей попросил зайца, чтобы он его на хвосте понес. Сжалился над ним заяц. А кабы не донес он, обещали пособить остальные.

Вот летят голубь со скворцом, лев с зайцем бегут, а муравей на заячьем хвосте трюх-трюх-трюх. Испугался королевич, завидев птиц и зверей, со страха шага ступить не может. «Конец мне пришел, — думает. — Должно быть, за мной гонятся, несправедливо я добычу разделил».

Первым подошел к королевичу лев и стал его благодарить:

— Я сильнее всех зверей, а ты, когда понадобится, в двенадцать раз сильнее меня станешь.

Подлетел голубь и воркует:

— Я летаю быстрее всех птиц, а ты, когда понадобится, в двенадцать раз быстрее меня полетишь.

А скворец щебечет:

— Хорош я собой и пою хорошо, а ты, когда понадобится, в двенадцать раз краше меня станешь, в двенадцать раз лучше запоешь.

Муравей такими словами благодарит королевича:

— Я — малая букашка, а ты, когда понадобится, в двенадцать раз меньше меня станешь.

Сказали это и распрощались.

Идет королевич и сам думает: «Вот бы мне зайцем стать». Только подумал, тут же обернулся зайцем и побежал так быстро, что в несколько часов целое королевство обежал. А неподалеку от столицы, в королевском саду, обернулся он скворцом и запел, да так звонко, что все кругом зазвенело.

А у тамошнего короля было три дочери. Всем они походили друг на дружку — и лицом, и ростом, и платьях одинаковые носили. Придворные, и те не могли различить их. Услыхали королевны дивное пение и побежали в сад

поглядеть, что это за птица поет: ведь никогда еще не слышали они такого сладкого голоса. А в саду невиданная птица летает. Захотели королевны поймать ее, ловят и переговариваются:

— Я старшая,— молвит первая,— мне она и достанется.

— Я средняя,— молвит другая,— мне и поймать ее.

— Я меньшая, отцова любимица, я и поймаю птицу,— твердит третья.

А королевич слышит это и думает: «Ладно, коли ты отцова любимица, я тебе сам дамся в руки». Младшей и поддался.

Поймала его младшая королевна, обрадовалась, понесла во дворец, посадила в клетку, дорогими яствами кормит — виноградом, сахаром. А королевич лакомится сладостями и знай распевает.

В полночь, когда все стихло, обернулся он муравьем, вылез из клетки, опять стал скворцом, спорхнул на пол и тут обернулся добрым молодцем. Подняла глаза королевна, увидела человека, испугалась и закричала не своим голосом. Король был в соседней палате, услышал он ее, страх как испугался. Все кругом забегали, зашумели, а королевич, поднявший такой шум, опять обернулся скворцом и вернулся в клетку.

Разгневался король и пригрозил казнью тому, кто в другой раз такой переполох учинит! А скворушка сидит в своей клетке и слышит, что отец дочери говорит. Вот он и в другой раз выбрался из клетки и снова обернулся добрым молодцем. Королевна хоть и видит его, да молчит: по сердцу пришелся ей красавец, верно, ничего худого не замышляет.

А королевич сам заговорил с ней:

— Не бойся, я та самая птица, которую ты поймала в саду.

Тут он рассказал королевне, кто он такой и про свои странствия. Похвалился своим умением оборачиваться то львом, то зайцем, то голубем, то скворцом, а то и муравьем.

Заслушалась королевна его речей и сказала, что желает она пойти за него замуж. Только, дескать, король издал такой указ: кто угадает, которая из дочерей младшая, которая старшая и которая средняя, тот получит в жены любую из них и полкоролевства в придачу.

— Когда выведут нас на смотрины,— говорит королев-

на, — погляди, что у каждой в руке. У меня будет белый лоскуток, у старшей — голубой, а у средней — желтый. Ты и скажи королю: эта старшая, эта средняя, а эта — младшая.

Порешил королевич обернуться голубем и улететь из дворца, а когда рассветет — явиться к королю.

Вот приходит он к королю — пригожий, разряженный. Беседуют они о том, о сем, король и помяни про свой указ: мол, выдаст он дочь только за того, кто угадает, которая из его дочерей младшая, которая старшая, которая средняя. Королевич взялся разгадать.

Устроили смотрины. Королевич сразу сказал: эта старшая, эта средняя, а эта младшая — его нареченная. Их тут же и обвенчали.

После свадьбы увидела королевна на руке у мужа перстень с золотыми буквами и стала просить королевича, чтобы подарил ей перстенок этот — очень он ей понравился.

— Знай, моя ненаглядная, — говорит королевич, — этот перстень никому не отдам: стоит мне лишиться его, и русалка затянет меня на дно.

Но вот однажды стал умыться королевич, положил перстень на окошко и позабыл про него. Вышел он на берег, а русалка тут как тут, поманила его и завлекла на дно морское.

Жена королевича нашла на окошке перстень, а мужа так и не дождалась. Поняла она, что тому причиной. Жалко ей стало королевича, и задумала она хитростью спасти его. Выковала яблоко светлее звезды и пошла утром к морю. Подняла яблоко к солнцу, заблестело оно и осветило глубину морскую. Тотчас вынырнула у самого берега русалка и просит:

— Дай нам с королевичем полюбоваться твоим светилом.

— Покажи мне сперва королевича, коли жив он, — отвечает королевна.

Показала его русалка, а королевна опять просит:

— Хочу и ноги его увидеть.

Только русалка подняла его над водой, королевич тотчас обернулся голубем — порх! — и был таков.

Говорит тогда русалка:

— В наказание за твою хитрость, за ловкость королевича, станут у тебя изо рта искры сыпаться, а спасет тебя лишь только тот, кто в двенадцать раз сильнее льва, кто в двенадцать раз быстрее бегущего зайца и летящего голубя, кто в двенадцать раз краше скворца поет. Коль найдется такой

богатырь, отправится он в Яичную страну и найдет там за-
легшего внутри горы льва. Льву этому всякий день по двад-
цать овец пригоняют. Коли богатырь разорвет его, выскочит
из льва заяц, а когда разорвет зайца, вылетит голубь из него,
из голубя скворец, а из скворца выпадет серебряная пуля.
Если этой пулей зарядить ружье и выстрелить в тебя, коро-
левна, ты тотчас излечишься!

Королевич, не долго думая, обернулся голубем и в миг
очутился у короля Яичной страны. Стал он короля расспра-
шивать про льва, а король и говорит:

— Кто убьет его, тому тысячу золотых пожалую.

Королевич отвечает:

— Я убью его и никакого золота мне не надо.

Отправился королевич к горе, где было львиное логово.
Видит — пастух гонит овец лютому зверю, потому что ему
три раза в день овец на съедение давали. Королевич ничего
не велел давать ему. В первый день лев легонько колыхнул
гору, на другой день стал так трясти, что она треснула.
На третий день лев так потрянул гору, что вершина
покатилась вниз, а лев с рычанием выскочил изнутри. Коро-
левич тотчас обернулся львом и растерзал его. Из льва
выскочил заяц и пустился бежать. Королевич тоже обернул-
ся зайцем, догнал его и, обернувшись львом, разорвал. Из
зайца вылетел голубь. Догнал голубя — разорвал, вылетел из
него скворец. Когда королевич догнал и разорвал скворца,
выпала из него серебряная пуля. Взял ее королевич и вернул-
ся в свое королевство.

Пришел к жене и признать ее не может: изо рта у нее,
как из печки, искры сыплутся. Королевич зарядил ружье се-
ребряной пулей, выстрелил в жену, и она тотчас выздоро-
вела.

На радостях устроили во дворце пир горой. И я на том пи-
ру был. Какую там стрельбу подняли! Я тоже как трахну-ба-
бахну из голенища! Только выстрел мой еле слышен,
а коли уши завязать, и вовсе не слышать.

ВОЛШЕБНЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Д

авным-давно жила у моря бедная вдова. Был у нее сын да избушка, а в избушке только и добра, что камень. На том камне вдова с сыном и ели и спали. Мать по дому хлопотала, а сын в море рыбу ловил. Поймает за целый день две рыбки — вот и весь улов. Принесет мать хлеба, сварит две рыбки, тем и поужинают.

Однажды вечером несет сын домой улов, а навстречу ему старик со щенком. Спрашивает его сын:

— Куда, дедушка, щенка ведешь?

— Хочу в море утопить.

Жалко стало парню щенка, и говорит он:

— Не топи его, я тебе за него рыбок отдам.

— За такую-то дрянь! Бери хоть даром!

Отдал парень старику рыбок и привел щенка домой. Мать его спрашивает:

— Куда рыбу девал?

— На щенка променял.

Бранится мать: зачем щенка привел, когда и кормить его нечем. А потом говорит:

— Делать нечего, сынок, вырастим и щенка.

И по-прежнему сын круглый год рыбу ловил, и все по две рыбки в день. Мать хлеба принесет, рыбок сварит — и сами поедят, и собаку накормят.

Несет сын однажды вечером две рыбки, а навстречу ему старик с мешком.

— Что у тебя, дедушка, в мешке? — спрашивает его парень.

— Несу котенка в море топить.

Жалко стало парню котенка, и говорит он старику:

— Не топи его, я тебе за него рыбок дам.

— Да я эту дрянь даром отдам.

Отдал парень старику рыбок, принес котенка домой. Мать опять бранится — зачем котенка принес:

— Самим есть нечего, а чем его кормить?

Опять целый год сын рыбу ловит, мать по дому хлопочет. И сами сыты, и собаку с котенком кормят.

Однажды вечером идет сын домой. Видит — человек ужа палкой колотит. Парень спрашивает:

— Ты чего ужа колотишь?

— Поймал его, вот и хочу убить.

— Не убивай, я тебе за него рыбок отдам.

— На что тебе нечисть такая? Бери хоть даром.

Отдал ему парень рыбок, спрятал ужа за пазуху и домой пошел. Спрашивает его мать:

— Куда рыбу подевал?

— На ужа променял.

— Делать нечего, сынок, вырастим и ужа.

Наутро сын опять рыбу ловить идет, мать по дому хлопочет. Вечером сварила две рыбки, зовет к столу всю семью. Прибежали пес с котом, и уж из-под печки выполз. Дала мать всем по кусочку рыбы. После обеда вышла она из избы, а уж заполз в суму и говорит парню человеческим голосом:

— Какой тебе от меня прок? Отпусти меня лучше в лес.

Отнес парень ужа в лес и отпустил. Уполз уж в кусты и вернулся оттуда, а во рту у него старый перстень. Подает парню перстень и говорит:

— Чего ни пожелаешь, прикажи только перстню, и все исполнится.

Взял сын перстень, спасибо сказал и домой пошел. А уж в кусты уполз.

Пришел сын домой, и захотелось ему перстень испытать.

Повернул его на пальце и говорит:

— Перстень, перстень, пусть на этом камне всякая снедь появится!

Только сказал, глядь — на камне всяких яств полно. Уселся он, мать позвал, и стали они пировать. И сами едят, и пса с котом кормят. Как поели, вышел сын из избы, повернул перстень, и все как не бывало.

Неподалеку, на острове, жил король. И была у него дочка — писаная красавица. Наутро засылает парень свою мать свахой к королю. Усмехнулся король и говорит:

— Пускай сын твой за одну ночь построит дворец, еще лучше моего. Тогда отдам за него дочь.

Вернулась мать домой опечаленная. А сын повернул перстень, и появился дворец, да такой, что краше на всем свете не сыскать. И мост от него прямо к королевскому дворцу перекинут.

Просыпается утром король. Глядь — горит-сверкает перед ним прекрасный дворец.

Снова посылает парень мать к королю. А король все не хочет за него дочь отдавать. Приказывает, чтобы сам жених приехал — в такой же богатой карете, как королевская, и чтобы платье на нем было не хуже королевского и чтобы по обеим сторонам моста утром сады зацвели, а к вечеру яблоки поспели.

Все так и исполнилось, как приказал король. Королева по мосту гуляет, рвет и ест яблоки. Едет ей навстречу жених в богатом платье, в пышной карете шестеркой. Не только королевне понравился он, а и самому королю. Устроил король пир на весь мир, сыграл свадьбу, и молодые зажили припеваючи.

Только королю все узнать хотелось, откуда у его зятя такое богатство. Вот и подговорил он дочь, чтоб выведала все у мужа. Парень крепко любил жену и все ей рассказал. А ночью она сняла у него с пальца перстень и приказала, чтобы не стало мужнина дворца. Проснулся парень в своей старой избушке, лежит, как бывало, на старом камне. Заплакал он горько, а пес и кот говорят ему человеческими голосами:

— Не плачь. Ты нас пожалел, и мы тебе поможем.

Отправились пес и кот перстень искать. Дошли они до моря и вплавь пустились. Плыли-плыли, кот и устал. Посадила его пес к себе на спину, и переплыли они море.

А в королевском дворце от мышей покою не было. Вот и дозволил король коту по всем горницам мышей ловить. Кот ищет перстень, а пес за дверями дожидается. Только не находит кот перстня, и все тут. С горя как схватит он преогромную мышь, а это сама мышиная королева была. Запищала, просит отпустить ее. А кот и говорит:

— Скажешь, куда королевна перстень спрятала — отпущу.

— Знать ничего не знаю, — пищит мышиная королева.

— Так созови всех мышей, может, они видали.

Пискнула королева мышей, и сбежались все мыши. Спрашивает королева, не видал ли кто перстня. И тут же одна старая мышь сказала, что по ночам королевна перстень во рту держит.

Прибежала мышь в спальню, махнула хвостиком королевне по губам, та рот и раскрыла. Отпустил кот мышиную королеву на волю, сам перстень схватил, подбежал к дверям, давай мяукать, наружу проситься. Слуга услышал и выпустил его. Прибежал кот ко псу, сказал, что перстень нашел. Пустились они оба к морю. Опять пес кота на спине перевез, вернулись они домой и подают перстень хозяину. Обрадовался парень, приласкал пса с котом:

— Пусть опять будет у меня дворец, кони, карета, платье и вдоволь яств и вина.

Не успел и вымолвить это, как вырос перед ним дворец. Захватил он сладкого вина и поехал к жене. Королевна встретила его ласково, заплакала, стала просить прощения и рассказала, как отец заставил ее перстень украсть. Тогда парень посадил короля в бочку, забил ее и сбросил с башни в море. А сам счастливо зажил со своей женой, с верным котом и псом.

МЕДВЕЖЬЯ ИЗБУШКА

или старик со старухой, и была у них дочка.

Как мать померла, женился старик на другой, а у мачехи своя дочь была. Возненавидела мачеха сиротку и все подговаривала мужа завести ее в лес и оставить там. Не посмел старик послушаться мачехи и отвез дочку в лес. Набрели они в лесу на заброшенную избушку, старик и говорит:

— Ты тут побудь да не бойся, я стану в лесу дерево рубить, тебе слышно будет.

Привязал он доску к сосне, как подует ветер, она и стучит. А отец прямо домой поехал и не оглянулся.

Слышит девочка стук в лесу, она и думает, что отец дрова рубит. Ждет его, ждет, уж и вечер подошел, пора ужин варить. Развязала девочка мешок, что дала ей на дорогу мачеха, а там вместо муки зола насыпана. Развязала узелок с салом, а там головешка. Принялась она отца звать, вышла поглядеть. Глядь — а это к дереву доска привязана, от ветра хлопает. Пригорюнилась девочка. Ночь подходит, темно, страшно одной в лесу. Распахнула она двери избушки и кличет:

Кто в лесу,
Кто в бору,
Я того на пир зову.

А медведь из чаши откликается:

Я в лесу,
Я в бору,
Я на пир к тебе иду.

Подходит он к избушке и говорит:

Девочка, девочка, открой мне теперь
Хоть не рукой, так лучинкой дверь.

Сирота отворила дверь не лучинкой, а рукою и впустила медведя в избу.

Медведь и говорит:

— Девочка, девочка, свари кашу.

Девочка разожгла огонь, стала кашу варить. Прибежала мышка и тихонько просит:

— Девочка, девочка, зачерпни мне каши. Я еще тебе пригожусь.

Девочка зачерпнула каши, дала мышке.

Медведь услышал и спрашивает:

— Девочка, девочка, с кем ты говоришь?

Бродит ветер возле дома,
На стрехе шуршит солома.
Я про то и говорю.

Сварила девочка кашу, отведала — вкусная, хоть и из золы сварена. Поели они с медведем. Медведь и говорит:

— Девочка, девочка, постели мне постель. Снизу положи камни, на них поленья, а сверху жернов положи.

Девочка постелила постель, помогла медведю на печь влезть, только спать он не собирается — где там. Велит девочке взять ключи и бегать с ними по избушке. Тут мышка и говорит:

— Давай ключи мне, а сама залезай под печь.

Носится мышка по избе, ключами позванивает, а медведь кидает в нее камнями и спрашивает:

— Девочка, девочка, жива еще?

— Жива, — отвечает мышка и все носится по избе с ключами. Она маленькая, камни и поленья в нее не попадают. Пошвырял в нее медведь все поленья, все камни, а под конец — бух! — жернов сбросил.

— Девочка, девочка, жива еще?

— Жива.

Спустился медведь с печи и говорит:

— Девочка, девочка, поищи у меня в голове, коли не пальцами, так лучинками.

Стала девочка искать у него в голове — только не лучинками, а пальцами. Медведь и говорит:

— Подуй мне в ухо.

Подула она — и как повалили из уха и пироги, и разные яства сахарные, а там и карета, запряженная шестеркой коней.

Едет падчерица домой к отцу с мачехой. Услыхала собачонка и залаяла:

Тяф-тяф, едет дочка старикова,
Тяф-тяф, с пирогами и в обновках,
Выходите встретить на порог.

Приехала падчерица с целым возом пирогов, кинула собачонке самый сдобный.

Рассердилась мачеха, завидно ей стало, что у родной дочери ни пирогов, ни кареты. Велела она старику отвезти в лес и свою дочь. Отвез старик мачехину дочку в лес и оставил в избушке. Подошла ночь, вышла мачехина дочка на крыльцо и кличет:

Кто в лесу,
Кто в бору,
Я того на пир зову.

Я в лесу,
Я в бору,
Я на пир к тебе иду.

Подходит к избушке и говорит:

Девочка, девочка, открой мне теперь
Хоть не рукой, так лучинкой дверь.

Мачехина дочка поленилась руку протянуть, отворила она дверь лучинкой.

Медведь говорит:

— Девочка, девочка, свари кашу.

Разожгла мачехина дочка огонь, варит кашу из белой муки. Подбегает к ней мышка и умильно просит:

— Девочка, девочка, зачерпни мне каши, я еще тебе пригожусь.

— А палки не хочешь? — говорит мачехина, дочка, — на всех каши не напасешься.

Медведь спрашивает:

— Девочка, девочка, с кем ты разговариваешь?

— Да вот мышка надоедает, каши просит.

— Пни ее ногой или метлой отгони!

Мачехина дочка пнула мышку ногой да еще метлой погнала. Мышка и убежала в свою норку. Тогда медведь говорит:

— Девочка, девочка, постели мне постель: снизу положи камни, на них поленья, а сверху жернов положи.

Мачехина дочка постелила.

— Девочка, девочка, подсади меня на печь — не руками, так вилами.

Мачехина дочка достала из угла вилы и с грехом пополам подсадила медведя. Улегся он на печи и говорит:

— Девочка, девочка, возьми ключи и бегай с ними по избе, пускай звякают.

Бегала-бегала по избе мачехина дочка, покуда не притомилась. Стал медведь бросать в нее поленья, все побросал и спрашивает:

— Девочка, девочка, жива еще?

— Жива.

Покидал медведь все камни и опять спрашивает:

— Девочка, девочка, жива еще?

Мачехина дочка еле отозвалась. Тут медведь — бух! — с печи жернов.

— Жива еще? — спрашивает.

А она уж не отзывается. Затопил медведь печь, сжег мачехину дочку, выгреб золу, ссыпал в лохань, поймал шесть воробьев, запряг их и отпустил.

Подлетают воробьи к стариковой избе, а собачонка опять лает:

Тяф-тяф, едет по дорожке,
Тяф-тяф, мачехина дочка,

Тяф-тяф, воробьев шестерка,
Тяф-тяф, косточки везет.

Вышла мачеха на крылечко, услышала собачонку и со злости лопнула. А старик с дочкой по сей день живут припеваючи, все пирогами угощаются.

ДВЕ ПЛЯСУНЬИ

Б

ыли у одной вдовы дочь и падчерица. Падчерицу она не терпела, только и думала, как бы ее со свету сжить. А падчерица, как назло, и красивее, и умнее родной дочери была, за это люди и любили ее больше.

Однажды мачеха прогнала падчерицу ночевать в овин, а там всякая нечисть водилась. Выгнала ее и думает: «Захво-

рает с перепугу, да и помрет. Вот хозяйство доченьке и достанется».

Делать нечего. Пошла падчерица спать в овин.

Улеглась она на куче кострики, о своей горькой доле думает. Вдруг в полночь слышит шум-звон — будто свадебный поезд прибыл. Вваливается к ней целая орава. В овине светло стало, музыканты заиграли. А были это черти. Подходят к девушке и говорят:

— Вставай, девица, плясать будем.

— Да я за день наработалась, еле ноги волочу. Какие тут пляски, — отказывается падчерица.

— Ничего, мы тебя расшевелим, — пищат черти.

— Да я неумытая, или не видите — на кострике лежу. Умыться мне бы, а воды-то нету.

Приносят черти воды. Стала падчерица умываться, а мыла и нет. Говорит она:

— Воды-то принесли, да мыла нет.

Приносят черти всякого мыла душистого.

— Утереться надо, да полотенца нет.

Приносят черти полотенце и торопят:

— Утирайся поскорее да пойдем плясать.

— Надо волосы расчесать, да гребня нету.

Принесли черти гребень. Причесывается падчерица, не торопится.

— Нечем волосы помаслить.

Принесли черти дорогого масла. Причесалась девица честь честью и говорит:

— Юбки хорошей нету.

Принесли черти юбку — клетчатую, нарядную, всеми цветами отликает.

— Кофты подходящей нету.

Принесли черти кофту — рукава расшитые, в сборку.

— И чулок нету.

Принесли черти чулки и торопят:

— Одевайся поскорее да пойдем плясать.

— Да у меня и сапожек нету.

Принесли черти сапожки — блестят, словно зеркало, да со скрипом.

— Да и ожерелья у меня нету.

Принесли черти ожерелье — желтое, как липовый мед.

— Колечек у меня нету.

Приносят черти дорогие перстни. Как надела их падче-

рица — так и заискрились.

— И без запястьев не могу.

Принесли черти и запястья.

Так падчерица все просила и просила нарядов и украшений. И все порознь. А черти знай таскают, пыхтят, охают, отдуваются.

Так, не спеша, наряжалась падчерица, покуда петух не запел.

Засуетились, загалдели черти — и нет их. Осталась падчерица одна с ворохом приданого. Улеглась она и уснула.

Наутро входит она в избу, а мачеха так и обомлела: стоит перед ней падчерица, словно королевна: разряженная, в ожерельях, все на ней сверкает, все шуршит.

— С чего это ты так разбогатела? — спрашивает ее мачеха.

Рассказала ей падчерица все, как было.

Вечером говорит мачеха:

— Нынче ночью ты, доченька, в овин спать пойдешь.

А падчерице приказала в избе ложиться.

Ладно, легла падчерица в избе, а родная дочь в овин пошла. Лежит на кострике, сама о нарядах, о дорогих перстнях думает. В полночь слышит шум, звон — будто свадебный поезд прибыл. Вваливается к ней целая орава. В овине светло стало, музыканты заиграли. Обступили черти дочь и говорят:

— Ого, да тут девица! Ну-ка вставай, плясать пойдём.

Дочка и говорит им:

— А мне и мыться, и волосы расчесать нечем, ни юбки у меня нету, ни кофты, ни сапожек, ни ожерелья, ни колец, ни запястьев...

Все сразу и сказала. Черти тотчас притащили ей все, что ни просила, нарядили ее, плясать заставили.

Пляшет мачехина дочь. Она одна, а чертей много. То один ведет плясать, то другой, то третий — и так подряд, без передышки.

Наутро входит мачеха в овин, видит — лежит ее дочка на кострике, не дышит. Наплясалась.

ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА

Ж

ила одна сирота со злой мачехой, а у мачехи своя дочь была. Сиротка была добрая, работающая. Мачеха ее невзлюбила, всю тяжелую работу на нее взваливала. Однажды велела падчерице прясть, сидя на краю колодца. Только села она, а злая баба и столкнула ее в воду, — хотела утопить падчерицу. Но на дне колодца увидела девочка зеленый луг. Бредет она лугом, и навстречу ей старичок. Старичок и говорит:

— согласишься ли целый месяц овечек моих пасти?

Согласилась сиротка. Целый месяц пасла овечек, не била, рано выгоняла на луг, поздно пригоняла домой и выходила их на диво... Старичок поблагодарил девочку за труды и показал три ларчика — красный, белый и голубой.

— Выбирай любой.

Девочка выбрала белый, а старичок ей говорит:

— Не открывай ларчика, покуда домой не вернешься, а теперь ступай.

Поблагодарила его девочка и пошла. Старичок ей и дорогу показал. Вернулась она домой и открыла ларчик. Тотчас на этом месте дворец вырос.

Видит мачеха — падчерица жива-здорова, да еще и во дворце живет. Спрашивает она ее:

— Откуда у тебя дворец?

Падчерица все и рассказала. Захотелось мачехе, чтобы и ее дочери такой дворец достался. Велела она и дочери попрясть, сидя на краю колодца, и ее столкнула в воду. Сперва дочь сама не знала, куда попала, а потом огляделась и увидела все, про что рассказывала сиротка: и зеленый луг, и старичка на том лугу повстречала. Старичок спросил, не возьмется ли она целый месяц овечек его пасти. Взялась она. Только нерадиво за ними ходила: была, на лужок выгоняла поздно, домой пригоняла рано. Отощали овечки, захирели. Через месяц пришел старичок, принес ей три ларчика: красный, белый и голубой, чтобы выбрала, какой приглянется. Выбрала мачехина дочь красный, подумала, что ее дворец еще краше будет. Старичок говорит:

— Бери лучше белый.

Не послушалась мачехина дочь старичка, выбрала красный. Старичок проводил ее до ворот и не велел открывать ларчик, откуда домой не вернется.

Пришла домой мачехина дочка и открыла его. Тотчас вырвался из ларчика огонь и сжег ее вместе со злой мачехой и со всей избой.

ВОЛШЕБНЫЙ КОШЕЛЬ

В старину жили-были два брата — один богатый, другой бедный. Как не стало бедняку чем кормиться, пошел он в лес по ягоды. Вдруг, откуда ни возьмись, старичок. Подходит к бедняку и спрашивает:

— Кому ягоды собираешь?

Бедный отвечает:

— Нечего есть, вот и собираю. Наберу — понесу жене с ребятишками.

Тогда старик достал из кармана кошель и говорит:

— Вот бери. Как захочешь есть, скажи только: «Кошель, дай», — он и даст. А как поешь, скажи только: «Кошель, закройся», — он и закроется.

Поблагодарил бедняк старичка и веселый пошел домой. Вошел в избу и говорит: «Кошель, дай». Кошель открылся, и вся семья поела досыта.

Потом бедняк велел кошелю закрыться, он и закрылся.

Однажды задумал бедняк угостить богатого брата, позвал его к себе в гости. Увидал богатый такое чудо и стал торговать кошель. Сто рублей за него дает. Бедняк — нет и нет, да жена его заупрямилась — продай, да и только. Так и продал бедняк кошель за сто рублей.

За год бедняк проел все деньги и опять остался ни с чем.

Погнала его жена в лес: авось, встретит там доброго старичка. Пришел бедняк в лес, опять ягоды собирает. Откуда ни возьмись — старичок. Подошел к нему и спрашивает:

— Куда ты дел мой кошель?

— Продал.

Достал старичок из кармана другой кошель и дает бедняку.

— Тот кошель был простой. А этот — во сто раз лучше!

Бедняк опять поблагодарил его и пошел. Зашел за кусты и попросил у кошеля есть. Открылся кошель, и выскочили из него бесенята с кнутами, да как начнут его лупить, как начнут лупить, бедняк еле до дому добрался. Пришел домой и думает: «Ну, погоди, сейчас жене ничего не скажу, пускай и ее отлупят. Зачем уговорила меня продать прежний кошель?» Подал он жене новый кошель и говорит:

— Вот так кошель я раздобыл — во сто раз лучше прежнего! — А сам вышел, чтобы опять ему не досталось.

Жена тотчас попросила: «Кошель, дай!» Открылся кошель, выскочили из него бесенята с кнутами и давай ее пороть. До тех пор пороли, покуда она, чуть живая, не молвила: «Кошель, закройся».

Вернулся бедняк, смотрит — жена чуть жива лежит. Жалко стало ее, он и говорит:

— А знаешь, пойду-ка я к брату — не променяет ли он прежний кошель на этот?

Так и сделал: пошел к богатому брату и стал нахваливать ему новый кошель:

— Дрянной твой кошель, братец! Вот я раздобыл кошель — во сто раз лучше. Он один сколько хочешь гостей накормит!

Поверил богатей и стал его упрашивать:

— Слышь, братец, добавлю тебе сто рублей, только давай поменяемся кошелями.

Согласился бедняк, и поменялись они. На радостях богатей созвал своих друзей-приятелей. Усадил их за стол, взял кошель и говорит:

— Кошель, дай!

Кошель открылся, и выскочили из него бесенята с кнутами. Как начнут всех подряд пороть, как начнут! Пороли-пороли, покуда все гости не свалились. С тех пор богатей уж не зарился на братнин кошель. А бедняк больше не менял его и жил в достатке.

ДВА БРАТА

Ж

или-поживали два брата. Один был богач, а другой бедняк. Бедный брат был предобрый — зайдет к нему нищий, он и последнее отдаст. Как-то раз не хватило ему хлеба до новины. Он и надумал: «Пойду-ка я к брату, может, и выйдет что».

А брат его, помещик, как увидит нищего — собак спускает. Пришел к нему бедняк, а богач и говорит:

— Не делился бы с кем попало, и тебе бы хлеба хватило. А чем со мною рассчитаешься? Дай-ка глаз у тебя вырву, вот и вся плата.

Горько стало бедняге.

— Вырви, коли бога не боишься.

А сам думает: «Ребятишек жалко, с голоду помрут».

Надолго ли семье один-то пуд? На неделю хватило — и все. Приходят нищие, приятели бедняка, а у него самого ничего нет.

— Пойду опять к брату.

— Не ходи, он тебе последний глаз вырвет.

— Голод, братцы, не тетка, ничего не поделаешь.

И пошел. Пришел во двор, а на него собаки набросились. Стал он упрашивать слуг, чтоб впустили его к брату, а те смеются.

— Нищий ты, какой он тебе брат!

Все-таки впустили. Кинулся бедняга богачу в ноги.

— Спаси, выручи, ребятишки помирают. Отдам с лихвой.

— Много ты мне платил! Дашь последний глаз вырвать, тогда помогу.

— Вырви, коли бога не боишься. Что поделаться, жалко детишек и жену.

Приказал богач отсыпать пуд ржи и вырвал у брата последний глаз.

Взвалил горемыка на плечи мешок, идет и ничегошеньки не видит, — кровь льется, рана ноет. А у богача земли было много, и посреди его пустоши стояла большая сосна. Сучья на ней низко росли. Бедняк хорошо знал эту сосну.

Дело было вечером. Добрел бедняк до этой сосны и горько заплакал:

— Что я теперь, без глазыnek-то, делать буду?

А сам думает: «Как бы тут на меня звери не напали. Вот как рассветет, начну я кричать, авось, кто и отзовется».

Схватился за сук, повесил на него мешок и сам влез. Сидит он и вдруг слышит: топ-топ — идет кто-то. Бедняк думает, зверь какой. «Спасибо, что я на сосну влез».

Вдруг, откуда ни возьмись, прибежала лиса и говорит:

— Ну-ка подвинься. Для тебя одного здесь место, что ли? И я тут примощусь.

Так мало-помалу собралось вокруг этой сосны множество всякого зверья. И слышит бедняк, кто-то на коне скачет — земля дрожит. Вот подъехал всадник к самой сосне и говорит зычным голосом:

— Здравствуйте! Как живете? Злых дел не творите?

Отвечают звери:

— Как жили, так и в этом году живем. Не расскажешь ли, что нового на свете?

— Знаю я три новости. Жили два брата: один помещик, другой бедняк. Не хватило бедняку хлеба, а богач за это глаза ему вырвал. Кабы знал бедняк, умылся бы росой с этой сосны и лучше прежнего бы стал видеть. А вот другая новость: в таком-то царстве, в таком-то государстве лежит при смерти королева. Какие только доктора не приезжали, никто ее вылечить не мог. Кабы знал кто, что под полом у нее сидит зеленая жаба и пьет у королевы кровушку. Кто эту жабу убьет — много денег получит. Вот и третья новость: есть такой-то город, и в нем воды нет. Кабы знал кто, что в городе этом лежит огромный камень. Если кто этот камень с места своротит, потечет большая река, хватит воды и городу и всей округе. И за это богато одарят того человека.

Попрощался всадник со зверями и ускакал.

От страха да от боли бедняк все запомнил. Утром взял и росой умылся: лицо-то грязью заросло, и жену и детей перепугаешь. А как умылся, лучше прежнего видеть стал. И боли уж не чувствует. Припомнил он тут все, что ночью всадник говорил.

— Эге, — обрадовался, — теперь я заживу!

Долго ли, коротко ли шел он в тот город, где королева живет. Пришел — а там всюду черные флаги висят. Спрашивает:

— Что это за город?

— Столица это.

— А отчего всюду флаги черные?

— Единственная дочка короля при смерти лежит, оттого запрещены все пиры и гулянья.

Бедняк говорит:

— Я берусь королеву вылечить — будет она жива-здоровая.

А в том домике, где он остановился, жила вдова с малыми ребятами.

— Вот и берись, человек, за это несметное богатство получишь!

Побежала вдова через улицу в каменный дом к купцу и говорит:

— Нашелся один человек: я, говорит, вылечу королеву.

Купец сразу дал знать королю, что объявился такой-то странник, берется он вылечить королеву.

Король прислал за бедняком карету, принял его и сказал:

— Неужто можешь вылечить единственную мою дочь?
— Могу, — отвечает бедняк, — будет она жива и здорова.
— Если вылечишь, одарю тебя по-королевски и быть тебе первым моим советником, а не вылечишь, покараю тебя.

Бедняк все свое твердит:

— Будет она, король, жива и здорова.

Приказал бедняк, чтобы отвели ему особую комнату и никого туда не впускали. Велел он приготовить ванну, привезти студеной родниковой воды. Выкупал он королеву, дал ей выпить разных травок. Она тотчас открыла глаза и говорит:

— Выздоровливаю уж!

А он все про жабу думает. Пошел в спальню королевны, отодвинул кровать, видит, в углу щель. Отодрал он доску — а там жаба сидит. Кинул ее в печку и сжег.

А король тревожится: как там его дочка. Пришел к ней, а она и говорит:

— С каждой минуточкой здоровее становлюсь.

Пришел в другой раз — а девица — кровь с молоком.

Задал тогда король знатный пир. Весь город праздновал выздоровление королевны. Гостей что понаехало! Бедняку кто кольцо надевает — в подарок, кто часы сует, кто дорогую одежду. А король ему говорит:

— Ну, голубчик, будешь теперь у меня правой рукой, управляй всем королевством.

А бедняк в ответ:

— Нет, я домой хочу, у меня там жена с детьми.

Тогда нагрузили ему возы всяким добром: и еды, и напитков, и одежи, и обуви надавали. И поехал он домой.

Лошади дорогой устали, пить захотели. Глядь — впереди большой город. Говорит бедняк:

— Остановимся тут, передохнем.

Остановил на окраине лошадей, зашел в один домик.

— Нельзя ли у вас лошадей напоить, отдохнуть немного?

А ему отвечают:

— Мы и сами воду покупаем.

Тут вспомнил он слова всадника и сказал своим людям:

— Вы, приятели, поезжайте домой, а я здесь останусь.

Отослал свое добро с провожатыми, а сам говорит горожанам:

— Я вам воду найду.

— Ты что, чудеса творишь? У нас в городе воды и не бывало.

Однако сразу дали знать городскому голове: так, мол, и так, человек берется воду найти. Голова позвал того человека к себе, а купцам велел денег принести.

Бедняк и спрашивает:

— Где у вас тут лежит огромный камень? Соберите пятьдесят человек, возьмите жерди, ваги и отвезите к тому камню.

Подъехали к камню, присмотрелись, как за него взяться. Приноровились, своротили, и как хлынет вода, большая река потекла и во все стороны речками разлилась — на всю округу воды хватило.

От радости горожане наташили бедняку пропасть подарков, ребятишки, и те кто куклу несет, кто поест, всякой всячины, что только в городе было. Бедняк много возов добром нагрузил и домой отправился.

Приехал домой, а изба его и снаружи одеждой обвешана, — девать некуда. Входит бедняк в избу, видит — жена, дети разодеты, за столом пятеро нищих с торбами и уж под хмельком. Расцеловался с ними бедняк, поблагодарил, что навестили его.

Потом деньги считать стал да и говорит:

— Сбегай-ка, сынок, к дядюшке, попроси у него мерку, которой деньги мерят.

Прибегает к дяде сынишка, а сам разодет в пух и прах:

— Дядюшка, тятенька просит мерку, которой деньги мерят.

А тот думает: «Он же без глаз, а деньги меркой меряет».

Кончили мерить: золото отдельно, серебро отдельно. Насыпал бедняк мерку серебра, еще и за обруч монет насовал и говорит:

— Отнеси, сынок, дяде, да деньги не растеряй и поблагодари.

Отнес сынишка мерку, подает дяде, а тот и глаза вытарашил: ай-ай-ай! Да тут сотни две будет! И говорит богач пареньку (а раньше иначе как пашенком и не звал):

— Деточка, а где же твой тятя столько добра раздобыл? Ведь он слепой?

— Нет, дяденька, он видит, он жив-здоров. А добро не знаем, куда и девать. Вот такими пуговками полны кадки насыпаны.

Надумал тогда богач пойти посмотреть (а раньше и не глядел в ту сторону). Ну, нарядился он, пошел. Видит — стол от закусок ломится, а за столом нищих полно. Ребята закричали:

— Дяденька пришел!

Выходит бедняк брата встретить, а у самого что одежда, что обувь. Видит богач — в избе все углы добром завалены — некуда и деть. Входит он, а нищие в один голос:

— А, и барин явился!

Не по вкусу богачу, что за столом столько нищих. Говорит он брату:

— Эх, братец, обидел я тебя, глазоньки вырвал.

— Сейчас верну долг.

— Спасибо, не надо, ты в мерке во сто раз больше отдал, чем взял.

Потом спрашивает:

— Братец, а как дело было, что за чудо случилось?

Бедный брат не завистлив был, все и рассказал.

Вот богач и думает: «Погоди, и я так сделаю!»

Собрался он, прихватил ружье, влез на сосну и сидит. Только стемнело, глядь — топ-топ — медведь привалил. Не по себе стало богачу: «Медведь и на деревья лазает, — думает, — ну, да у меня ружье!»

Потом лиса прибежала:

— И я тут примощусь.

Пришел и волк, и прочие звери. Всю пустошь вокруг сосны заполнили. Немного спустя светлее стало. Скачет витязь на белом коне, а от него все кругом светло. Расступились перед ним звери на все стороны и все низко поклонились. А он поздоровался:

— Ну, как живете в этом году, злых дел не творите?

— Э, как жили, так и живем, ума не прибавилось, а теперь вот дождались нового года, ждем, какие новости ты расскажешь.

Витязь и говорит:

— Я вам три новости скажу.

А богач сидит ни жив ни мертв — ему ведь всех видать.

Витязь и говорит:

— Жили два брата — один богатый, другой бедный. Богач за кусок хлеба вырвал у брата глаза, но тот сейчас жив-здоров. Вот другая новость: в таком-то городе королевна

выздоровела. А вот третья: в каком-то городе лежал большой камень, и объявился человек, который воду нашел. Не было ли в прошлый раз на сосне человека, который все узнал и сотворил эти чудеса? Нет ли там и теперь кого?

Лиса и говорит медведю:

— Полезай ты, хвостун, ты мастак по деревьям лазить.

Медведь влез и говорит:

— Тут человек сидит.

Приказывает тогда витязь:

— Схватите его и разорвите.

Звери схватили богача и разорвали в клочья.

ПРО БЕДНОГО И ПРО ЖАДНОГО

Р

убил один бедный человек лес у самой реки. Вдруг как соскочит у него топор с топорича и бух в омут. Заплакал бедняга:

— Ай-ай-ай, пропал мой топор! Кто мне его теперь достанет?

В это время по сучьям, по кочкам приковылял хромой старичок и спрашивает:

— О чем горюешь, добрый человек? О чем плачешь?

— Топорик мой в омут упал, а другого купить не на что. Чем теперь лес рубить стану, как детишкам хлеба добуду? — жалуется бедняк.

— Не плачь, не горюй, достану я твой топор, — сказал старичок, скинул сермягу и в воду прыгнул. Не успел бедняк опомниться, а старик подает ему золотой топор и говорит:

— На, бери. Твой это топор?

— Нет, не мой, — отвечает бедняк.

Опять нырнул старичок в воду и вынырнул с серебряным топором.

— Не мой это, не мой! — кричит бедняк.

В третий раз нырнул старичок и показал железный топор.

— Вот он, мой топор, — обрадовался бедняк. — Спасибо тебе, спасибо! — и уж собрался было домой бежать, да старичок остановил его и говорит:

— За твою честность дарю тебе и золотой и серебряный топоры.

Вернулся домой бедняк и все рассказал людям. Услыхал это жадный сосед и тоже задумал в лес пойти. Пришел и стал деревья рубить на том же месте. А топор у него еле держался на топорище. Мигом соскочил и плюхнулся в воду.

Как тут заплакал жадный, как завопил на весь лес! А старичок уж тут как тут.

— Что приключилось? О чем плачешь? — спрашивает.

— Топор мой в омут упал, кто мне его достанет? — отвечает жадный.

— Я достану, — сказал старичок и бух в воду, да тут же и вынырнул с железным топором:

— Твой это топор?

— Не мой, не мой! — отвечает жадный.

Опять старичок кинулся в воду и вынырнул с серебряным топором:

— А это твой?

— Не мой, у меня не такой!

И в третий раз нырнул старичок, а вынырнул с золотым топором.

— Вот он мой! — обрадовался жадный.

И только успел он выговорить это — как старичок опять скрылся в омуте. Ждет жадный, думает, сейчас вытащит ему алмазный топор.

Выплывает старичок с тремя топорами сразу: золотым, серебряным и железным. Спрашивает он жадного:

— Может, все три твои?

Потянулся было жадный за ними, да не тут-то было: как примутся топоры дубасить — золотой по затылку, серебряный — по бокам, железный — по спине. Избили, исколотили и отпустили на все четыре стороны.

Еле добрел жадный до дому. А там захворал и вскоре помер.

ДОЛЯ

или два брата — богатый и бедный. Как ни бился бедняк — ни в чем ему не было удачи, никак он семью прокормить не мог. Идет он раз ночью полем и видит: кто-то на братнину ниву снопы таскает.

Спрашивает бедняк:

— Ты кто будешь?

И слышит голос:

— Твоего богатого братца доля.

— А моя доля где?

— У тебя нет доли, твоя доля — нужда.

И порешил бедняк от нужды убежать. Усадил на телегу жену, ребятишек, свалил свой скудный скарб и поехал, куда глаза глядят. Только чует — руки мерзнут, рукавицы в избе забыл. Вернулся он за рукавицами и слышит, кто-то на печке жалостно так стонет.

— Кто там? — спрашивает бедняк.

— Я это, твоя нужда. Не бросай меня, возьми с собой. Все равно я тебя догоню.

— Да воз-то у меня полон, нету тебе места, — говорит бедняк. — А коли хочешь, влезай в бутылку, тогда возьму с собой.

Нужда и влезла в бутылку. Заткнул бедняк бутылку да под мостом зарыл. А сам вернулся с семьей в свою избу и стал жить-поживать. И все ему стало удаваться, вот уж и скотинка завелась, и коровушкой разжился.

Как рожь убрали, на пожинки позвал он брата в гости. Братец ситник уписывает, а сам все дивится:

— И как это ты, братец, разбогател?

Рассказал бедный брат, как он нужду под мостом зарыл, а богатый гость ест, так что за ушами трещит, а сам все думает, как бы ему нужду вызволить да на шею братцу посадить.

Бедный брат уговаривает его:

— Побудь еще, братец, погости, заночуй...

А тому уж не до гостеванья. Укатил он сломя голову, да скорее под мост — бутылку искать. Нашел, откупорил, выпустил нужду и говорит:

— А ну-ка поторапливайся, там мой братец больно уж разжился. Будет тебе работы, покуда он снова не обеднеет.

А нужда не послушалась, вцепилась ему в полы и бормочет:

— Твой брат — злой человек, он меня пять лет в бутылке продержал, а ты меня вызволил. Лучше я с тобой пойду.

И как ни пытался богач от нужды отвязаться, прицепилась она и не отстала, покуда богач не разорился и не стал нищим.

КУМА-СМЕРТЬ

Ж

ил-был бедный человек со своей женой, и дождались они ребенка. Не на что им было справиться крестины, вот никто и не шел к ним в кумовья. Ищет отец неделю, ищет другую, а найти кума с кумой не может. Наконец повстречал он на дороге старушку и пожаловался ей, что не может найти кумовьев.

— Я буду твоей кумой, — сказала старушка. — Найдем у церкви какого-нибудь нищего и окрестим твоего ребенка.

— Вот и ладно, — обрадовался отец. Понесли вдвоем ребенка в церковь, окрестили его, еще и полбутылки на крестинах распили. Потом старушка и говорит:

— Коли уж мы покумились, сделаю я из тебя лекаря. Как услышишь, что кто-нибудь занедужил, набери всяких трав, свари их и иди к больному. Когда увидишь, что я в ногах

стою, дай выпить снадобье, он и выздоровеет. А когда увидишь меня у изголовья, не поможет ему твое зелье, все равно помрет.

Старуха та была сама смерть. Распростилась она с кумом и пошла людей косить. Кого скосит, кого нет, а уж болезней тьму найдет, чтобы кум без дела не сидел. А лекарь тут как тут со своим зельем: только увидит, что смерть в ногах у больного стоит, сейчас же даст ему испить снадобья, глядь, тот уж и здоров. Когда же видит, что смерть в головах стоит, тогда говорит: «Ничего поделывать не могу, суждено ему помереть». Прошел в народе слух о его мудрости, да и денег он накопил изрядно, а уж лекарем прослыл таким, каких и на свете нет.

Услыхал про знаменитого лекаря и король. А у короля дочь тяжело занедужила, вот и приказал он позвать лекаря. Приехал тот, видит — смерть у королевны в головах стоит. Жалко ему стало красавицу-девицу и велел он смастерить ей кровать на одной ножке, чтобы она во все стороны поворачивалась. Смастерили такую кровать, уложили на нее больную королевну. Только увидит лекарь, что кума у изголовья стоит, тотчас и поворачивает кровать. Так он поворачивал королевну несколько дней подряд, покуда смерти не надоело скакать, словно какой-нибудь девчонке, и остановилась она у изножья. Увидел это кум, поскорей дал королевне испить свое снадобье, она мигом и выздоровела.

Король отвалил лекарю кучу денег, и он уж было домой собрался, да заступила ему дорогу смерть и говорит:

— Не послушался меня, кум, за это я тебя скошу.

— Скоси, коли тебе удастся, — отвечает лекарь, — только дай мне три дня сроку, гроб сколотить.

— Ладно, сколачивай.

Сколотил он за три дня гроб крепкий, с тяжелой крышкой. На третий день приходит смерть, а кум ей говорит:

— Ложись в гроб, кума, да смерть, будет ли он мне впору.

— Сам ложись, — отвечает кума.

— Э, нет, живые в гроб не ложатся.

Легла смерть в гроб, а лекарь поскорее крышку захлопнул, забил гвоздями, отнес в поле, зарыл в землю да еще камнями завалил. А сам домой вернулся, опять больных лечит.

Прошло десять лет, и двадцать, и пятьдесят — никто не помирает. Некоторые уж до двухсот лет дотянули, живут — и никому-то они не нужны, как пни замшелые. Напрасно

зовут старики смерть — не приходит она, да и только.

Вот понадобились одному человеку камни — печь сложить. Стал он возить камни с поля, нашел под кучей камней гроб, разбил его и выскочила оттуда смерть. Вырвалась на волю, сперва кума своего скосила, а там и за других стариков принялась.

Так и кончилась жизнь лекаря, тут и сказке конец.

СТАРЫЙ СОЛДАТ И ЧЕРТИ

Б

ыло это в старину. Отслужил солдат царю двадцать пять лет и в награду за свою службу получил старый барабан. Идет он домой и встречает хилого старичка.

— Помоги мне, милостивец, — просит старичок.

— Да у меня нет ничего, кроме этого барабана, — говорит солдат.

— Дай хоть барабан, авось, пригодится, — упрощивает старичок.

— Бери, — говорит солдат.

— Коли у тебя такое доброе сердце, проси, чего хочешь, авось, и я тебе помогу. Желаете ли после смерти вечного веселья в раю?

— Нет, — отвечает солдат. — Лучше повеселиться на земле.

— Ну, так возьми у меня карты и суму. Когда станешь играть этими картами — всегда останешься в выигрыше, а когда захочешь кого-нибудь к рукам прибрать, только скажи «полезай в суму», и будет по-твоему.

Подарки понравились солдату, поблагодарил он старика и отправился дальше. Попалась ему по дороге корчма, стал он проситься на ночлег. А шинкарь говорит:

— Что ты к нам просишься? Мы и сами на ночь к соседям уходим. Место это беспокойное, по ночам тут всякие страсти случаются, и не нашлось еще смельчака, чтобы согласился тут ночевать.

Солдат не испугался и остался на ночь. Улегся он после ухода шинкарей, ждет, что дальше будет. Когда стемнело, набежала в корчму тьма чертей, и столько их собралось, что яблоку негде упасть. Черти и говорят:

— Ты зачем в наш дом влез? Кто тебя впустил? Вот мы тебя в ключья разорвем!

— Зачем вам меня в ключья рвать, — отвечает солдат. — Давайте лучше в карты сыграем.

— А карты у тебя есть?

— Есть.

— Ну что ж, сыграем.

Солдат их все обыгрывает да обыгрывает, а черти из себя выходят от злости. Разъярились, кинулись расправиться с ним, а солдат как крикнет:

— Полезайте в суму!

Черти мигом в суму попрыгали, солдат завязал ее, сунул под печку, а сам сладко выспался. Наутро приходит шинкарь, думает, одни косточки солдатские соберет, смотрит — а он целехонек.

— Я жив-здоров, — говорит солдат, — а ваши полуночники больше сюда не сунутся.

Угостил его шинкарь на славу, и солдат пошел дальше, взвалив на горб суму с чертями. По дороге зашел в кузницу, положил суму в горн и просит подмастерье:

— Поддувай что есть мочи. Хочу закалить суму.

— Сгорит, — отвечает подмастерье.

— А ты не гляди, знай лишь поддувай.

Тот как начал поддувать, сума раздулась и накалилась докрасна. Выхватил солдат ее из огня, положил на наковальню, да как бабахнет молотом! Побил, побил и опять в горн швырнул; раскалил и опять на наковальню. Черти шебаршатся в суме, пищат, шипят по-змеиному, а солдат с подмастерьем до тех пор били, покуда не лопнула сума. Черти снесли крышу и сбежали в пекло — а сами все хромые, кривые, еле живые.

Прожил солдат на земле, не видя никакого веселья, а там взял и помер. Стал он проситься на небо, да бог его не принял за то, что при жизни не пожелал попасть в рай.

Некуда солдату податься, и отправился он к чертям. Черти страх как испугались, вспомнили злосчастную суму и провалились на самое дно преисподней. Солдат нашел приоткрытую дверку, влез в преисподнюю и опять зовет чертей в карты сыграть.

— Нет, — говорят черти, дрожа от страха. — Ты нас опять в суму загонишь.

— Да на что вы мне, — говорит солдат. — Сыграем хоть на пену с ваших котлов.

Играют они, играют, и солдат опять верх берет, выиграл всю пену с котлов и смахнул ее в свою суму.

Вышел из пекла, вытряхнул всю пену, и очутилась перед ним огромная толпа людей, которых черти в своих котлах варили. Привел их солдат на небо, а привратники заартачились — не пускают. Обозлился солдат, крикнул: «Полезайте в суму!» и всех людей, которых черти варили, в рай пустил. Последним сам шмыгнул и, должно быть, по сей день там живет-поживает.

СТАРИК И ЧЕРТ

Сеял старик у самого леса бобы. Подошел к нему черт и спрашивает:

— Дед, а дед, что ты сеешь?

Дед отвечает:

— Бобы сею.

— А как мы эти бобы поделим? — спрашивает черт.

Дед отвечает:

— Тебе корешки, а мне вершки.

Поспели бобы, старик собрал стручки и увез домой, а черту корешки оставил. Пришел черт, собрал корешки и ничего не намолотил.

На другой год приехал старик в поле репу сеять. А черт тут как тут. Пришел и говорит:

— Теперь тебе корешки достанутся, а мне вершки.

— Ладно, — согласился старик.

По осени черт скошил ботву, а старик выкопал репу и увез домой. И опять черту ничего не досталось.

Наступил третий год. Приехал старик горох сеять. Черт пришел и спрашивает:

— Дед, ты что сеешь?

— Горох сею.

— А как делить его будем? — спрашивает черт.

Старик и говорит:

— А вот будет лед, тогда и станем делить. Я буду везть, а ты подбирать.

Пришла зима, обмолотил старик горох. Явился черт на де-
леж. Старик веет горох на льду, а черт ловит его, ловит, —
ни горошины не поймает. Притомился черт, бросил подби-
рать, и только лес загудел, как он от старика сбежал. А тот
смел горох со льда и привез домой.

Так старик черта надул.

МИЗИНЧИК

или старик со старухой. Детей у них не было, и они сильно горевали, что некому будет кормить их на старости лет, некому будет за ними приглядывать. Однажды пошла старушка к соседке и пожаловалась на свое горе.

Соседка говорит ей:

— А ты отруби мизинец с левой руки да закинь на печь, и завтра же будет у тебя ребенок.

Старуха так и сделала. Наутро старик ушел пахать в поле,

а старуха поднялась пораньше, стала завтрак варить, блины печь, а сама все вздыхает:

— Вот и блинков старику отнести некому. Кабы сынок у Меня был, хоть с мизинчик ростом!

Только сказала это — слышит, что-то в хворосте зашуршало, и спрыгнул с печки мальчик с мизинчик ростом.

— Дай, матушка, я отнесу.

— Куда тебе, дитятко... Еще колосья глаза выколют.

— Не выколют.

— Да ты вон какой махонький, как же понесешь?

— Положи мне на голову каравай, на него миску с блинами, а на миску кувшинчик поставь.

Завязала старуха в узелок миску с блинами, положила на голову Мизинчику каравай хлеба, а на него блины и кувшинчик поставила. Как побежит Мизинчик к старику, и не догнать его. Бежал-бежал и на лужу наткнулся.

— Матушка! — кричит. — Озеро!

Снял Мизинчик с головы миску, влез на нее, ложкой грести стал, так и переплыл лужу.

Побежал дальше. Добегает до пашни и кричит отцу:

— Отзовись, батюшка, где ты? Больно уж лес густой, не видать тебя.

Оглянулся старик, а никого нет. Только видит — идет полем кувшинчик и каравай хлеба. Добежал Мизинчик до борозды и кричит:

— Я, батюшка, твой сын, Мизинчик, завтрак тебе принес.

Только принялся отец за еду, Мизинчик и говорит:

— Покуда ты ешь, я попашу.

— Где тебе пахать, такому малышу? Не послушаются тебя лошади.

Влез Мизинчик в ухо лошади и знай покрикивает: «Но-о, гнедой, но-о, вороной!» Лошади и слушаются. Пашет Мизинчик, поет да посвистывает, так что на все поле слышно.

Отец блины ест, а сын пашет, да получше отца, пожалуй. Лошади ведут борозду, а пахаря не видать. Ехал мимо барин в карете шестеркой, видит, лошади сами пашут, а мужик сидит, завтракает.

Спрашивает барин:

— Эй, мужик, что это за лошади у тебя — сами пашут?

— Это не лошади, это мой сын пашет.

— Где ж он? — удивляется барин.

— У лошади в ухе сидит.

— А не продашь его?

— Не могу, — говорит отец, — один он у меня.

Только услышал это Мизинчик, прыг из лошадиного уха, подбежал к отцу, вскочил ему в ухо и шепчет:

— Продай меня, батюшка! Пускай он меня деньгами засыпет. Я все одно убегу.

— Ладно, барин, засыпешь его деньгами, тогда и продам, — говорит отец.

«Такого малыша, — думает барин, — и трешником прикроешь».

Высыпал он кошель медяков, а Мизинчик — скок — и наверху очутился. Высыпал другой — Мизинчик скок — и опять наверху. Барин целую кучу денег насыпал, а Мизинчик все наверху. Наконец охапкой сотенных накрыл. Взял тут барин Мизинчика, посадил себе на шляпу и едет.

Наступила ночь, дождь пошел. Остановился барин в лесу лошадей покормить. Мизинчик выскочил из кареты, укрылся под грибом-боровиком и стоит. Хватился барин Мизинчика и ну кричать:

— Мизинчик, где ты?

— Под боровиком.

— Ступай сюда!

— Найди меня, тогда и приду.

Искал его барин, искал, так и не доискался. Поехал домой без Мизинчика. В ту пору шли лесом воры, и сговорились они барина ограбить. Вдруг слышат из-под боровика голосок:

— А я видал, где у барина орехи и деньги лежат. Возьмите меня с собой, я в окно влезу и все вам подам.

— Ладно, — говорят воры, — полезай в карман, мы тебя отнесем.

Пробрался Мизинчик сквозь щелку в клеть и закричал во все горло:

— Эй, воры, что брать, деньги или орехи?

— Тише ты, замолчи! На что нам орехи? Деньги бери, деньги!

Проснулся барин, услышали все дворовые, спустили собак и прогнали воров. Отворили клеть, а там никого нет. Мизинчик залез под стреху в солому, его и не видать. Утром идет ключница за салом, а Мизинчик кричит:

— Не трогай, мое это сало!

Испугалась ключница и убежала. Пришел за салом сам барин, а Мизинчик все кричит:

— Не трогай — мое это! Не трогай — мое это!

Как тут быть? Содрал барин с крыши всю солому, отнес в хлев и бросил корове. Корова жевала-жевала и Мизинчика вместе с соломой сжевала.

Пришла девка корову доить. Только уселась, а Мизинчик как закричит из коровьего брюха:

— Не дои, а то залягаю!

Испугалась девка. Пришел барин, и тот испугался. Надо корову резать. Зарезали. Требуху девка принесла полоскать на речку, а сама вернулась за ноговкой. Вдруг, откуда ни возьмись, волк. Хвать — и съел всю требуху. Попал Мизинчик в брюхо волку и кричит:

— Волк, волк, куда меня несешь?

Почудилось волку, что человек за ним гонится, он с перепугу как побежит, прямо земля под ногами дрожит. Бежит волк мимо овец, а Мизинчик опять кричит:

— Пастухи, пастухи, волк к овечкам подбирается!

Схватились пастухи за палки и отогнали волка.

Стало волку невтерпех: ведь столько дней не ел, вконец отощал.

— Мизинчик, Мизинчик, куда мне тебя девать? — жалуется он.

— Неси меня на батюшкин двор.

Отнес его волк на отцов двор.

— В избу неси, — говорит Мизинчик.

Дверь была отворена, волк и шмыгнул в нее. Мизинчик как закричит:

— Матушка, батюшка, волк в избу забрался!

Отец взялся за кочергу, мать — за ухват, и уложили волка. Мизинчик выскочил из волчьего брюха цел и невредим, кинулся стариков обнимать. А из волчьей шкуры старушка сшила Мизинчику тулупчик. Поди, и по сей день носит, коли не порвал.

ВЕТЕР И ДОЖДЬ

И

дет прохожий человек по дороге, ищет, к кому бы в батраки наняться, вдруг слышит — под мостом словно бы борются двое.

Он и сказал невзначай:

— Ну и на здоровье. Пусть их дерутся!

Идет он дальше, и догоняют его два чужеземца. Один и спрашивает:

— Человече, кому ты здоровья пожелал: мне или ему?

Думал-думал человек, ничего надумать не мог, — ведь никому из них не желал он здоровья.

— Сказал просто, на ветер.

А это боролись Ветер с Дождем. Вот Ветер и стал похваться перед Дождем:

— Говорил я тебе, дурень, мне это он сказал «на здоровье».

Ладно, пошел человек своей дорогой, а Ветер догнал его и посоветовал:

— Вот что, человеке, ступай в такое-то поместье, наймись к барину в батраки, и пускай он только посеет на твою долю три пур¹ пшеницы, больше ничего не проси.

У барина земли хоть отбавляй, что для него посеять три пур пшеницы. Ну и срядились. Принялся человек за работу, а барин посеял на его долю три пур пшеницы. Только когда эту пшеницу сеяли, поднялся Ветер, разнес семена и тремя пурами огромное поле засеял. Взошла пшеница на загляденье, растет, словно лес густой.

А Ветру похвастаться не терпится, раззадорился он, полетел к Дождю и говорит:

— Слыхал, каков хитрец человек! Нанялся к барину, срядился за три пур пшеницы, да этими тремя пурами все поле засеял. А пшеница на загляденье!

Дождь ему отвечает:

— И ладно, что твой человек такой хитрец! А только поднимется буря, побьет градом пшеницу, и ничего от нее не останется.

Испугался Ветер, полетел опять к человеку.

— Человек, а ведь пшеницу твою градом побьет. Продай-ка ты ее барину, хоть по дешевке, хоть за полцены.

Пошел человек к барину и говорит:

— Откупи у меня за полцены пшеницу, куда мне ее девать? Нет у меня ни клети, ни амбара.

А пшеница страсть хороша, барин и купил ее. Только отдал деньги, на другой же день поднялась буря, побило градом пшеницу, ничего от нее не осталось.

Полетел Ветер к Дождю и говорит:

— Слыхал, человек-то каков хитрец! Только продал барину пшеницу, как ее градом побило. Ничего не осталось.

А Дождь ему в ответ:

— Велика хитрость! Продал барину, а теперь пойдет теплый дождичек, поднимется пшеница, лучше прежней будет!

Опять полетел Ветер к человеку:

— Слушай, человек, оправится твоя пшеница, выкупай ее у барина, он за полцены уступит.

На что барину такая пшеница? Он и радехонек, что всучил ее обратно человеку. Только купил человек пшеницу, тут же разведрилось, потом пошел теплый дождичек, стала подниматься пшеница, пошла в рост, урожай лучше прежнего.

---

¹ Пюра — старинная мера сыпучих тел, равная 67,2 литра

Снял человек пшеницу, полную ригу набил.

А Ветер опять перед Дождем похваляется:

— Ну и хитрец человек-то! Полную ригу пшеницы собрал.

— Зато намолотит немного — с каждого

мерке.

Летит Ветер к человеку.

— Слушай, человекче, суши пшеницу понемногу, сколько снопов ни посажаешь в овин, всего одну лишь мерку намолотишь.

Высушил человек пять снопов, обмолотил, — глядь, одна Мерка зерна. Высушил три снопа, Обмолотил, и опять одна мерка. Стал он тогда по одному снопу в овин сажать. Высушит сноп — мерка, высушит сноп — мерка опять. Обмолотил всю пшеницу, страсть сколько зерна получилось. Не знает, куда и сыпать.

А Ветер опять перед Дождем выхваляется:

— Человек-то каков хитрец! Намолотил целую гору пшеницы. Не знает, куда и девать.

Ничего не сказал Дождь, только подумал: «Не пойдет ему урок. Не я буду, если он отведаст пирогов».

— Беда, человекче, Дождь, видать, недоброе задумал. Поезжай скорее на мельницу, смели зерно и два пирога испеки — один большой, другой маленький. Отнеси оба пирога на тот мост, где мы с Дождем боролись, и скажи: «Большой пирог Дождю, а маленький — Ветру».

Человек так и сделал. Помирились Дождь с Ветром за пирогами, и перестал Дождь вредить человеку.

ЯЗЫК ЗВЕРЕЙ

П

озвал отец перед смертью своего единственного сына и говорит:

— Тому, кто рассыпает, всегда хлеба хватает.

Сын так и делал. Напечет, бывало, хлеба, принесет на берег моря и сыплет в воду. Сыпал каждый день, покуда зерно не кончилось и у самого хлеба не осталось. Тогда начал он сыпать в море по крошке.

Рассердился за это на него кит, проглотил его и принес рыбьему королю.

Спрашивает рыбий король:

— За что ты его проглотил? Он тебя кормил, покуда было чем, а ты ему за добро злом отплатил.

Усовестился кит и научил человека языку зверей и птиц, а потом вынес его на берег и отпустил, только сперва остерег:

— Коли скажешь кому, что понимаешь птичий и звериный язык, в тот же миг и помрешь.

Идет человек по дороге, устал, прилег отдохнуть. В это время летел мимо ворон с вороненком. Вороненок каркает:

— Я этому человеку брюхо прокляю.

А ворон не велит:

— Не тронь. Знаешь ведь людей — от них добра не жди.

— Нет, прокляю: он уж мертвый.

А человек слушает и все понимает.

Сел вороненок ему на ногу, тюкнул клювом. Человек молчит, не шелохнется. Осмелел вороненок и в живот клюнул, а тут человек — цап! — и схватил сорванца.

Стал ворон бранится:

— Не говорил я тебе — не трогай человека! Вот кабы он тебя отпустил, я бы ему показал, где клад зарыт.

Услыхал это человек и отпустил вороненка, а ворон отлетел малость и сел на камень. Поднял человек этот камень, а под ним пропасть золотых. Ссыпал человек деньги в сумку, домой вернулся, хозяйство поправил, женился и живет себе, поживает.

Пришел он однажды в хлев и слышит разговор козла с волком.

— Чего ты все вздыхаешь? — спрашивает вола козел.

— Поработал бы так целый день, тоже бы вздыхал.

Говорит козел:

— Ладно, я тебя научу. Захворай — и работать не придется. Вот и отдохнешь.

На другое утро глядит хозяин, а вол только пыхтит и не встает.

— Ничего, выздоровеет, — говорит хозяин, — а я покуда на козле попашу.

Пашет хозяин и нещадно лупит козла. Умаялся козел, весь в мыле, и все голову вверх задирает, глядит, скоро ли вечер. Вечером в хлев еле живой притащился да как начнет вздыхать. Спрашивает его вол:

— Что слышать?

— Да ничего, приятель. Только хозяин нож точит и приговаривает: «Коли вол до утра не выздоровеет, прирежу».

Хозяин в это время был в хлеву и слышал весь разговор. Не удержался он — рассмеялся. Услыхала жена, как муж смеется, и пристала к нему:

— Говори, над чем смеешься! Говори!

— Не могу. Как скажу — в тот же миг помру.

— Хоть и помрешь, а все равно говори, — не отстает жена.

Видит человек, что жена пристала, как репей, и думает:

— Все равно когда-нибудь помирать придется. А ну ее, возьму да и скажу.

Начал человек к смерти готовиться. Наварил пива, напек пирогов, приоделся, умылся и в гроб лег.

Видит пес, что хозяин помирать собрался, он и есть пере-

стал. Откуда ни возьмись, подбежал к нему петух и давай клевать его корм. Начал пес петуха бранить:

— Как же тебе не совестно? Хозяин вот-вот помрет, а у тебя один корм на уме.

А петух отвечает:

— Коли хозяин наш такой дурак, пускай его помирает. Я с двадцатью четырьмя женами управляюсь, а он и с одной не сладит.

Услыхал хозяин слова петуха, да как вскочит из гроба и говорит жене:

— Нет уж, не дожدهшься, чтобы я ни за что ни про что помер!

СМЕЛЫЙ СОЛДАТ

одного мужика завелся в овине черт. Ни утром, ни вечером не давал мужику молотить. Только днем и молотил он.

Вот однажды приходит к нему старый отставной солдат и просится переночевать. Хозяин ему говорит:

— Негде у меня ложиться.

— А я в овине лягу.

Остерег его хозяин: в овине, мол, живет черт, как бы не задушил. Солдат сказал, что чертей он не боится, и хозяин оставил его на ночь.

После ужина пошел солдат в овин и лег. Глядь — в печи еще угольки теплятся. Вскоре видит — приперся одноглазый черт. Солдат и спрашивает его:

— Не болит у тебя глаз?

— Болит, да что поделаешь?

Тогда солдат говорит ему:

— Я двадцать пять лет лекарем был — могу тебя вылечить.

Велел он черту сесть перед печью, где посветлее. Поглядел ему глаз и сказал, что в нем воспаление. Чтобы избавиться от болезни, надо принести из Москвы железную палочку, а из Петербурга крепких веревок. Черт пообещал раздобыть, только бы солдат вылечил его.

А солдат думает про себя: «Покуда он все принесет, я и выспаться успею».

Черт улетел да тут же вернулся с палочкой, с веревками и разбудил солдата:

— Лечи глаз!

Солдат говорит:

— Сейчас темно. Надо принести пней да затопить печку.

Черт все сделал. Тогда солдат взялся лечить его, только сперва остерег:

— Как стану капать тебе в глаз лекарство, ты не шевелись. Если прольется хоть одна капля, не вылечить твой глаз.

— А ты привяжи меня к колосникам, — просит черт.

Солдат привязал, а черт спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Я сам, — ответил солдат.

Раскалил он железную палочку, да как всадит черту в единственный глаз! Черт от боли вылетел вон вместе с колосниками. Влетел прямо в пекло, кричит, стонет, воет. Другие черти спрашивают:

— Ты чего орешь? Кто тебя довел до этого?

А черт в ответ стонет:

— Я сам! Я сам!

Так и не узнали черти, что с ним, только в том овине черт больше не показывался.

ЖЕРНОВА, КОТ И ГОРСТЬ КОНОПЛИ

Ж

ил один бедный человек. Перед смертью всего и оставил он, что старшему сыну жернова, среднему — кота, а младшему — горсть конопли. Похоронили братья отца и решили пойти по белу свету, поискать счастья.

Первым вышел старший брат. Взял он свои жернова и пустился в путь. Целый день шел, куда глаза глядят, куда ноги несут. К вечеру добрался до большого леса. Покуда лесом шел, стемнело. Страшно стало парню, и стал он спешить, чуть не бегом побежал. Глядь — вдалеке сверкнул огонек. Шел-шел он в ту сторону и дошел до маленькой избушки. Отворил дверь, а там старушка ужин варит.

— Здравствуй, бабушка, — говорит парень. — Нельзя ли у тебя переночевать? Пршел я долгий путь и сильно устал.

— Не могу я тебя принять, сынок, — отвечает старушка. — У меня двенадцать сыновей, и все разбойники. Скоро вернутся и, как увидят тебя, сразу убьют. Кто сюда ни попадал, живым отсюда не уходил.

— Куда же мне теперь деваться? — говорит парень. —

Спрячусь-ка я, может, и не найдут. Уж так я устал, что дальше и шагу не могу ступить.

— Как знаешь, — ответила старушка, — только не вини меня, коли беда с тобой случится. Полезай на подловку и спрячься хорошенько.

— Спасибо, бабушка, — поблагодарил ее парень и полез на подловку со своими жерновами. Покуда старушка хлопотала у печи, он сделал в потолке продох над самым столом, чтобы видеть разбойников. В полночь и они явились. Уселись за стол, высыпали кучу золота и стали его делить. Все разделили, остался один позолоченный меч. Каждый хотел получить его. Тут один разбойник вышел из терпения и крикнул:

— Чтоб вас гром разразил!

А парень на подловке только того и ждал. Повернул он два раза жернова и сбросил в продох на самый стол. Разбойники думали, что это гром, и правда, прогремел — вмиг их всех как ветром сдуло. А парень слез с подловки, собрал деньги и вышел. Вернулся он домой, купил себе земли и зажил в достатке.

Средний брат взял kota и пошел по свету счастья искать. На закате дошли они оба до большого хутора. Хозяиничал тут большой богачей. Попросился парень к нему на ночлег, а хозяин отказал:

— Нет у меня места в избе.

— Хоть в клеть пустите, — все буду под крышей.

— Признаться, с клетью у меня тоже беда, — ответил хозяин. — Крыс там развелось уйма. И ничего с ними не поделаешь, как заговоренные. Пойдешь туда ночевать — вряд ли останешься. Лучше ступай, любезный, дальше.

— Куда я ночью пойду? — просится парень. — А крысы мне не страшны.

— Ну, оставайся, дело твое, — согласился хозяин.

Пошел парень в клеть. Кот сел рядом и мурлычет. Только вылезет крыса, кот — цап ее за голову, задушит и тащит в угол. Так он работал всю ночь и отстоял парня. Пришел рано утром хозяин, отворил дверь и увидел живого-невредимого парня.

— Кто это набил столько крыс?

— Это — мой котик, — ответил парень. — Он их всю ночь душил и меня спас.

— Продай его мне. Сколько хочешь заплачу, не торгуясь,
— просит хозяин.

— Этот кот — все, что осталось мне от покойного отца, —
в нем все мое богатство. Дешево я его не продам.
Дашь столько золота, сколько он весит, тогда и оставлю его
тут крыс ловить.

Хозяин согласился на эту цену и взял кота. А парень вер-
нулся домой и завел хорошее хозяйство.

Пришел черед и младшему брату идти по свету
счастья свое искать. Взял он горсть конопли и пустился в
путь. Дошел до большого озера, сел на берегу и стал из
конопли оборы для лаптей вить. Вдруг, откуда ни
возьмись, черт:

— Ты что тут делаешь, человече?

— Оборы вью.

— На что тебе оборы?

— Буду озеро стягивать.

— Не стягивай, — просит черт, — тут у меня живут и мать
с отцом и бабушка с дедушкой.

— А я буду стягивать.

— Честью прошу, не стягивай!

— Буду, буду!

— Проси, чего хочешь, все получишь, только не стяги-
вай.

— Ну, коли насыпешь мне полную шапку золота, тогда
не стану стягивать.

— Так и быть, только обожди немного, — сказал черт и
ускакал.

Тем временем парень выкопал ямку, продырявил шапку и
ждет черта. Вот примчался тот с мешком денег и говорит:

— Подставляй шапку!

Закрыл парень яму шапкой. Высыпал черт в нее мешок
денег, а она все пустая. Принес черт другой и третий мешок.
Когда яма стала полной, наполнилась и шапка. Вернулся
парень домой с деньгами и зажил припеваючи.

ЧЕЛОВЕК И ЧЕРТ

Ж

ил один человек, да в такой бедности, что осталось ему только повеситься. Вот пошел он в лес и повстречал черта. Черт его спрашивает:

— Куда ты, человече, идешь?

— Дерево ищу, хочу повеситься.

Черт и говорит:

— Вот коли выдюжишь трое суток без сна, дам я тебе мешок золота!

Уселись они — один на одном пеньке, другой на другом — и сидят. Черт спрашивает:

— Не спишь?

А тот отвечает:

— Нет, не сплю. Думаю.

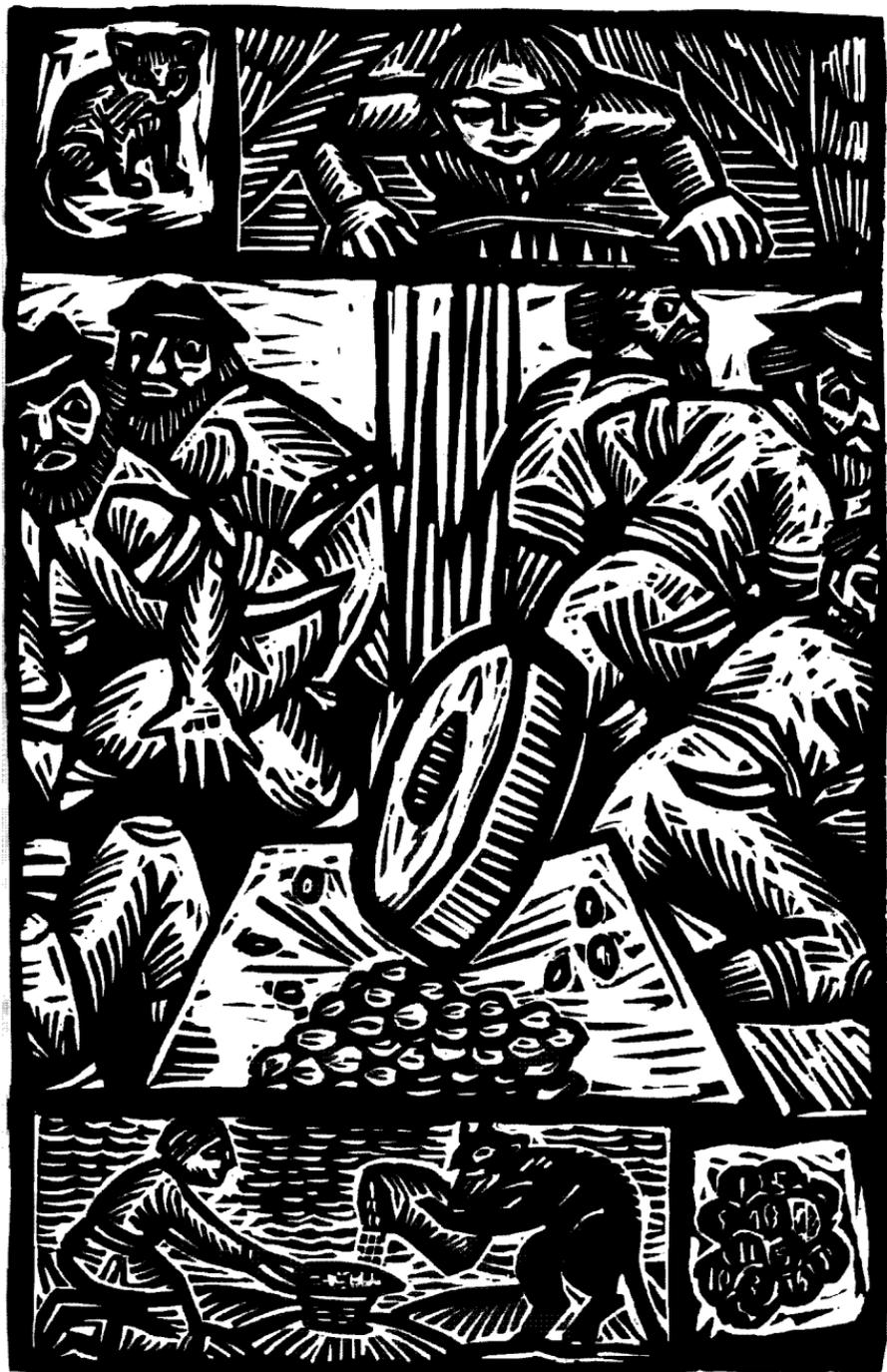
— О чем же ты думаешь?

— А каких сосенок больше: прямых или кривых?

Черт побегал, побегал по лесу и говорит:

— А ведь кривых больше.

А человек за это время выспался.

Сидят они другую ночь. Сидят-сидят, и опять черт спрашивает:

— Не спишь, человече?

— Нет, не сплю. Думаю.

— О чем же ты думаешь?

— Думаю, что воды на свете больше, чем суши.

Черт облетел весь свет и говорит:

— Твоя правда.

Сидят они третью ночь. Опять спрашивает черт:

— Не спишь?

— Нет, не сплю. Все думаю.

— О чем же ты думаешь?

— Думаю, что этот пенек и есть пуп земли.

Черт обежал всю землю и говорит:

— Твоя правда.

Отдал черт бедняку мешок золота. Принес он золото домой — а его и не сосчитать, надо меркой мерить. Только мерки у бедняка не было, он и пошел взять у соседей. А сосед, когда давал мерку, мазнул ее дегтем — хотел узнать, что бедняк мерить будет — ведь у него ничего не было.

Смерил бедняк свое золото, да одна пятирублевка и пристала к мерке. Сосед спрашивает:

— Откуда у тебя золото?

А бедняк по своему обычаю и рассказал всю правду.

Тогда и сосед надумал идти вешаться. Идет он по лесу и встречает того же черта. Черт спрашивает:

— Ты куда идешь, человече?

— Бедняк я, жить мне не на что, вот и хочу повеситься.

Черт ему говорит:

— Коли выдюжишь трое суток без сна — дам тебе мешок золота.

Уселся черт на один пень, а человек на другой. Черт и спрашивает его.

— Не спишь?

А человек возьми да и скажи:

— Дремлю.

Только он сказал это, черт ему и свернул голову.

ПЛОТНИК, ЛАУМА И ЧЕРТ

Шел по лесу плотник с топором. Шел-шел и вышел на перепутье. Глядь — по одной дороге навстречу гром идет, по другой — черт. Сошлись все трое, поздоровались.

— Куда путь держишь? — спрашивает у плотника гром.

— Да вот ищу, где бы заработать.

— Ладно, — говорит гром, — давай здесь жить.

— Давай.

Дружно взялись за дело — избушку ставят. Гром знай гнет да гнет деревья к земле и ломает. Черт когтями кору отдирает. А плотник — тук-тук топором — обтесывает. Не успели оглянуться, а уж избушка готова. Стали жить-поживать. Землю вспахали, репку посеяли.

И повадилась за репой ведьма-лаума. Что тут делать? Сговорились плотник, гром да черт по очереди репу

сторожить. Первым пошел в дозор черт. Вышел, глядит — ничего не видать. В полночь слышит: едет лаума, приговаривает:

Щелк-щелк!
Кованый возок,
Железный батожок!

Как принялась она колотить черта, как принялась лупить, тот заскулил и домой удрал — позабыл и репу.

На другую ночь пошел сторожить гром. С ним та же беда: лаума ему как следует бока намяла. На третью ночь собрался плотник. -

Взял скрипку, сел на пень и играет. В самую полночь слышит: едет лаума, приговаривает:

Щелк-щелк!
Кованый возок,
Железный батожок!

Вдруг услышала лаума музыку, тпр-р-у! — и стала. Слушала-слушала, вылезла из возка и просит плотника: научи меня играть. Подал ей плотник скрипку. Лаума водит-водит смычком — ничего у нее не получается.

— Пальцы у тебя больно толстые, — говорит ей плотник.

— А нельзя ли их потоньше сделать? — спрашивает лаума.

— Отчего нельзя, давай.

Загнал он в пенек клинья и показывает лауме:

— Суй пальцы.

Сунула лаума когти, а плотник выбил клинья, пальцы и прищемило. Поднял плотник лаумин железный батожок и давай ее оглаживать, а сам приговаривает:

— Будешь репу воровать? Будешь репу воровать?

Бил-бил плотник лауму, а она-то мечется вокруг пня, изворачивается, орет, покуда когти не обломала. Как припустилась лаума, как побежала — без оглядки! А плотник уселся в ее возок и покотил домой.

Говорит плотник грому:

— Нам все равно в одной избе не ужиться: придется одному остаться, а остальным уходить.

— Ладно, — отвечает гром. — Я останусь.

— Нет, — не соглашается черт, — лучше я останусь.

И плотник то же говорит.

— Коли так, — говорит гром, — давайте друг друга пугать. Кто не испугается, тот и останется.

В первый вечер стал пугать черт. Только он принялся за дело, как поднялся ураган, да такой — ни в сказке сказать, ни пером описать. Такой свист, такой вой и грохот кругом стоял — будто небо с землей смешалось. Однако плотник с громом не испугались.

На другой вечер стал пугать гром. Как пошел — запылали молнии, грянул гром — будто небеса обрушились. Испугался черт, выскочил в окно — только его и видели. Остались гром с плотником вдвоем.

На третью ночь стал пугать плотник. Сел он в лаумин возок и запел:

Щелк-щелк!
Кованый возок,
Железный батожок!

Подумал гром, что это лаума едет, испугался и пустился бежать без оглядки. А плотник остался в избе один и зажил припеваючи.

БАБА У ЧЕРТА НА РОГАХ

Было это раннею весной. Шла утром баба в город, и понадобилось ей перейти ручей. А он разлился. Смотрит баба, кругом — ни моста, ни перехода, а идти позарез надо. Вброд не сунешься — и глубоко и холодно. Задумалась наша баба: «Тут один черт перенесет». В тот же миг явился черт и говорит:

— Садись ко мне на рога, я перенесу.

Села баба черту на рога, и понравилось это ей, не слезает с рогов. Говорит бабе черт:

— Довольно, слезай наземь. Перенес уж.

А баба лежит на рогах — уснула. Черт и так и сяк трясет головой — не падает баба, будто приросла. Поднялся черт, стал кататься-валяться по верхушкам деревьев, а баба все не падает. Бегал-бегал черт с бабой на рогах и по горам, и по болотам, и по трясинам — а все не может ее стряхнуть. Видит — мимо леса едет гончар, горшки на базар везет.

Черт — к нему и просит:

— Смилуйся, человек. Помоги мне от проклятой бабы избавиться, сам я с ней не слажу.

— А что мне дашь за это? — спрашивает гончар.

— У меня при себе ничего нет, но я тебя щедро вознагражу, только стряхни с меня бабу.

Гончар хлестнул кнутом бабу по ляжкам. Встрепенулась она от сна, как варом ошпаренная, и шлеп наземь, словно мешок с капустой. Поднялась, поправила юбку и пошла своей дорогой. Черт и говорит гончару:

— Слушай меня, добрый человек. Теперь я пойду и вселюсь в дочь вашего короля, буду ее по-всякому мучить. Не помогут ей ни снадобья, ни чародейские заклинания, ни ксендзовы молитвы, — один ты ей поможешь. Пойдешь в королевский дворец, выдашь себя за доктора и вылечишь королеву. А лечить будешь так, как лечил бабу у меня на рогах: огреешь разок кнутом — вот и все лечение. Король тебя за это золотом осыпет. Это и будет тебе от меня наградой.

Вселился черт в королеву и начал ее мучить. Бесновалась королева — и металась, и кричала, и ругалась непотребными словами. Никто не мог вернуть ей здоровье.

Пришел гончар к королю, выдал себя за лекаря и вызвался вылечить королеву. Не больно-то поверил ему король, но до больной допустил. Катается королева по постели, беснуется, а доктор и огрел ее кнутом по ляжкам. Завертелась она волчком, села и глядит — удивляется: что это с ней? Отступился от нее черт, она сразу и унялась — перестала бесноваться. Говорит король лекарю:

— Требуй, чего хочешь, добрый человек, за исцеление моей дочери — все отдам!

— Дашь мне два гарнца золота, с меня и довольно, — отвечает гончар.

— Ты и заслужил, — сказал король и дал ему два гарнца золота.

Перестал гончар делать горшки, купил большую усадьбу и зажил припеваючи. В доме у него был полный достаток, он и для людей ничего не жалел, не скупясь помогал беднякам.

Вот прискакал к нему черт и говорит:

— Что же это ты делаешь? Я тебе помог добыть деньги, а ты раздаешь их всяким нищим! Нет чтобы поста-

вить пивную — стал бы моим помощником. Ладно, позапомню я тебе!

И улетел черт.

Однажды приехали к гончару двое королевских слуг и говорят:

— Любезный доктор, наша королева опять захворала прежней болезнью. Еще хуже прежнего стала. Просит король тебя приехать и вылечить ее. Смилуйся, спаси несчастную.

Понял человек, что это проделка черта. «Теперь-то он мне не поможет», — думает. Поехал, а сам опасается. И правда: хлестнул королеву раз, огрел другой, добавил третий, а черт только сверкает из угла кошачьими глазами и посмеивается над ним. Еще и язык показал.

И не придумает человек, как быть дальше. А королева бьется на кровати, орет, непотребными словами ругается. Самому доктору уж не по себе стало. Поглядел он в одно окно, поглядел в другое, да как закричит:

— Эй, люди, запирайте все ворота, все двери, идет сюда баба, что у самого черта на рогах скакала!..

В тот же миг черт как кинется вон — вместе с окном вылетел. Королева выздоровела, а черт отвязался от того человека, — ведь он пуще всего бабы боялся.

ТРИ БРАТА

Было в одной семье двое умных братьев, а третий дурак. Вздумали они однажды по белу свету постранствовать, счастья поискать. Умные одной дорогой пошли, а дурак по другой отправился. Только отошли умные братья — слышат, зовет их дурак:

— Эй, братья! Подите сюда, поглядите, что я нашел!
Говорят умные братья:

— Пойти, что ли, поглядеть. Может, дурак и путное что нашел.

Подошли к нему и спрашивают:

— Ну, что ты нашел?

А тот зуб от старой бороны показывает и говорит:

— Видали, братцы, какой у меня вертел? Будет на чем лося жарить!

Плюнули братья и говорят:

— Дурак дураком и останется. Лося и в помине нет, а он

зубом от бороны тешится. — Плюнули и пошли своей дорогой.

Только они отошли, а дурак опять зовет:

— Братцы, эй, братцы! Подите сюда, что я еще нашел!

Советуются братья: идти или не идти. Наконец решили:

— Пойдем, что ли, поглядим. Авось, дурак и взаправду что путное нашел.

Подошли братья, глядь — стоит дурак перед сухой ивой. Спрашивают они:

— Чего ты орешь? Говори, что нашел.

— Глядите, братцы, какое дерево сухое! Будет чем костер развести, лося жарить!

Говорят братья:

— С дураком только свяжись: лося и в помине нет, а он знай орет...

Повернулись и пошли своей дорогой, а дурак своей. Только успели отойти братья, дурак кличет опять их:

— Эй, братцы, сюда идите! Поглядите, что я нашел!

Умные братья и слушать не хотят, а дурак все кричит, не понимает.

— Что он кричит и кричит? Пойдем взглянем, вдруг, и вправду, что путное нашел.

Подошли и спрашивают:

— А теперь что?

Отвечает дурак:

— Глядите — лось!

Убили они лося, приволокли сухую иву, вертел принесли, только вот огня нет. Глядь — впереди огонь горит, дым от костра валит. Пошел туда старший брат, а у костра сморщенный старичок сидит. Брат и просит:

— Дедушка, дай огонька.

Отвечает старик:

— Скажешь сказку, чтобы ни единого слова правды не было, дам огня, а не скажешь — ремень из спины выкрою.

Старший брат и так и сяк врет, а ничего не выходит. Выкроил старик у него ремень из спины, ушел брат ни с чем.

Тогда средний брат пошел. А старик опять свое:

— Скажешь сказку, чтобы ни единого слова правды не было — дам огня, а не скажешь — ремень из спины выкрою.

Плетет-плетет другой брат, а ничего не выходит. И у этого старик ремень из спины выкроил. Теперь пошел за огнем дурак, а старик все свое твердит:

— Скажешь сказку, чтобы ни единого слова правды не было — дам огня, а не скажешь — ремень из спины выкрою.

Отвечает дурак:

— Я-то расскажу, только чур уговор: как скажешь «врешь», два ремня у тебя из спины выкрою.

Согласился старик.

Вот дурак и стал рассказывать:

— Раз иду я лесом и вижу дупло. Подошел ближе, заглянул, а там полно дятлов. Я в дупло забрался, всех дятлов перебил, общипал, выпотрошил, костер разжег, опалил дятлов, поджарил и съел. Стал из дупла вылезать, а вылезти не могу. Сходил домой за топором, сделал лаз пошире и вылез. Пошел опять лесом, слышу — гремит, трещит, свистит — прямо на меня что-то несется. Вижу — девять косуль на одной ножке скачут. Я по ножке хватать! — ножка чик! — и переломилась. Я косулям головы свернул, ободрал их, дальше пошел. Иду-иду лесом, вдруг как завоет, зазвенит, заревет, засвистит! Гляжу — девять волков одну пчелу дерут. Я волков разогнал, пчелу поймал, с собой взял. Покуда шел, пчела мне меду нанесла — целых девять козьих шкур. Шел я, шел и подошел к речке. Пошел по мостику и провалился. Семь шкур в воду упали, мед и растаял. Что тут делать! Жалко сладкую водицу оставлять, а хлебать нечем. Подумал я, подумал, да и снял с головы череп. Как принялся я сладкую водицу хлебать, как принялся! Хлебал-хлебал, покуда сладкая шла, и пошел дальше. Иду-иду, а люди надо мной смеются. Спрашиваю, чего это они надо мной потешаются. А они и говорят: «Гляди, у тебя черепа на голове нет». Схватился я за голову — все пальцы в мозгу и увязли. Плюнул я и пошел обратно. Взял свой череп, нахлобучил на голову и пошел. Остались у меня только три шкуры с медом, а в остальных семи — один воск. Я из того воска лошадку вылепил и поехал верхом. Подъехал к корчме, лошадку привязать не к чему. Отломил ивовую ветку, в землю воткнул, лошадку привязал. Вошел в корчму, а там — ни души. Я назад к лошадке, глядь, ива моя — уж до самого неба выросла. Принялся я на эту иву лезть, лез-лез, на самое небо влез. Тут же три шкуры с медом господу богу отдал. А господь бог мне семь коров подарил. Подогнал я их к той дыре, в которую на небо влез, глядь — а моя лошадка с ивой далеко в сторону отошла. Вот и думаю я, как мне быть. Погнал всех коров к святому Петру и сменял их на пять мешков

мякины. Как примусь я из этой мякины веревку вить, вилвил, да и свил. Забил в небо кол, привязал веревку и стал спускаться. Спускался-спускался, веревки не хватило, я и повис на ней. А тут ехали парни в ночное и подо мной костер развели. Ветром из костра искру занесло, у меня во лбу выгорело дупло. Тут прилетел рой пчел и в дупле сметался, стали мед носить. Носили мед, носили, покуда не отяжелел я. Веревка не выдержала, оборвалась и упал я в пекло.

Старик и спрашивает:

— Что же ты в пекле увидел?

Дурак отвечает:

— Гляжу — мой отец на твоём отце верхом скачет.

Старик как закричит:

— Врешь! Быть того не могло!

Тут дурак схватил его, выкроил из спины два ремня, взял огня и к братьям вернулся. Изжарили они лося и наелись.

КТО ВСЕХ БОЛЬШЕ?

Ж

ил в древние времена один старик, и было у него три сына, бык и коза. Бык этот был такой огромный, что ему все время поила не хватало. Вот отец и говорит сыновьям:

— Поезжайте к озеру, напоите быка, а то ему все мало и мало.

Уселись все три сына на быка — один между рогами, другой на спине, а третий у хвоста. Ехали они, ехали, и повстречался им всадник. Старший брат велел этому всаднику поздороваться со средним братом. Всадник скакал три дня и три ночи, покуда не добрался до среднего брата и поздоровался с ним. А средний брат велел ему поздороваться с младшим. И опять скакал всадник три дня и три ночи, доскакал до последнего брата и поздоровался с ним.

Добрались братья до озера, выпил бык всю воду и пошел на другой берег травку пощипать. А братья прилегли на лужок и заговорились. Прилетел в это время орел, схватил быка и унес.

Порешили братья вернуться домой и обо всем рассказать отцу. Выслушал их отец и говорит:

— Ничего не поделаешь, зато у нас еще коза есть. Я уж сам попасу ее.

И отвел козу на выгон. Покуда пас ее, начался дождь. Старик взял и укрылся у козы под бородой. Тут прилетел орел и хотел козу схватить. А старик вылез из-под бороды, орел испугался и улетел. Скоро он воротился опять с ребром того быка. Старик задрал голову — поглядеть, а орел со злости и ткнул ребро ему в глаз. Старик потер глаз, подумал, что туда дождевая капля попала или еще что, и повел козу домой.

Поднялся он на другое утро, а глаз у него изрядно режет. И говорит старик одному из сыновей:

— Лезь ко мне в глаз, погляди, что там.

Влез сын в глаз, искал три дня и три ночи и нашел бычье ребро. Тащил его, тащил, так и не мог вытащить и вылез из глаза. Тогда старик созвал мужиков с лошадьми и цепями, а сыну велел влезть в глаз и накинуть на то ребро цепь. Как только цепь накинута, впрягли трех лошадей, вытащили ребро и выбросили.

За долгие годы ребро это землей покрылось, и на том месте построились три двора. Только один конец ребра все еще торчал из земли. И каждую ночь приходила туда лиса, грызла его, ворочала так, что избы тряслись, покуда не рушились. И опять их ставили, и опять они рушились. Так случалось чуть не каждые десять лет.

Однажды сговорились хозяева этих трех дворов пойти

покараулить. Сидят они и видят — лиса подкрадывается. Как принялась она ребро грызть, сразу все избы задрожали.

На другую ночь принесли мужики мушкет, чтоб лису пристрелить. Только пришла лиса, прицелились они и убили ее. Видят, что шкура лисья красоты неописанной, и давай сдирать ее. Ободрали один бок и хотели было повернуть лису на другой. Тужились-тужились, ничего не выходит. Ваги приволокли — опять ничего поделать не могут. Пошли они мужиков на подмогу звать.

А в это время шла мимо одна старушка. Увидела красавицу-лису, живо ее на другой бок перевернула, шкуру содрала, унесла домой и отдала выделывать скорняку. А к выделанной шкуре добавила пятьсот овчин и сшила сыну шапку.

Кто же всех больше был?

ВОСКОВАЯ ЛОШАДКА И СВЕКОЛЬНАЯ ПОВОЗКА

Был я пастушонком, матушкиных кур стерег. Охота мне было и коров попасти, как другие деревенские ребята, да матушка не пускала. Бывало, говаривала: «Обожди годочка два, подрастешь, будешь тогда и коров пасти, и овец».

Матушка держала пчел, и давали они много меду и воска.

Как-то раз слепила мне матушка из воска лошадку, смастерила из свеклы повозку с оглобелками из ботвы, одела меня в сметанный кафтан, обула в стеклянные сапожки, нахлобучила на голову сахарную шапочку, усадила на повозку и отпустила покататься, а напоследок сказала: «Только смотри, воротись живой-здоровый, со всем добром!»

Поехал я. Дорогой лошадка чего-то напугалась и понесла — по полям, по лугам, за тридевять земель, а под конец устала и остановилась у придорожной корчмы.

Пока я очнулся, сбежались козы да свиньи корчмаря и сожрали мою повозку. Я и сам еле успел вскочить на лошадку и поскакал домой верхом.

Матушка встретила меня с большой хворостиной, да как примется кричать, как примется бранить за то, что я без повозки вернулся. Испугался я и пустился бежать. Перескочил через забор и убежал в лес. А куда бежал, то сапожки разбил, кафтан растекся, а шапочка растаяла.

Забрался я в чашу, влез на дуб и сижу. Вижу — комары вокруг меня жужжат — один трехлетка, другой — лет пяти. Сел я на пятилетнего, он и занес меня в аистиное гнездо.

В гнезде том полно было всяких веточек, тряпочек, пакли. Завернулся я в паклю и уснул. А в это время пришел охотник, взял из гнезда паклю вместе со мной, сделал пыж, забил в ружейный ствол, хорошенько умял, да как выстрелит!

Так долетел я до своей избы, пробил крышу с потолком и очутился в своей постели.

КАК ПОССОРИЛИСЬ БЫЛО СТАРИКИ

Была у старика со старухой коровушка Пеструха. Как-то раз обедали они, а коровушка стояла у отворенного окошка и жвачку жевала. Показал старик старухе на коровушку да в шутку и скажи:

— Глянь, баба, коровушка-то тебя передразнивает.

Старуха осерчала и хлоп корову ложкой по лбу. Кувыркнулась та вверх тормашками и окачурилась. Рассердился старик на старуху, дал ей посошок с сумой и выгнал из дому.

Заплакала старуха и ушла. Побродила-побродила по людям и нигде не нашла места голову приклонить. Под вечер доковыляла она до леса. В глухой чаще попался ей беленький домик, в котором жила коза. А домик тот был не простой: стены из сыра, крыша из блинов, печка из масла. Вошла старушка в домик.

— Здравствуй, милая козочка, — говорит. — Весь день я проходила, а нигде места не нашла голову приклонить. Может, ты, козочка, примешь меня под свою крышу хоть на одну ночь.

— Милости просим, бабушка, места хватит, — и приняла козочка старушку.

Поутру козочка и говорит:

— Я пойду в лес, а ты, бабушка, постереги мой домик, покуда не вернусь.

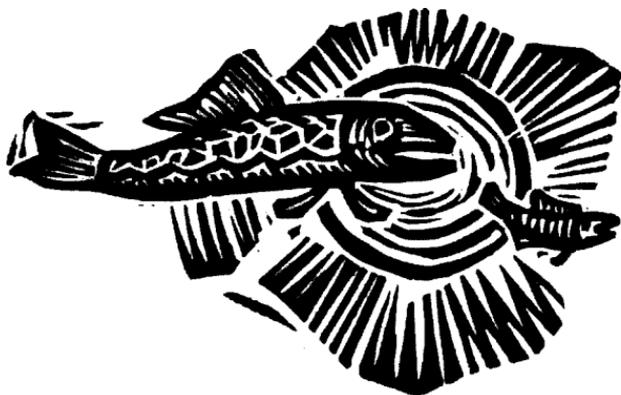
— Ладно, постерегу, — согласилась старушка.

Нечего ей было делать, она прилегла на минутку. А как прилегла, сразу и заснула. Слышит старушка сквозь сон — кто-то скребется. Проснулась и видит — три козули домик грызут. Уж целый угол отъели, насквозь все видать. Испугалась старушка, скорехонько оделась, отломил кусок сыру от угла, прихватила маслица от печки и припустилась бежать.

Пришла домой, тайком от старика влезла на чердак, забралась в угол и сидит.

Старик повесил в сенях котелок и стал варить ужин. Старушка отщипнула кусочек масла и плюх в котелок. «Киш, окаянные, котелок мне загадите!» — выругал старик куриц, что на чердаке сидели. А старушка подождала немного и опять кинула в котелок кусочек масла. «Киш, сквернавки!» — опять выругал старик куриц. Старушка в третий раз кинула кусочек масла. Старик вышел из терпения, схватил палку и полез на чердак, приговаривая: «Вот как задам, как задам этим курицам, не будут они кидаться чем не следует!» Влез, глядит — а это старуха сидит, скорчившись, и дрожит в уголке. Пожалел старик старуху, повел ее в избу горячий ужин есть, и снова они зажили припеваючи.

РАК-ПЕВЕЦ

П

ошел я как-то раз на озеро порыбачить. Закинул удочку и жду. Глядь, поплавок — бульк, бульк! Вскинул я удочку, а на крючке что-то большущее бьется. Прямо вздрогнул я. Глядь, а это ворона. Думаю, как же могло приключиться такое? А тут кто-то как закричит у меня над головой, как заверещит! Поднял я голову — да это щука за уклежкой гонится, а уж та голосит, та орет — прямо в поле отдается. Ладно еще, что уклейка в лес юркнула, оттого и жива осталась.

Покуда я глядел, как уклейка от щуки удирала, сам удилице в землю воткнул. После взялся за удочку, глядь, а удилице принялось, корни глубоко пустило, ветвиться стало, листьями покрылось, а среди веточек поет кто-то, да так сладко разливается, слаще соловья. Пригляделся я, а на одном листочке сидит преогромный рачище и поет.

Принес я его домой, он и по сей день у меня распевает.

КАК ЧЕЛОВЕК СКОТИНУ ПОКУПАЛ

ел однажды лесом человек и увидел высоченное дерево. До самого неба оно доставало. Захотелось человеку поглядеть, что на небе делается, и полез он на это дерево. Лез-лез, и влез на небо. Глядь — а там скотная ярмарка. И дешева же на небе скотина — лошадь за одну муху идет, а корова — за комара. И задумал человек поднажиться, только на небе ни мух, ни комаров не нашлось. Воротился он на землю, наловил мешок мух да комаров и опять на небо влез.

Закупил человек на небе стадо скотины и ведет ее по облакам к тому высоченному дереву. Только смотрит, а дерево бурей повалило. Пригорюнился бедняга: и скотину домой не пригонишь, и сам, чего доброго, на небе останешь-

ся. Подумал-подумал, всю скотину перерезал да ободрал, а из шкур длинную-предлинную веревку свил, один конец к порогу привязал и стал на землю спускаться. Спускался он, спускался, вот уж и землю видать, только веревки не хватило.

Болтается человек между небом и землей и раздумывает, как быть дальше. В это время внизу люди хлеб молотили, пыль столбом поднялась. Что бедняге делать? Начал он эту пыль ловить да веревку свою надставлять. Только пыль скоро кончилась, а до земли все не достать. Поднялся тут сильный ветер да как начнет его мотать! Веревка оборвалась, а человек наземь свалился. Свалился и прямо в болото угодил. Тонул-тонул, вот уж одна макушка виднеется. Так и просидел в болоте всю осень и зиму.

Весной у него на голове, словно на кочке, свили гнездо дикие гуси, положили восемь яиц и высидели восемь гусят. Обрадовались гуси, приплода дождавшись, и комара на пир позвали. Прилетел комар, уселся в гнездо и начал было пиво пить. Тут человек руку из болота высунул и хватать комара за ногу, а тот с перепугу взлетел и человека из болота вытащил.

ДВА ЛГУНА

Ходили по свету два лгуна, один впереди, другой за ним следом. Придет первый в какую-нибудь деревню, наговорит всяких небылиц, а через три дня другой явится и его слова подтвердит, да еще кое-что от себя добавит.

Однажды первый лгун забрел в дальнюю деревню и давай молоть:

— Какие у вас птицы мелкие! Вот в наших краях водятся такие огромные, что, когда такая птица против солнца пролетает, его шесть часов подряд не видно.

Слыша такие небылицы, все только головами качали да диву давались. А лгун наговорил с три короба и дальше отправился. Через три дня пришел другой лгун, подтвердил все, что первый рассказывал, и еще добавил:

— По правде сказать, самому мне не довелось повидать, как наши птицы против солнца пролетают. Зато видал я однажды перо такой птицы — сто десятин накрыло, а стебло у него было такое широкое, что в нем могли люди жить.

Тем временем первый лгун явился в другую деревню. Пора была осенняя, и там убирали овощи. Поглядел лгун

и давай смеяться, что капуста в деревне такая мелкая:

— Вот у нас в деревне капуста: из одного кочана сто бочек нарубают.

Вслед за ним пришел в эту деревню и другой лгун. Спрашивают его люди:

— Как нынче в ваших краях овощи уродились? И правда ли, будто у вас капустные кочаны такие огромные?

А лгун отвечает:

— По правде сказать, не видал я, как бабы капусту рубили. Зато видал, как с огорода кочерыжку везли. Так вот, братцы, двенадцать коней еле с места ее сдвинули. Самого короля на стольких конях не возят. А воз был такой высокий, что пришлось поставить помост, чтобы влезть на него!

Тем временем первый лгун пошел дальше. В одном селе позвали его на свадьбу. Среди прочих угощений подали на стол преогромный сыр. Вот и спрашивает хозяин:

— Скажи, гостюшка, видал ты когда-нибудь такой большой сыр?

Отвечает ему лгун:

— Разве это большой! Такой ли еще сделали однажды мои родители! Когда его отжимали, двенадцать коней согнали, чтобы размять его — людям не под силу было.

Тут все хозяйки всплеснули руками:

— Ах, батюшки! Подумать только!

Через три дня пришел туда другой лгун и добавил:

— Сам я не видал, как тот сыр делали, зато своими глазами видал, как его на куски резали. В толстом конце нашли кобылу, а в тонком жеребенка — они там увязли, выбраться не могли...

В следующей деревне первый лгун рассказывал, какая у него изба:

— Когда ее достраивали, плотники в обед и на ночь топоры и пилы на облака складывали — вот какая у нас изба высокая!

Ушел первый лгун, а через три дня остановился в той же деревне другой лгун. Спрашивают его люди:

— Скажи, добрый человек, видал ты когда-нибудь такую высокую избу, про которую нам тут рассказывал один странник?

А лгун отвечает:

— Как строили избу, я не видал, но когда достроили, сам глядел и дивился: по вечерам на крышу ее взлетали куры и прямо с неба звезды клевали. Только вот месяца отведать им не довелось — он с другой стороны вставал.

Долго ли они еще так по свету ходили и небылицы городили — не слышал. Услышу — непременно расскажу.

СТАРИК И СТАРУХА, ПЕТУШОК И КУРОЧКА, БОБОК И ГОРОШИНА

Жили-были старик и старуха. У старика был петушок, у старухи — курочка. Вот рылись они однажды в мусорной куче и нашли: петушок — бобок, курочка — горошину. Посадил старик бобок и горошину под лавкой. Росли-росли бобок с горошиной, до лавки доросли. Прорубил старик лавку, чтобы бобок с горошиной выше

выросли. Стали опять расти бобок с горошиной, до стола доросли. Старик и стол прорубил. Росли-росли бобок с горошиной, до окна доросли. Старик окно прорубил. Доросли бобок с горошиной до потолка — старик потолок прорубил. Доросли бобок с горошиной до крыши — старик крышу прорубил. Росли-росли бобок с горошиной, до самого неба доросли. Захотелось старику и старухе на небе побывать. Лезет старик по стеблю бобовому, а старуха — по гороховому. Долго лезли, наконец на небо взобрались, просят у бога, чтобы ночевать пустил. Бог и говорит:

— Ладно, полезайте на печь, только пирогов не трогайте.

— Не тронем, — ответили старик со старухой и взобрались на печь. А ночью проснулась старуха и говорит старику:

— До чего вкусно боковы пироги пахнут. Вот бы отведать?

— Не тронь! — говорит старик. — Бог осерчает.

Послушалась старуха и заснула. Потом опять проснулась и говорит старику:

— Не утерплю — отведаю.

Только она отведала пирога, квашня рассыпалась, и все тесто на печь вывалилось. Старик со старухой клепки от квашни складывают, горстями тесто собирают, а ничего поделывать не могут.

Наступило утро. Только запели петухи, и квашня сама сложилась, а тесто в квашню вернулось. Приходит бог и спрашивает:

— Ну как, не трогали моих пирогов?

— Нет, — отвечают старики.

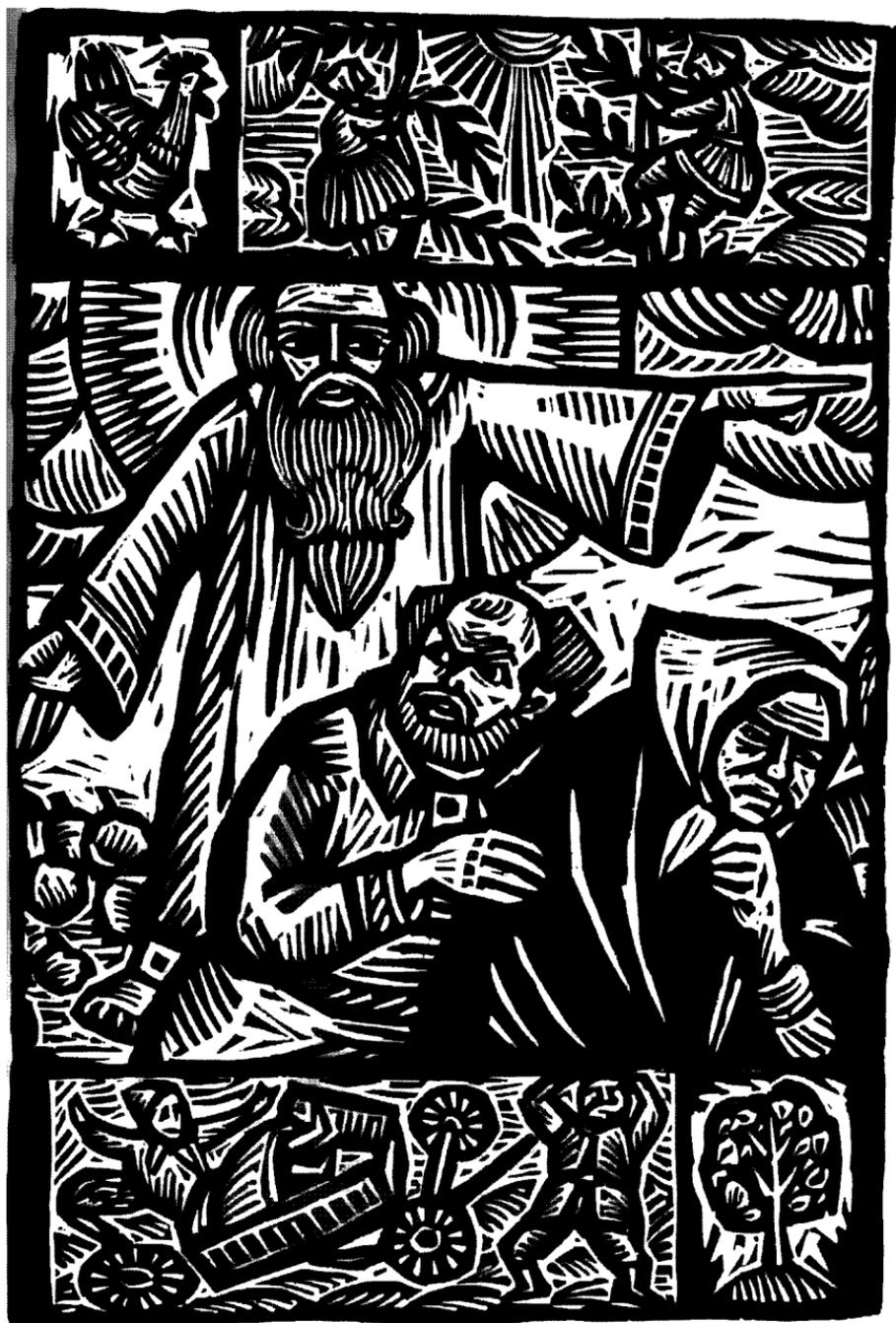
Рассердился бог и обоих с неба прогнал.

На другой день старики опять на небо взобрались и просят:

— Боже, боже, пусти переночевать.

— Идите в сад, только яблок не трогайте.

Старик со старухой обещали ничего не трогать и пошли в сад. Проснулась ночью старуха, и захотелось ей узнать, вкусны ли в боговом саду яблоки. Говорил ей старик, чтобы она яблок не трогала, да старуха не утерпела — сорвала одно яблоко. Только сорвала, как все яблоки с деревьев посыпались. Перепугались старики, не знают, что и делать. Старик принялся волосы у старухи вырывать да яблоки к ветвям подвязывать — не держатся яблоки да

и только. А как пропел петух, так все яблоки сразу к веткам приросли. Пришел утром бог и спрашивает:

— Ну как, не трогали яблок?

— Нет, не трогали, — отвечают старики.

Рассердился бог пуще прежнего и прогнал стариков.

На третью ночь старик со старухой опять на небо взобрались и просят у бога, чтоб ночевать пустил. Говорит бог:

— Ладно, идите в сарай, только телегу не трогайте.

Пообещали старик со старухой ничего не трогать и пошли ночевать в сарай. Ночью проснулась старуха и говорит:

— Ой, как хочется на боговой телеге покататься!

— Не трогай! — просит старик. — Беда будет!

Не послушалась старуха, на богову телегу села да поехала. Телега и развалилась. Старики и так и сяк дощечки складывают, колеса шинами стягивают — ничего поделывать не могут. Наступило утро, опять петушок запел, и телега сама собралась, стала такая же, как раньше была. Приходит бог и спрашивает:

— Ну как, не трогали телегу?

Старики опять за свое.

— Ничего мы не трогали, — говорят.

Вконец озлился тут бог, стариков с неба взашей вытолкал. Бобовый и гороховый стебли обломились, старики так и грохнулись на землю. Теперь, говорят, опять петушка с курочкой откармливают...

МЕСЯЦ, ВЕТЕР И МОРОЗ

Б

ыли у старика со старухой три раскрасавицы дочери.

Приехал однажды Месяц-жених сватать старшую дочь. Старики с радостью согласились выдать дочь за Месяца и тут же сыграли веселую свадьбу.

Немного спустя поехал старик погостить к зятю-Месяцу. Дочка напекла на лысине мужа блинов и вкусно накормила отца. Очень эти блины старику понравились. Вернулся он домой и попросил старуху у него на плечи блинов напечь. Только никаких блинов не вышло: сколько их ни пекли, они все сырые были.

Через некоторое время приехал Ветер-жених свататься к средней дочери. Старики с радостью согласились выдать дочь за Ветра и тут же сыграли веселую свадьбу. Осталась у стариков только младшенькая дочка.

Немного спустя поехал старик погостить к зятю-Ветру. А дело было летом. Приятно провел день старик, а вечером и спрашивает зятя:

— Где же мы спать ляжем?

— А на крыше.

— Как так на крыше? Свалимся ведь.

— Я поддержу, и не свалимся, — сказал Ветер.

Улеглись все на крыше. Ветер все время подпирал тестя, чтоб не свалился. Очень понравилось старику спать на крыше.

Вернулся он домой и говорит жене:

— Вот что, старуха, давай вечером ляжем спать на крыше.

— Еще чего выдумал, старый? Свалимся ведь.

— Не свалимся, голубка, нас Ветер поддержит. Ведь я у него спал на крыше. Так-то хорошо было!

В сумерки пошли старики спать на крышу. Только улеглись, закрыли глаза, как вверх тормашками с крыши покатились и бух! — наземь грохнулись, да так расшиблись, что лишь через полчаса очухались и пошли спать в свою избушку. И бранила же старая старика, а тому и сказать в ответ нечего.

Через несколько месяцев приехал Мороз-жених свататься к младшей дочери. Старики опять с радостью согласились выдать последнюю дочь и тут же сыграли веселую свадьбу.

Обождал малость старик и поехал гостевать к зятю-Морозу. И у зятя-Мороза ему понравилось. Сбрил Мороз тестю бороду и повел париться в баню. А в бане было страх как жарко. Только вошел туда старик, сразу закричал: «Жарко, жарко!» Мороз просунул в дверную щелку палец, а старик все свое: «Жарко, жарко!» Мороз опять просунул палец в щелку. И все равно было еще жарко. Только когда Мороз в третий раз просунул в щелку палец, в бане стало в меру тепла, и старик всласть напарился. Приносит Мороз ему зеркало. Старичок погляделся и ахнул: вон как помолодел!

Приехал он домой, а старуха не узнает его. Подивилась она и спрашивает:

— Чего это ты, старик, так помолодел?

— А вот натопи как следует баню, — говорит ей старик, — тогда и ты помолодеешь.

Натопила старая баню, да так, что и не войдешь. Старик вырезал в двери щелку и впустил старуху в баню. Только вошла она, как сразу закричала: «Жарко, жарко!» Старик просунул в щелку палец. А старуха опять кричит: «Жарко, жарко!» Старик опять просунул в щелку палец. А старуха все свое: «Жарко, жарко!» Старик еще раз просунул палец — старая и перестала кричать. Старик подумал, что она парится, и стал ждать. Подождал-подождал и спрашивает: «Ну что, готова?» Старуха не отвечает. Он еще подождал, а потом отворил дверь, глядь — она мертвая лежит, задохнулась. Горько заплакал старик по своей старухе.

И пришлось ему после ее смерти жить у зятьев.

СИРОТА И ВЕЛИКАН

Н

е знаю где, не знаю когда, только умерли у одного паренька родители, и остался он сиротой. Не было у него ни кола, ни двора, вот и задумал он побродить по белу свету, пристанища поискать.

Всего и было у сироты на дороге что творогу узелок да кусочек сыра, а в руке он нес дубовый подожок. Шел он, шел и видит птичку, — устала, лежит на земле как мертвая. Взял сирота ее отогреть, сунул за пазуху и дальше идет. Увидал гору и поднялся на нее, чтобы оглядеться. Там он повстречал страшного великана. И тот вздумал его убить. Сирота ткнул подожком ему в ногу, прямо в палец. Великан как взвояет от боли, как запрыгает.

— Полно, полно, — говорит сирота. — Чего так орешь? Я ведь только чуть приложился подожком. Что же будет,

когда я по заду хвачу? — А сам подождом уж замахивает-

Взмолился великан:

— Ой, не бей! Давай-ка побратаемся, подружимся! Больно уж злой твой подождок. Посмотрим лучше, у кого силенок побольше. — Взял великан колоду да так ее стиснул, что сердцевина закипела.

— Это еще что, — говорит сирота, — вот я сейчас камень сожму. — Взял он узелок с творогом да так сжал, что сыворотка потекла.

— Ну и силища! — говорит великан. — Теперь поглядим, кто из нас дальше кидает.

Взял великан камень величиной с голову и далеконько закинул, а сирота вынул из-за пазухи птичку, да как кинет! Летела она, летела, покуда не скрылась вдалеке.

Вот это закинул!

Побоялся великан дальше с сиротой силами меряться, позвал его домой к своим братьям и все им рассказал. Испугались братья и порешили сироту ночью убить. Взяли они железную полосу да по подушке ударили так, что кровать развалилась. Думают — голову сироте размозжили. А тот нарочно с вечера в ногах улегся, а на месте головы горшок положил. Как обрушилась кровать, вскочил он и крикнул:

— Кто это мою кровать задел? Где мой подождок?

Испугались великаны и скорее — в дверь, а сироте дом свой оставили и после стороной его обходили.

ПРО ВЕЛИКАНА — СЫНА КУЗНЕЦА

Жил когда-то кузнец, и был у него единственный сын, да такой силач, что в три годика на медведя ходил. А когда сыну двенадцать лет исполнилось, выковал отец ему двенадцатипудовую железную палку и отпустил на все четыре стороны: авось, службу какую найдет, кус хлеба себе заработает.

Идет сын, на палку опирается. Глядь — при дороге мужики четырьмя сохами землю пахут. Увидели они такого здоровенного парня, да еще с железной палкой, испугались, во все стороны разбежались. Подошел великан к одной сохе, взялся было пахать, только стоя до сохи не достает — мала она ему. Встал он тогда на колени, так и пашет. Пахал, куда лошадь из сил не выбилась. Стал он на другой лошади пахать, и эту скоро умучил. Умучились от пахоты и третья и четвертая лошади — на ногах не стоят. Зато великан целое поле вспахал.

Вечером сунул он одну лошадь в карман, другую в другой, третью лошадь в рукавицу положил, а четвертую в горсти зажал и идет к хозяину, которому поле вспахал. Пришел, лошадей на землю поставил и спрашивает: — Может, еще какая работа найдется?

Хозяин говорит:

— Найдется. Надо пни корчевать.

Ночь переспал великан, наутро встал и пошел пни корчевать. Только подсунет палку под корни — пень и выскочит. Часа не прошло, а великан столько пней накопывал, сколько пятеро мужиков за неделю не выкорчуют. А люди еще пуще великана забоялись.

Пришло время обедать, а никто не отважится великану поесть отнести. Наконец одна женщина понесла ведро борща, пять караваев хлеба и бочонок пива. Великан борщ и хлеб съел, а пива только полбочонка выпил.

Кончил он корчевать пни, взял бочонок под мышку и пошел домой. Дорогой видит — человек на ели висит. И говорит ему удавленник:

— Дай мне пивка испить.

Подавал великан ему бочонок. Пил-пил удавленник — все пиво выпил. Рассердился великан и давай его палкой дубасить. Дубасил-дубасил, покуда у того веревка не оборвалась. Упал удавленник на землю и весь рассыпался. А из него куча денег вывалилась.

Великан ссыпал деньги в пивной бочонок, вернулся к хозяину и говорит:

— Отдай мне за работу этот бочонок.

Жалко было хозяину нового бочонка, да побоялся он, что великан его поколотит, и согласился:

— Бери уж.

Ушел великан от этого хозяина и всех встречных спрашивает: может, кому нужно пни корчевать или еще какая работа найдется.

Показали ему люди на барское поместье. Как попросил он работы, барин до того перепугался, что язык у него отнялся.

Потом велел батракам насыпать пять мешков песка да запречь лошадей и говорит великану:

— Ладно, вот тебе работа: отвези это зерно на мельницу и смели.

А мельница эта стояла на острове, посреди озера, и

хозяйничали на ней бесы. Думает барин: «Поедет туда великан с песком, а черти его и задушат. Вот и отвяжусь от незваного работника».

Уехал великан. Вот и озеро. Только моста на остров нет, а вброд не проедешь. Великан недолго думал, начал вырывать с корнем деревья и в воду бросать. Мигом вырос преотличный мост через озеро, и великан подъехал к мельнице. Смотрит — на мельнице ни души, а жернова сами собой вертятся. Высыпал великан один мешок, а сам пошел лошадей распрягать. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочила стая бесенят, обступили они его, да как запрыгают вокруг! То за волосы теребят, то за нос хватают!

Сперва великан их добром просил отстать, а как бесенята не послушались, начал их палкой оглаживать. Сразу разбежались — кто куда.

Подошел великан к жерновам и видит, что они не зерно мелют, а песок. Схватил он свою палку и давай по всей мельнице бесенят разыскивать, а сам приговаривает:

— Вот я вам покажу! Зачем мою пшеницу песком подменили?

Разыскал бесенят и опять давай им палкой шкуру отделявать.

Кричат бесенята:

— Не подменяли мы, знать ничего не знаем! Ты сам песок привез!

А великан слушать ничего не хочет. Лупил-лупил их, куда ему песок на пшеницу не обменяли.

Смолол великан зерно, сложил мешки с мукой в телегу, глядь, а лошадей-то и нет! Вернулся к бесам — и на этот раз стал их палкой уму-разуму учить, чтобы ему лошадей вернули. Вопят бесы:

— Твоих лошадей волки съели.

А великан и слушать их не хочет. Пришлось бесам дать великану пару резвых рысаков, хоть его лошадей, и вправду, волки съели. Запряг великан рысаков и домой приехал. Барин как вышел к воротам, так и остолбенел: выпроводил великана на клячах, а вернулся он на рысаках, да еще пшеничной муки из песка намолол. Испугался барин и выдал за него родную дочь, чтобы только великан ему ничего худого не сделал.

ХИТРЫЙ МУЖИК

У

ДУРАЧОК

У одного человека был сын, и все его называли дурачком.

Отпустил его как-то отец к бабушке, а когда сын вернулся — спросил:

— Дурачок, что тебе дала бабушка?

— Что она даст? Иголку дала.

— Куда же ты ее дел?

— Проезжал мимо воз сена, я и воткнул ее в сено, а потом сколько ни искал — не мог найти.

— Эх, сынок, — сказал отец, — иголку надо было воткнуть в шапку, вот бы она и не пропала.

— Ладно, батюшка, в другой раз буду знать.

На другой день отец опять послал сына к бабушке. А когда тот вернулся, отец спросил:

— Дурачок, что тебе дала бабушка?

— Что она даст? Щенка мне дала.

— Куда же ты его дел?

— Как ты велел, так я и сделал: ткнул щенка в шапку, он и задохся.

— Эх, сынок, — сказал отец, — щенка надо было повести на веревочке, и дорогой приговаривать: цу-цу, цу-цу!

— Ладно, батюшка, в другой раз буду знать.

И опять пошел он к бабушке; только вернулся, отец спрашивает:

— Что тебе дала бабушка?

— Что она даст? Сала дала.

— Куда же ты его дел?

— Как ты велел, так я и сделал: тащил его на веревочке и всю дорогу цу-цу-цу приговаривал. Собаки учуяли сало, прибежали всей сворой, кинулись за мной и все сало сожрали.

— Эх, сынок, — сказал отец, — сало нужно было разрезать на куски, положить в мешочек и взвалить на спину, — вот бы и донес до дому.

— Ладно, батюшка, в другой раз буду знать.

Опять послал отец дурака к бабушке, а когда дурак вернулся, — спросил:

— Дурачок, что тебе дала бабушка?

— А что она даст? Теленка дала.

— Куда же ты его дел?

— Как ты велел, так я и сделал. Голову отрубил, всего на куски изрезал, положил в мешок, взвалил на спину и принес домой.

— Эх, сынок, теленка надо было на привязи отвести в хлев и подложить ему сенца.

— Ладно, в другой раз буду знать.

И опять пошел дурак к бабушке, а когда вернулся, отец его спрашивает:

— Дурачок, что тебе дала бабушка?

— Что она даст? Послала со мной Катрюке.

— Где же она?

— Как ты велел, так я и сделал. Отвел Катрюке на привязи в хлев и подкинул ей сенца. Все по-твоему сделал.

Крепко рассердился отец на дурочка, разбранил его, а Катрюке привел в избу и хлебом с медом попотчевал.

С тех пор перестал он отпускать своего дурочка-сына к бабушке.

СКУПОЙ И ДУРАК

Д

ва брата поделили отцовское хозяйство. Старший брат, скупой, забрал все добро, а младшему — придурковатому парню — отдал одну баньку.

Свил дурачок веревку и пошел на базар — людей поглядеть. По дороге поймал зайца, привязал его на веревку и ведет. Встретил его старший брат и спрашивает:

— Куда ты его ведешь?

— Капусту снимать, — отвечает дурачок. — Купи, коли хочешь. Пусти его в огород, он все кочаны срежет, хозяйке и делать нечего будет.

Купил старший брат зайца и пустил в огород. Заяц погрыз всю капусту и убежал.

Рассерчал старший брат, хотел дурачка прибить, зачем его обманул.

— А ты ему есть давал? — спросил дурачок.

— Нет, не давал, — ответил брат.

— Вот он и погрыз капусту, — сказал дурачок. — Надо было покормить.

— Выходит, моя вина, — признал брат и ничего дурачку не сделал.

В другой раз поймал дурак лису. Увидел старший брат дурачка с лисой и спрашивает:

— Кого это ты привел?

— Пастуха, гусей пасти, — отвечает дурак. — Купи, коли хочешь. Не придется пастуха нанимать.

Купил брат лису и отвел ее гусей пасти. Лиса всех гусей задрала, парочку сожрала и убежала.

Пошел старший брат дурачка бить, зачем тот его обманул.

— А ты ей давал есть? — спросил дурачок.

— Нет, не давал, — отвечал брат.

— Вот она и задрала гусей, — объяснил дурак, — покормить ее надо было.

— Выходит, и тут моя вина, — признал брат и ничего дурачку не сделал.

Поймал как-то дурачок волка. Брат его спрашивает:

— Зачем ты его привел?

— Овец стричь, — отвечает дурачок. — Купи, коли хочешь. Наголо овец стрижет.

Брат купил волка и пустил в овчарню. Волк перерезал всех овец, а сам убежал. Старший брат пошел младшего бить, зачем тот его обманул.

— А ты волка покормил? — спросил дурачок.

— Нет, не покормил.

— Вот он и задрал овец. Надо было покормить.

— Выходит, моя вина, — признал старший брат.

Вскоре привел дурачок из лесу медведя.

— Кого это ты привел? — спросил его брат.

— Пасечника, — ответил дурачок. — Купи, коли хочешь. Наведет на пасеке порядок.

Купил брат медведя и отвел его на пасеку. А медведь и поел все соты вместе с медом и пчелами.

Старший брат прямо за голову схватился и дал себе слово наперед с дураком не связываться. А звери отблагодарили дурачка и натащили ему из лесу всякого добра.

ТРИ СЧАСТЬЯ

Т

ришел к королю один человек и сказал:

— Пресветлый государь, принес я тебе три счастья, не купишь ли?

— Какие же три счастья ты продаешь, любезный? — спросил король.

— Первое счастье — поступай мудро, помни, что ты не вечен.

— Сколько же ты за него хочешь?

— Сто сот целковых.

Король тотчас же приказал отсчитать ему сто сот целковых.

— Ну, а второе счастье в чем? — спросил король.

— Не сворачивай с прямой дороги на окольную.

— А за это счастье сколько возьмешь?

— Столько же.

— Получай!

— Какое же третье счастье? — спросил опять король.

— Не ночуй в городе у молодой хозяйки, а ночуй у старой.

И за это счастье заплатил король сто сот.

Человек взял деньги и ушел, а король повелел на каждой вещи вырезать или вышить слова: «Поступай мудро, помни, что ты не вечен». Были у короля недруги, желавшие ему смерти. Подкупили они королевского брадобрёя, чтобы тот во время бритья зарезал короля. Брадобрей взялся исполнить лихое дело. Бреет он короля и видит на полотенце вышито: «Поступай мудро, помни, что ты не вечен».

Прочел это изречение брадобрей, и выпала бритва у него из рук, а была она уж у самого горла. Заметил король, что брадобрей побледнел, и спрашивает:

— Что с тобой?

— Пресветлый государь, — отвечает тот, — должен был я тебя зарезать, потому что подкупили меня твои недруги. Но как прочел я это изречение на полотенце, так и подумал: «Каким же будет мой конец, если я так поступлю?» Вот и выпала бритва у меня из рук.

Увидав такое чудо, король, по своей милости, тотчас простил брадобрея, а подкупивших его недругов велел казнить. С той поры стал король еще пуще ценить купленное счастье.

Пришло время королю в сейм отправляться. Едет он, едет и вдруг замечает, что слуги с большака сворачивают на окольную дорогу. Не велит им король сворачивать, а слуги отвечают:

— Великий государь, мы прежде всегда так ездили.

— Не прекословьте мне, — говорит король.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — согласились слуги.

Когда же приехали они в город, то узнали, что на окольной дороге поджидали королевский поезд разбойники, потому что король раньше тем путем ездил. А на большаке засады не было.

Как-то пришлось королю заночевать в городе. Пришел он в богатый дом и видит, что хозяйка молодая. Тотчас повелел слугам найти другое пристанище. Те было принялись его отговаривать:

— Во всем городе лучшего дома нет!

А король им в ответ:

— Пусть и похуже будет, а тут я все равно не останусь!

Слуги повиновались. Отвели они короля в другой дом, где хозяйка была старая. А придворные у молодой на ночлег расположились. И все они были зарезаны, потому что убийцы искали короля и перебили всех до одного.

Король нарадоваться не мог на три счастья. Еще бы: они ведь трижды спасли его. А вот спасется ли он в четвертый раз — неведомо. Человек-то ему только три счастья продал.

ПРЕМУДРАЯ ДЕВИЦА

З адал однажды король загадку:

— Что всего милее, что всего быстрее и что всего жирнее?

Посулил король шесть тысяч золотых тому, кто разгадает эту загадку. Думали все, думали, никто не отгадал.

А в той стране была у одного бедняка дочка, умница-разумница. Услыхала она эту загадку и говорит отцу:

— Пойди, тятенька, к королю и скажи ему: всего милее здоровье, всего быстрее — мысль, а всего жирнее — земля.

Пошел бедняк к королю да так и сказал.

— Кто же это тебя, старичок, надомил? — удивился король.

— Дочка моя, — ответил бедняк.

А король скупой был. Думал он, думал, как бы ему свои шесть тысяч уберечь, да и говорит:

— Пусть твоя дочка выткет из одного льняного волоконца сотню штук холста, тогда и деньги получит, а не выткет — ждет ее смерть.

Горько плача, пришел старик домой и все рассказал дочери. А дочь и говорит ему:

— Не кручинься, тятенька! Вот выдернем из веника несколько прутиков, ломаем их и пошлем королю, пускай выточит кросна те холсты ткать.

Отнес бедняк королю прутики и попросил его кросна выточить — те холсты ткать. Поглядел-поглядел король и сказал, что из таких прутиков кросен не выточить. Бедняк и говорит:

— Выходит, ваше величество, нельзя и из одного волоконца столько холстов наткать.

Подает тогда король бедняку вареное яйцо и говорит:

— Отнеси, старик, своей доченьке, пусть выведет из него цыпленка. Не то плохо ей будет.

Идет бедняк домой и плачет. Рассказал все дочери. Дочь опять говорит отцу:

— Не печалься, тятенька, все обойдется.

Взяла она ячменя, бросила в печку, поджарила и говорит:

— Отнеси, тятенька, этот ячмень королю. Пускай вырастит его да крупы нарушит — цыпленка кормить.

Опять пошел бедняк к королю да так и сказал.

Выслушал король и закричал:

— Да разве жареный ячмень взойдет?

— Так и из варёного яйца цыпленок не вылупится, — говорит ему старик.

Понял король, что мудрая девица попалась, подумал он еще и говорит:

— Вели своей дочери явиться ко мне ни конной, ни пешей, ни на телеге, и чтобы была она ни одетая, ни голая и принесла с собой не то, что есть, и не то, чего нет.

Тогда дочка бедняка взяла зайца и голубя, закуталась в сети, уселась на козу и отправилась к королю. Увидел ко-

роль, что она едет, и натравил на нее всех своих собак. Девушка увидела собак и выпустила зайца, собаки и кинулись за ним в поле. Так и приехала она к королю ни пешая, ни конная, ни голая, ни одетая. Подала королю голубя, а тот возьми и улети. Тогда она и говорит:

— Принесла я королю не то, что есть, и не то, чего нет. И пришлось королю отдать шесть тысяч.

Так девица перехитрила короля.

ХИТРЫЙ МУЖИК

Ж

ил-был хитрый мужик. Однажды сеял он при дороге пшеницу, а мимо проезжал король той страны. Остановился, заговорил с мужиком, спросил его, много ли доходу получает от своего хозяйства. Мужик отвечал:

— Земли у меня немного, оттого и доходы невелики. За весь год еле набираю двести рублей.

— А куда эти деньги деваешь? — спрашивает король.

— Пятьдесят рублей плачу королю, пятьдесят рублей отдаю в уплату долга, пятьдесят рублей одалживаю и пятьдесят рублей в болото выбрасываю, — ответил мужик.

Король не уразумел его. Мужик растолковал:

— Пятьдесят рублей отдаю королю — плачу подать с земли. Пятьдесят рублей отдаю в уплату долга, потому что есть у меня старик-отец, он меня вырастил, и теперь я должен его кормить. Пятьдесят рублей одалживаю, потому что сына воспитываю. Когда он вырастет, будет за это кормить меня в старости. Пятьдесят рублей в болото выбрасываю — воспитываю дочь и откладываю ей на приданое. Когда выдам ее замуж, деньги эти все равно что в болото брошу — ко мне не вернутся.

Королю понравился ответ мужика и, недолго думая, сказал он:

— Смотри, без меня никому про это не рассказывай, только при мне. Исполнишь это — получишь награду, проговоришься — будешь наказан.

Мужик дал слово без короля никому про это не рассказывать — только при нем. Король поехал своей дорогой. Через некоторое время он устроил пир и задал гостям загадку:

— Один мужик получает за год от своего хозяйства двести рублей доходу. Пятьдесят рублей отдает королю, пятьдесят рублей — в уплату долга, пятьдесят одалживает и пятьдесят выбрасывает в болото. Отгадайте, как это у него выходит?

Никто не мог ему ответить. Тогда король сказал: — Даю вам три дня на размышление.

Старший министр и подумал: «Должно быть, король услышал эту загадку, когда объезжал королевство. Надо и мне поехать да поспрашивать». И поехал он теми же дорогами, по которым ездил король. Вскоре увидел он мужика, который жал при дороге пшеницу, и спросил его:

— Не проезжал ли здесь когда король?

— Проезжал. Я еще и поговорил с ним.

— О чем же ты с ним говорил?

— Король не велел без него рассказывать об этом.

— Вот тебе деньги, только Расскажи.

Крестьянин взял монету, смотрит — выбито на ней лицо короля. Глядя на него, он все и рассказал министру и получил за это пять монет.

Через три дня явился министр к королю и отгадал загадку. Понял король, что его министру помог тот самый мужик. Тотчас приказал привести его. Когда мужик пришел, король и сказал ему:

— Ведь остерегал я тебя: смотри, никому не открывай эту загадку без меня, а ты все разболтал моему министру!

— Министр дал мне серебряную монету. Увидел я на ней короля и все при нем рассказал, — ответил мужик.

— Твоя правда, — согласился король.

Удивился он мудрости мужика и стал с ним беседовать:

— Скажи, отчего у тебя на голове волосы седые, а в бороде черные?

— Оттого что на голове они на двадцать лет старше, чем в бороде.

— Коли ты такой умник, ответь, высоко ли небо?

— Небо вовсе не высоко. Только постучишь на земле, и сразу же отдается на небе. Коли не верите, ваше величество, влезьте на небо, а я здесь постучу, вы и услышите.

— Теперь скажи мне, глубока ли земля?

— Земля изрядно глубока. Двадцать пять лет, как я своего дедушку проводил в землю, а он все еще не вернулся.

— Ладно, теперь можешь идти домой. Придешь в другой раз, когда позову.

В скором времени король опять задал пир. Созвал он своих министров и множество гостей. Пригласил он и мужика. Посадил его рядом, по левую руку. Выпил король за гостя, что сидел по правую руку, ударил его по лицу и сказал: «Вот и вы все так делайте, как будете пить за своего соседа справа». Все так и делали. Пришел черед мужику выпить и ударить по лицу соседа справа — короля, значит. Все кругом переглядываются, — что он, простой мужик, сделает? Ведь ударить по лицу короля — самому погибнуть! Мужик подождал немного и сказал:

— Дозвольте, ваше величество и вы, высокие гости, сперва слово молвить, а тогда я выпью в свой черед.

— Ладно, говори, — дозволил ему король.

— Пресветлый государь и высокие гости! Плыл однажды человек по морю на обломке разбитого корабля. Доплывает до берега, а там страшные водовороты. Поплывет вперед — утонет, повернет обратно — будет носиться по морю, может, и живым останется. Вот и скажите, как быть ему, горемыке: найти погибель у берега или повернуть обратно и, возможно, остаться живым?

Все гости ответили:

— Лучше повернуть обратно и живым остаться.

— Вот и я поверну обратно, — сказал мужик, выпил и ударил по лицу соседа слева — старшего министра.

— Вижу, умный ты человек, — сказал король. — Теперь отправляйся домой. Еще раз придешь ко мне через две недели.

Через две недели мужик опять идет к королю, в воротах дворца стоит страж и не впускает его. Говорит:

— Отдашь мне половину того, что даст тебе король, тогда впусти.

Мужик понял нехитрую задумку слуги получить богатство и ответил ему:

— Ладно, отдам тебе все подарки, только распишись, что ты примешь их, и поскорее пропусти меня.

Страж расписался, и мужик пошел к королю. Король ему говорит:

— Вижу, что в моем королевстве хитрее тебя никого нет. Проси у меня все, что пожелаешь. И я немедля исполню твою просьбу.

— Желая получить двадцать пять розог, — ответил мужик.

Король удивился, однако согласился на это. Тогда мужик сказал:

— Только розги эти достанутся не мне. Я все подарки обещал отдать твоему стражу. Вот и его подпись.

Поглядел король на подпись и велел позвать своего стража. Дал ему двадцать пять розог, а потом говорит мужику:

— Раз все подарки получил мой страж, а ты остался ни с чем, проси еще раз, и я исполню твое желание.

— Хорошо бы получить старое седло, — ответил мужик.

— Жалую тебя резвым конем и новым седлом, — объявил король.

— Мне довольно и старого, пресветлый государь, — ответил мужик.

Король написал грамоту: жалую старым седлом... такого-то и такого-то. А было в его королевстве поместье под названием Старое Седло. Мужик пошел в это поместье и говорит его хозяину — генералу:

— С нынешнего дня я хозяин этого поместья. Вот и королевская грамота.

Генерал, не зная, как было дело, крепко рассердился и пошел жаловаться королю. Но король сказал:

— Я и запомнил, что есть в моем королевстве такое поместье. Но своего слова отменить не волен, — должен отдать Старое Седло самому умному человеку в моем королевстве. Будешь и ты умен, я и тебя поместьем пожалую.

Как думаете: удалось генералу превзойти умом мужика?

СКОТНИК И НАСТОЯТЕЛЬ

Один король задумал отыскать такого человека, который бы не знал никаких забот. Но куда он ни ездил, кого ни спрашивал, все его огорчали: у всех были заботы.

Заехал он однажды к ксендзу-настоятелю и спрашивает:

— Много ли у тебя забот?

Настоятель ему ответил:

— Нет у меня ни жены, ни детей, какие же тут заботы.

Король и говорит ему:

— Вот и хорошо. Голова у тебя ничем не забита, ты и отгадай три загадки. Как приеду в другой раз, чтобы был мне ответ. А не отгадаешь, — больше не быть тебе ксендзом, уволю. Первая загадка такая: небо ли выше, или

земля глубже? Другая загадка: какова цена королю? Третья: о чем думает король?

Ну, тут ксендза одолела такая забота, что не знает он, что и делать. Молиться, и то перестал, только бродит по полям, как потерянный. Заметил это молодой скотник, который пас барскую скотину. Спрашивает он ксендза:

— Чем ты так опечален? Уж который день бродишь по полям сам не свой.

Ксендз говорит:

— Как же мне не печалиться, когда король задал мне такие трудные загадки; скоро и срок кончится, а я не знаю, как их разгадать. Вот придет король, что я ему отвечу?

Скотник и спрашивает:

— Что тебе задал король?

— Задал он мне три загадки: первая — небо ли выше, или земля глубже? Другая — какова цена королю? Третья — о чем думает король?

Скотник и говорит настоятелю:

— Отгадать такие загадки простому человеку — пустое дело.

Ксендз и просит:

— Вот и отгадай их за меня королю. Заплачу тебе, сколько ни потребуешь.

Скотник отвечает:

— Понятно, могу, настоятель. Только кто за меня скотину пасти будет?

Настоятель говорит:

— В тот день попасу за тебя я, а ты в моей одежде встретишь короля и все его загадки отгадаешь.

Когда должен был приехать король, ксендз пошел к скотнику, переменились они одежей, и ксендз стал пасти стадо, а скотник пошел встречать короля. По дороге купил он себе крестик, заплатил за него пятиалтынный, надел на шею. Повстречал короля, и тот его спрашивает:

— Ну, отгадал мои загадки?

Скотник отвечает:

— Как же, раз король задал — я и отгадал. Отвечу на все три.

— Ну, тогда отвечай на первую: небо ли выше, или земля глубже?

Подумал-подумал скотник и говорит королю:

— Земля глубже. На небе видно солнце, ночью —

звезды и месяц. А с тех пор, как моего отца опустили в землю, прошло двадцать лет, он по сей день не вернулся. Выходит, земля глубже.

— Ну ладно. Скажи тогда, какая цена королю?

Парень подумал-подумал и отвечает:

— Цена королю гривенник.

Рассердился король на скотника и закричал грозным голосом:

— Как это так? Чтобы цена мне была всего лишь гривенник?!

Скотник ему растолковывает:

— Вон я бога купил за пятиалтынный, — и показал королю крестик, — так король хоть на треть, а все дешевле бога.

Король согласился.

Потом он спрашивает:

— Скажи, о чем я думаю?

— Король думает, что я ксендз, а я барский пастух-скотник.

— А где же ксендз? — спрашивает король.

— Ксендз за меня пасет, а я за него королю загадки отгадываю.

— Вот и хорошо, что так вышло, — говорит король. — За то, что ты сумел отгадать все мои загадки — награждаю тебя: больше тебе не придется Стадо пасти! Назначу я тебе жалованье — и живи себе поживай. А ксендзу скажи, пускай и наперед скотину пасет — больше не быть ему настоятелем!

Вот и вся сказка.

ОТЧЕГО У МЕНЯ ДОСТАТКА НЕТ

Жил на свете парень, уж такой бедный, что ничего-то у него не было. Оделся он однажды во что попало и пошел бродить по белу свету. Встретил прохожего и спрашивает:

— Отчего у меня никакого достатка нет?

— А работа у тебя есть? — спрашивает прохожий.

— Нет.

— А коли нет работы, откуда же и достатку взяться?

Идет бедняк дальше, всех встречных спрашивает, отчего у него достатка нет. Вот пришел он в один город, идет по улице и видит сад, а в саду король с королевой прогуливаются. Подошел он к ним и говорит:

— Отчего у меня достатка нет?

— Читать-писать умеешь? Ремеслом каким владеешь?

— Ничего не знаю, ничего не умею.

— Ну, откуда же достатку взяться, коли ты ничего не знаешь, ничего не умеешь, — сказал король.

Идет бедняк дальше, видит — дворец, а на крыльце сидит — пояса ткёт — королевна. Подходит он к ней и спрашивает:

— Отчего у меня достатка нет?

— А ты женат? — говорит королева.

— Нет, не женат еще.

— Приведи в дом жену, с ней и достаток придет.

Засмеялся бедняк и побрел дальше. Куда он жену приведет, когда у него ничего нет. Увидал король, как бедняк смеется, и захотелось ему узнать, что же такого сказала ему королева. Он и спрашивает:

— О чем это он спросил тебя?

— Спросил, отчего у него достатка нет.

— А ты что ответила?

— Не скажу, — говорит королева.

— Нет, скажи.

— Нет, не скажу.

Как ни заставлял ее король, но так и не мог добиться ответа. Тогда повелел он слугам догнать и вернуть бедняка. Догнали его слуги и привели. Король и спрашивает:

— О чем ты спрашивал королевну?

— Спрашивал, отчего у меня достатка нет.

— А что она ответила?

— Женись, говорит, и достаток придет.

Разгневался король на дочку.

— Как же так, — говорит, — он и один прокормиться не может, а что же будет, когда женится да дети пойдут? Коли ты дала ему такой совет, сама и выходи за него!

И прогнал он прочь королевну вместе с бедняком. Пошли они в другой город, и говорит королева бедняку:

— Я переоденусь в другое платье, а ты отнеси мой королевский наряд тому купцу, у которого отец товары покупает, и проси за него столько-то рублей. А когда спросит он, откуда взял наряд, говори — женин это.

Отнес он наряд к тому купцу, сказал цену, а купец и спрашивает:

— Откуда взял такой наряд?

— Женин это.

— Да ты украл его.

— Женин это, — твердит свое бедняк.

Рассердился купец, позвал стражника, велел ему забрать бедняка.

— Откуда у тебя королевский наряд? — спрашивает стражник.

— Женин это.

— Коли верно, что это наряд твоей жены, — говорит купец, — отдам тебе все свое добро.

— Ладно.

Повел стражник бедняка, а купец и расписку дал, что отдает ему все свое добро, коли он правду сказал.

— Где же твоя жена? — спрашивает стражник.

— За городом, меня дожидается.

Повели его к королевне и, как увидели ее, сразу узнали.

Королевна и говорит им:

— Что вы привязались к бедняку? Это мой муж.

А купец и голову повесил: пришлось ему отдать бедняку все свое добро.

Зажили бедняк с королевной в купеческом доме. Всего у них было вдоволь, только денег не хватало. Соткала королевна пояс, расшила его дорогими камнями и послала бедняка на базар продавать. Повесил он пояс на палку, — известно, мужик! — и несет по городу. А в том городе ни у кого таких богатых поясов не было. Увидал его один купец и спрашивает бедняка:

— Откуда у тебя такой пояс?

— Это женин.

— Врешь, небось, украл!

— Да нет, женин это, — твердит бедняк.

Стопнулись вокруг него купцы, все как один говорят, что пояс краденый. А бедняк знай свое твердит:

— Женин это.

Выложили тогда все купцы по две тысячи и говорят:

— Коли верно, что это пояс твоей жены, то и деньги твоими будут.

А как привел их бедняк к королевне, стала она ругать купцов, зачем к ее мужу привязываются. Испугались купцы, отдали бедняку заклад и вернулись домой несолоно хлебавши. А у бедняка всего стало вдоволь: и денег и добра. Зажили они с королевной припеваючи.

Однажды послал король своих слуг к купцу за товарами. Не знал он, что дочка с бедняком в его доме живут.

— Пускай сам приезжает, — сказала королевна, — иначе ничего не дадим.

Вернулись слуги и докладывают королю: так и так, купец товаров не дает, требует, чтобы сам король за ними пожаловал.

Рассердился король:

— Как так? Чтобы я сам к нему пожаловал? Ладно же, запрягай лошадей!

Подали королю лошадей. Поехал он.

А королева, зная отцовский нрав, надела под платье другое — железное. Приехал король, выскочил из кареты и прямо к королевне, да как ударит ее мечом! Только меч не пробил железное платье. Тут король опомнился, узнал свою дочь и надивиться не мог:

— Как ты сюда попала, дочка?

— Так и так, батюшка, — и рассказала королевна отцу все, как было.

— Твоя правда, — сказал король. — Коль жену в дом возьмешь, с ней и достаток придет. — Отписал он королевне и бедняку полкоролевства, и в тот же вечер отпраздновали они свадьбу.

И я там был, за столом сидел, на гостей глядел, а что видал, что слышал, все слово в слово записал.

ПЛИКПЕТРИС

Н

едалеко от барского имения жил бедный человек, по прозванию Пликпетрис. Хозяин имения был богач, да ведь богачи народ ненасытный, хотя бы и счета добру не знали.

Вот и задумал Пликпетрис обмануть барина, а по части выдумок он был мастак.

Пришел однажды барин к Пликпетрису и видит, что тот, засучив рукава, рвется в конском навозе, а рядом стоит кобыла, голову опустила. Подошел барин поближе и спрашивает:

— Что ты делаешь, Пликпетрис?

Пликпетрис застыдился, прячет руки за спину, с ноги на ногу переминается и помалкивает.

— Говори, не бойся! — ободряет барин.

— Да я, барин, деньги ищу.

А барин увидел в руке Пликпетриса несколько монет и говорит:

— Откуда эти деньги?

— Кобыла роняет, в навозе и нахожу. Еще слава богу, что у меня такая кобыла. Сам знаешь, барин, какие у меня достатки. Давно бы с голоду помер, кабы не она. Одно только горе — кормлю плохо. Покормишь соломой — одну медь роняет, сена поест — серебро, а был бы овес, она бы и золото давала.

Почесал барин затылок и говорит:

— Вот что, Пликпетрис, продай мне свою кобылу. Я тебе хорошо заплачу. Не придется больше в навозе рыться — отыскивать, — в кармане найдешь!

— Не могу, барин, никак не могу! — отбивается Пликпетрис. — Ведь в этой кобыле все мое богатство, продам, не на что будет детям хлеба-соли купить.

— Тебе говорю, не прогадаешь! Столько дам, что до конца жизни хватит. — Тут барин достает из кармана полный кошель и подает Пликпетрису.

Пликпетрис взял кошель, взвесил на одной, на другой руке, позвенел деньгами и вернул барину.

— Не могу, барин. Не могу продать. Жена со свету сживет.

Видит барин, что Пликпетрису мало этих денег, достает он и другой кошель, подает ему оба.

— Раз такова твоя воля, будь по-твоему. Только жалко мне кобылы, как с родной матерью расстаюсь... — сказал, залился слезами и подвел кобылу к барину.

— Не плачь, не плачь, — сказал барин. — За свои деньги купишь лошадь получше.

Ушел барин с кобылой, но, пока он ее по двору вел, Пликпетрис успел сунуть ей под хвост одну золотую и две серебряных монеты.

Привел барин кобылу в имение, поставил во дворе, позвал слугу, велел принести ведро овса. Сам покормил кобылу и ждет, когда из нее золото посыплется. Вот барыня увидела в окно мужа и вышла во двор поглядеть, что за коня охаживает муж. Подошла поближе — увидела полудохлую клячу и ну ругаться:

— Что это ты выдумал? Или тебе лошадей не хватает, что ты такую падаль купил?

— Ничего ты, дура, не смыслишь, — говорит барин. — Эта кобыла дороже всех сокровищ, из нее деньги сыплются.

Не хотела барыня перед слугами шум подымать, махнула рукой и ушла.

Только высыпала кобыла навоз, барин, засучив рукава, кинулся к нему — деньги разыскивать. Нашел одну золотую и две серебряных монеты. Тут же побежал в дом барыне показать, какой клад в навозе нашел.

Покачала головой барыня и говорит:

— Поглядим, какую кучу золота наложит кобыла завтра.

Барин и слушать жену не стал, во всю прыть помчался обратно к своей кобыле.

На другой день, сколько барин ни рылся в навозе, ни одной медяшки не нашел, хоть и кормил лошадь отборным овсом. Тут же догадался барин, что Пликпетрис надул его.

Идет барин к Пликпетрису, ведет кобылу, а сам думает: теперь уж Пликпетрис не вывернется, не миновать ему розог.

А у Пликпетриса как раз собирались обедать. На огне стоял горшок горячих щей. Хотела хозяйка поскорей остудить их, вынесла горшок из избы и поставила на завалинку. Щи, только что с огня, еще кипели. Когда барин привел во двор кобылу, увидела его хозяйка Пликпетриса, испугалась и закричала. Услышал крик Пликпетрис и, не чуя беды, вышел из избы. И он испугался, как увидел барина с кобылой.

Барин грозно поглядел на Пликпетриса и начал браниться:

— Как ты смел, Пликпетрис, обмануть меня? Подавай сюда деньги, не то... — Тут барин взглянул на горшок со щами, увидел, что щи кипят, а горшок не на огне, а на завалинке стоит. Вот он и спрашивает:

— Скажи, Пликпетрис, что это у тебя за волшебный горшок?

Пликпетрис живо смекнул, что можно опять провести барина. Вот он и говорит:

— Простой горшок, барин.

— Как так простой? Без огня кипит. Чудо, а не горшок.

— Счастье еще, что есть у нас этот горшок, — отвечает Пликпетрис. — Увел ты, барин, в прошлый раз кобылу, а денежки уж уплыли. С этим горшком хоть дров покупать не надо — он сам варит.

— Вот что, Пликпетрис, — говорит барин. — Продай мне этот горшок.

— Не могу, барин, никак не могу. Как мне, горемыке, обойтись без него? На какие шиши дрова покупать?

— Не болтай попусту. Бери кошель с деньгами, и горшок будет мой. Выливай щи и отдавай горшок. — Достал барин кошель и подает Пликпетрису. Пликпетрис с женой барину руки целуют, упрасивают не брать горшка. А барин подумал, что мало денег дал, достал другой кошель и еще две пригоршни серебра добавил.

Обливаясь слезами, Пликпетрис велел жене вылить щи. Отдал горшок барину и сказал:

— Хоть и в убыток меня ввел, барин, да уж пусть будет по-твоему.

Помещик похлопал Пликпетрису по плечу, взял горшок и совсем забыл про кобылу.

Идет барин домой, посвистывает, ведет кобылу и горшок несет. Только зашел во двор, тотчас зовет слугу, велит поймать индюшку, свернуть ей шею, ощипать, выпотрошить и принести ему.

Принес слуга выпотрошенную индюшку, барин сам ее разрезал, положил в горшок, налил воды, поставил на солнышке посреди двора и ждет, когда закипит вода.

Барыня выглянула в окно, видит, муж вокруг горшка топчется, а кляча к забору привязана, однако из покоев своих не вышла и ругаться не стала; все равно, мол, ничего не может.

Надоело помещику вокруг горшка топтаться. Уж и солнце к закату клонится, а вода все не закипает и не закипает! Понял барин, что и на этот раз обманул его Пликпетрис. Рассердился, выбросил из горшка индюшку и опять пошел с кобылой и горшком прямо к Пликпетрису.

А Пликпетрис, не будь дурак, только завидел барина, сразу смекнул, что теперь дело добром не кончится. Налил

в пузырь свекольного квасу и привязал его жене под передник. Только барин во двор, а жена Пликпетриса как накинется на мужа, вот-вот глаза выцарапает.

— Дурень ты безмозглый! — кричит, — продал барину за бесценюк и кобылу и горшок! Чтоб тебе сквозь землю провалиться! Чтобы ты в аду сгорел!

Стоит барин во дворе и прислушивается, ждет, что дальше будет.

Пликпетрис схватил из-за дверного косяка нож и пырнул жену в живот. Облилась она кровью, крикнула не своим голосом и упала на пороге. Барин испугался. А Пликпетрис говорит как ни в чем не бывало:

— Пустяки, барин, я ее мигом воскрешу, пускай в другой раз на мужа не набрасывается!

— Как же ты воскресишь жену, когда она умерла? — спрашивает перепуганный барин.

— Увидишь, барин, своими глазами увидишь, как ее воскрешу. Все бабы на один лад: и барыни и мужички. Стоит только выпустить из них Дурную кровь, как шелковые будут.

Пликпетрис взял жену под мышки и втащил в избу. Уложил на пол посреди горницы, снял с гвоздя ремень и достал из-за балки свирель. А барин в дверях стоит, ждет, что дальше будет. Пликпетрис обошел вокруг жены раз, подул в свирель, огрел жену ремнем по бокам, по голове, по ногам. Обошел в другой раз, опять на свирели наигрывает, жену ремнем постегивает.

Видит барин — покойница шевелит одной ногой, шевелит другой, а Пликпетрис все вокруг нее похаживает, на свирели наигрывает, ремнем постегивает. Видит барин, покойница и руками и головой шевелить начала. Наконец приподнялась и села. Барин прямо онемел при виде такого чуда.

Встала жена Пликпетриса, подошла к мужу, обняла его и приговаривает:

— Какой ты хороший, бесценный мой муженек. Больше никогда тебе перечить не буду! Делай что хочешь, что тебе вздумается.

Наконец барин очухался и говорит:

— Продай мне, Пликпетрис, и нож, и свирель, и ремень.

— Не могу, барин, никак не могу. Без них в доме ад крошечный начнется. Как я со своей женой справлюсь?

— Продай, — упрашивает барин. — Я тебе два кошелья зо-

лота дам, продай только. — А сам думает, как он свою жену проучит, чтобы зря не лаялась.

После долгих уговоров купил барин у Пликпетриса и нож, и свирель и ремень. Идет он домой веселый, ведет кобылу, несет горшок, нож, свирель и ремень. Увидала его барыня, дожидаться не стала, выбежала во двор и давай ругать: мол, как это он дает всякому дураку себя за нос водить? Связался с дураком и сам дураком стал!

Барин — за нож, кинулся к жене и воткнул ей в грудь по самую рукоятку. Крикнула она не своим голосом и упала наземь. Сбежались дворовые, видят — барин жену зарезал.

— Не пугайтесь, — говорит он, — мигом воскрешу ее, надо было кровь ей пустить.

Дворовые только переглядываются.

А барин приложил к губам свирель, взял ремень и принялся, как Пликпетрис, вокруг жены похаживать, на свирели наигрывать, ремнем постегивать. Но сколько ни дул в свирель, сколько ни хлопал ремнем — жена и не пошевелилась. Так и не воскресил ее.

Похоронил барин жену и, крепко осерчав, отправился к Пликпетрису. Решил на этот раз расквитаться за все обиды.

Увидал Пликпетрис в окно барина и велел жене сказать, что муж помер, три дня как похоронили в яме с картошкой. А сам ушел, прихватив железный вертел, чтобы отгонять скотину, если набредет на яму.

Вошел барин в избу и здороваться не стал, — так обозлился. Тотчас спросил, где Пликпетрис.

— Помер он, барин, помер, — сказала, заливаясь слезами, жена Пликпетриса. — Три дня как похоронили.

— Где похоронили? — спрашивает барин.

— Бедняки мы, барин, недалеко и похоронили — в яме с прошлогодней картошкой, — отвечает жена и опять принялась причитать и восхвалять своего Пликпетриса.

«Пойду, хоть могилу его загажу», — подумал барин и, не попрощавшись, ушел искать могилу Пликпетриса.

Слышит Пликпетрис, идет кто-то, думает, это корова бродит. Побоялся он, что корова на него свалится, высунул вертел, чтобы отпугнуть ее. А это барин был, пристраивался уж могилу загадить. Вот Пликпетрис и угодил вертелом в барина. Выскочил Пликпетрис из ямы, а тому и конец пришел.

С тех пор разбогател Пликпетрис и зажил припеваючи, а люди радовались, что избавились от барина.

Ж

ЙОНАС И БАРИН

ил в некотором государстве бедный-пребедный человек, прямо сказать, нищий... И было у него три сына. Двое умных, а третий, Йонас, — дурак.

Прожил старик девяносто лет и помер. Перед смертью разделил он свое добро между сыновьями. Старшему досталась котомка, среднему — топор, а Йонасу-дураку — колотушка.

Как же им теперь быть? Старший ходит с котомкой, всякий хлам собирает, что ни найдет — все в котомку кладет — тем и живет. Средний везде с топором, — где дров наколет, где еще что. А Йонасу-дураку куда деваться со своей колотушкой? Соседи ему и посоветуй:

— Ты хоть к барину наймись, не то подохнешь с голоду.

Послушался их Йонас и пошел к барину служить. Срядился за решето бобов в год. Ну, ладно.

Сперва барин велел Йонасу поле вспахать. Запряг Йонас в соху быков и пошел в поле. А барин наставляет:

— Вспаши столько, сколько Петрушка обежит.

А Петрушка — собака барская — всегда за пахарями в поле увязывалась.

Вышел Йонас пахать, а Петрушка впереди бежит. Куда Петрушка, туда и Йонас с сохой. А еще Йонасу приказано было, как домой вернется, быков в хлев отвести и сена им задать.

Только стемнело, пришел Йонас домой. Глядь — ворота на запоре, лишь в подворотне щель для Петрушки оставлена. Собака пролезла во двор и побежала, куда ей надо. А Йонас стоит за воротами. Как тут быть? Принес топор, быков на кусочки изрубил, чтобы можно было под ворота просунуть. Изрубил и соху и тоже в щель посовал. Обломки сохи во дворе оставил, а куски бычьего мяса в хлев перенес и сеном прикрыл.

Приходит Йонас к барину и говорит:

— Барин, приказание твое исполнил. Сколько Петрушка обежала, столько я и вспахал. Быков домой пригнал, соху во дворе оставил, а быков в хлев загнал и сена задал.

Захотелось барину поглядеть, как это Йонас вошел во двор с быками да сохой и как накормил быков. Приходит в хлев, глядь, а быки на куски изрублены и сеном прикрыты. Соха тоже изрублена, обломки в кучу свалены.

Вот барин и говорит Йонасу:

— Йонас, дурень, разорил ты меня.

А Йонас отвечает:

— Пока еще не разорил, разве что разорю еще.

Наутро велит барин Йонасу:

— Йонас, дурень, поди зарежь овцу.

Йонас отвечает:

— Не знаю, которую резать.

Барин говорит:

— Какая на тебя поглядит, ту и режь.

— Ладно.

Пошел Йонас в хлев, распахнул дверь, все овечки повернулись к нему. Он одну за другой всех перерезал. Вернулся и говорит барину:

— Зарезал, барин, овечку.

Барин спрашивает:

— Которую?

— Всех, — отвечает Йонас.

— Зачем это?

— Да они все на меня глядели.

— Разорил ты меня, дурак! — говорит барин.

А Йонас в ответ:

— Пока еще не разорил, разве что разорю еще.

Через несколько дней собираются барин с барыней к соседям в гости. Нарядились, сели в коляску. Отдал барин Йонасу ключ от клетки и говорит:

— Вот тебе, Йонас, ключ, сторожи дверь от воров.

Уехали барин с барыней, а Йонас стоит, дверь стережет. Надоело стоять, вынул он ключ, отпер клетку, снял дверь с петель да и унес с собой.

Забрались в клетку воры, унесли все, что было. Вернулся барин, а клетка без дверей. Ни добра, ни Йонаса. Глядь — Йонас идет, дверь на спине несет.

Спрашивает барин:

— Ты где был?

— На гулянке, барин.

— А зачем дверь унес?

— Боялся, как бы не украли. Ты же велел мне сторожить дверь, вот я и сторожил.

— Разорил ты меня, дурень, — говорит барин.

А Йонас свое:

— Пока еще не разорил, разве что разорю еще.

«Как тут быть? — думает барин. — Ведь в доме ничего не осталось, придется уйти отсюда».

Нашел барин два мешка и собирает в них последние пожитки. Один мешок барин укладывает, другой — барыня. А Йонас рядом стоит и глядит. Только барин отвернулся — Йонас шмыг в его мешок. Барин ничего и не заметил. Прикрыл еще Йонаса каким-то тряпьем и завязал мешок. Взвалили барин с барыней на плечи мешки и ушли из дому.

Барыня еще спросила:

— Куда это наш Йонас девался?

А барин отвечает:

— Пропади он пропадом, дурень. Разорил он меня. Пускай больше на глаза мне не попадается!

И пошли куда надо.

Шли они, шли — целый день. К вечеру дошли до речки, сбросили с плеч мешки и сами свалились от усталости. Барин говорит:

— Вот устал я, так устал!

А Йонас из мешка отзывается:

— И я, барин, устал.

Барин спрашивает:

— Где это ты, дурень?

А Йонас в ответ:

— Я, барин, в мешке.

Барин развязал мешок, вывалил Йонаса и говорит:

— Разорил ты меня, дурень.

Йонас отвечает:

— Нет, барин, не разорил пока. Разве что разорю еще.

Барин говорит барыне:

— Я вот тут лягу, ты ложись рядом, а дурень-Йонас пускай с краю ложится. Только он заснет, я его возьму и брошу в речку.

А Йонас все слышал, боится, чтоб в реку не бросили. Встал он и улегся между барином и барыней. Барыня очутилась на краю. Барин проснулся, встал, сгреб барыню за ворот да в реку ее — думал, что Йонас. Барыня и утонула. Тогда барин говорит:

— Вот тебе, шельма, больше не станешь меня разорять!

А Йонас отвечает:

— Твоя правда, барин. Больше она не будет тебя разорять.

— Так ты здесь, дурень?

— Ну да, здесь.

— Разорил ты меня, дурень.

А Йонас отвечает:

— Твоя правда, барин, теперь-то уж разорил.

Оставил Йонас барина на берегу, а сам пошел, куда надо.

КАК БАТРАК С БАРИНОМ РАСКВИТАЛСЯ

Один барин нанимал себе батрака, а платить уговаривался так: коли за год батрак ни разу не рассердится, а барин рассердится, то щедро вознаградит батрака, а коли батрак рассерчает, то барин вырежет у него из спины ремень и прогонит на все четыре стороны.

Жили в тех краях три брата: двое умных, а третий дурак дураком. Пошел к барину работать старший брат, самый умный. Вышел он рано поутру молотить. Долго махал цепом на гумне. Молотит, молотит, уж и до обеда недалеко, а его завтракать не зовут. Рассерчал батрак, пошел к барину и просит дать поесть. Барин и говорит:

— Так ты, может, сердишься, что так долго завтрака ждешь?

— Известно, сержусь.

Барин тут же вырезал у него из спины ремень и прогнал.

Пришел другой брат, тоже умница. Тоже пошел молотить. Молотит, молотит, а завтракать все не зовут. Уж и обе-

дать пора, а ему все завтрака не дают. Пошел он к барину, обругал его по-всякому за то, что без завтрака оставили. Барин тут же два ремня у него из спины вырезал и выгнал.

Пошел тогда младший брат, дурачок, работать на барина, раным-ранешенько молотить отправился. Молотит, молотит, уж и до обеда недалеко, а его и завтракать не зовут. Видит, едет пекарь с калачами. Остановил батрак пекаря, насыпал ему воз пшеницы, взамен попросил калачей. Дал ему пекарь калачей, сколько душеньке угодно. Поел батрак и опять молотит. После обеда уж пришел сам барин поглядеть, почему парень не идет завтрак просить. Глядь, а зерна всего ничего. Молотит с самого утра, а зерна нету.

— Где зерно? — спрашивает барин.

— Да завтрака что-то долго не было, я и променял его на калачи. Может, ты, барин, серчаешь?

— Чего мне сердчать, — отвечает барин.

Задумался барин, как ему быть с этим парнем. На другой день погнал его на волах пахать. Пашет тот, пашет с самого утра, уж и обед недалеко, а ему все завтрака не несут. Едет мимо мясник с колбасами. Остановил батрак мясника.

— Бери, говорит, одного вола, дай мне колбасы.

Тот и дал ему колбасы, сколько душеньке хотелось. Поел батрак, обрезал хвост у того вола, которого мяснику отдал, всунул в горло другому волу, а сам полеживает на брюхе. Приходит барин.

— Почему не пашешь?

— Да как завтрака долго не приносили, оголодал я, и волы оголодали, вот и съел один другого, а теперь не на ком пахать. Ты может, барин, сердисься?

— Чего мне сердиться.

На другой день погнал его барин свиной пасти. Вот пасет батрак свиной. Опять едет мясник с колбасами... Остановил его парень, поменял свиной на колбасы. Сам поел, да еще и на завтра оставил. Хвостики у тех свиной отрезал, в трясину воткнул, а сам лежит. Приходит барин — свиной нету.

— Где свины? — спрашивает.

— Ох, все потонули в трясине. От свиной-то ничего не осталось, всех черви сожрали, одни хвостики торчат.

Барин повыдергивал хвостики из трясины, положил все в карман.

— А ты, может, серчаешь, барин?

— С чего мне сердчать.

Погнал его барин коров пасти. Пасет батрак коров с самого утра до обеда и опять без завтрака. Взял он одну корову, поднял на березу, а детальных отдал мяснику за колбасу, поел и ждет, что дальше будет.

Приходит барин.

— Где коровы? — спрашивает.

— Да они все на небо взобрались, завтрака дожидаются. Одна только не успела, вон на березе сидит.

Видит барин, взгромоздилась корова на березу, никак ее оттуда не достать. Созвал он всех своих батраков, полдня маялись, покуда корову с березы сволокли.

Нечего барину делать. Как ни старался дурака рассердить, а тот все не сердится. И надумал барин сжечь его. А парень услышал, как барин с барыней сговаривались, взял да и залез в сундук, где барин деньги хранил. Рано утром, покуда еще все спали, барин вытащил сундук с деньгами из дому, запер двери, окна затворил и поджег. Горит дом, полыхает. Барин радуется, что сгорел сатана-батрак.

Отпер барин сундук с деньгами — глядь, а батрак там сидит. Испугался барин.

— И деньги не сгорели, и этот сатана жив остался!

А батрак сидит в сундуке на деньгах и спрашивает:

— Ты, может, серчаешь, барин?

— С чего мне серчать!

Бойтся барин сказать, что гневается — как бы не пришлось много денег отдать.

Решил барин батрака утопить. Пошли они с барыней под вечер гулять и позвали с собой батрака. Гуляли, гуляли вдоль речки, уж и стемнело. Улеглись на берегу спать. Парня положили на самом бережку, барин посередке, а барыня с другого боку. Барин и думает: «Как уснет он, я столкну его в речку и утоплю».

Только барин с барыней привыкли помногу спать, — как улеглись, сразу и уснули. Тогда батрак поднялся, влез в середку, схватил бар за шиворот и бросил в речку. Барыня еще побрыкалась, да он как толкнет ее, — она вверх тормашками полетела в речку да потонула.

И стал батрак всему поместью хозяином.

ЩЕЛЧОК

П

омерли бедняки-родители и оставили сиротой единственного сыночка.

Узнал об этом один скряга-хуторянин и приехал нанимать его в пастухи — думал сторговаться подешевле.

— Какую ты плату хочешь? — спросил хозяин сироту.

Паренек поглядел на хозяина, подумал-подумал и отвечает:

— Позволишь в конце года дать тебе щелчка в лоб — другой платы мне не надо.

— Ладно, — согласился хозяин.

Привез он сироту домой и перед женой похвалился, мол, дарового работника нашел. Паренек хорошо работал, хозяев слушался, с соседями в ладу жил.

Однажды осенью созвал хозяин соседей на помощь — быка резать. Животина преогромная — не повалить его мужикам. Пастух глядел-глядел, подошел к ним и говорит:

— Пустите меня, я один свалю его и прирежу.

— Уж так ты его с одного раза и свалишь! — смеялись мужики.

Пастух, не говоря ни слова, подошел к быку, погладил его, зашел спереди, да как даст ему щелчка в лоб.

Бык грохнулся наземь и ноги протянул, а пастух взял нож и шутя прирезал его.

Люди только глаза вытаращили, на пастуха уставились.

Хозяин, видя это, изрядно встревожился; напугал его этот щелчок, и стал он думать, как бы ему от пастуха отделаться. Однажды утром и говорит:

— Поезжай в лес за жердями.

А сам думает: «В лесу волков много, они пастуха в клочья разорвут, не придется мне трястись, ожидаячи его щелчка».

Поехал пастух в лес, привязал лошадь к дереву, стал выбирать елочки и рубить их. Вскоре вернулся к саням — видит, волки лошадь уж доедают. Тогда он щелк-щелк волков по лбам, всех перебил, одного только в живых оставил. Нагрузил воз жердей, взвалил на жерди убитых волков, запряг живого и поехал домой.

— Привез и волков, и жерди, — сказал он хозяину.

Хозяин не на шутку встревожился, стал думать, как разделаться с таким силачом. И решил послать пастуха на заколдованную мельницу. «Черти его там замучают». Приказал ему насыпать мешок песку и намолоть из него муки.

Поехал пастух на мельницу, надавал щелчков чертям, и они вместо песка насыпали ему муки. Взвалил он мешки на телегу и поехал. А черти задумали отплатить пастуху и подослали к нему чертенка, чтобы ось поломал.

Едет-едет пастух, только трах! — ось переломилась. Он сразу смекнул, что это проделки чертей, вернулся на мельницу и начал всем чертям подряд щелчки давать. Те со страху только вертятся да пищат. Перещелкал всех чертей, схватил чертенка, заставил его в ступицу влезть, сломанную ось держать. Вернулся домой пастух и пошел хозяина спросить, куда девать муку. Хозяин ему и говорит:

— Сыпь под забор. — Он-то думал, что пастух тот же песок привез, а как увидел муку, насмерть перепугался.

— Надо как-нибудь отвязаться от этого пастуха, — говорит он жене. — Вот мы что сделаем: утром я лягу на лавку, притворюсь мертвым, а ты ему скажи: «Так, мол, и так, раз хозяин помер, придется тебя отпустить», — и заплати, сколько он захочет.

Жена согласилась. На другой день она со слезами говорит пастуху:

— Вот что, паренек, хозяин-то помер, придется тебя от-

пустить. Говори, сколько возьмешь за отработанный срок, я расплачусь.

Поглядел пастух на хозяйку, догадался, что это подвох, и ответил:

— От твоей милости ничего мне не надо. Я с самим хозяином разочтусь.

Сказал это, вошел в горницу, где лежал обряженный хозяин, да и нацелился щелкнуть его. Хозяин как вскочит с лавки, да как примется упрашивать:

— Пожалей меня, добрый человек! Бери, что только захочешь...

Пастух и пожалел хозяина — отказался от щелчка. Тогда хозяин нагрузил полон воз всякого добра и отвез пастуха в его избушку.

КАК ЖЕЛЕЗНЫЕ КЛЮВЫ ВОЕВАЛИ

У одного барина работали крепостные — муж с женой. Никак они между собой не уживались: с утра до вечера дрались и ругались.

Однажды муж нашел кучу денег, а жене ничего не сказал. Она разузнала, рассерчала и все грозилась барину пожаловаться. Муж, видя, что от жены ему не оборониться, стал думать, как ее обмануть. Поехал на базар, накупил леденцов и, вернувшись под вечер, все их по двору разбросал. А утром показал жене и сказал, что ночью леденцовый град шел. Она и поверила.

В другой раз он стал ей рассказывать, что скоро начнется война железноклювых. Жена перепугалась. Но муж успокоил ее, — я, мол, тебя спасу. Как подошло время этой войны, вырыл он глубокую яму и велел жене лезть в нее. Когда жена залезла, он накрыл яму сухой бычьей шкурой, насыпал на шкуру овса и согнал гусей. А когда гуси овес на сухой шкуре клюют — страшной грому не бывает.

В третий раз повесил он на огороде свою козу за рога. Коза заблеяла не своим голосом. Жена спрашивает: — Кто там блеет?

Муж отвечает:

— Черт на барине едет.

Она и поверила.

А через несколько дней они опять поругались. Жена побежала к барину и принялась жаловаться — трещать про то, как ее муж, деньги нашел. Барин и спрашивает:

— Когда же он нашел?

— Да тогда, когда леденцовый град шел.

Барин поднялся и опять переспросил, когда же ее муж деньги нашел. А она отвечает:

— Да не знаю я, барин! Когда война железноклювых была.

Барин глаза выпучил и все равно ничего не понял.

А она возьми да и добавь:

— Муж деньги в тот день нашел, как черт на барине ехал.

— Ах ты, дурища! Это на мне-то черт ехал? — крикнул барин, дал ей тумака и выгнал вон.

Ж

ХИТРАЯ ВДОВА

Жила на свете бедная вдова с кучей детей.

Ходила она работать в барскую усадьбу, а один раз захворала и на работу не вышла. Рассердился барин и прогнал ее. Нечем стало горемыке малых детей кормить.

И задумала вдова отомстить барину. В полночь, когда все спали, увела она в лес самых лучших барских быков и привязала их к дереву.

На другой день хватился барин быков и разослал слуг на поиски. Вечером вернулись слуги ни с чем.

А вдова похвалилась перед соседом, что может разыскать барских быков. Дошел этот слух до барина. Послал он слугу за вдовой. Вдова погадала на картах и сказала, что быки в таком-то месте. Пошел туда слуга и привел быков домой. За свою ворожбу получила вдова награду от барина.

Однажды неведомый вор украл из королевской казны деньги. Король созвал всех колдунов, но не могли они разгадать, кто вор.

А тут как раз повстречался король с тем баринком, у кото-

рого быки пропадали. Барин возьми да и Расскажи королю, как отыскиали его быков. Король тотчас послал за вдовой. Вдова испугалась и стала отнекиваться: мол, и вовсе она не ворожея! Но королевские посланцы и слушать не хотели — поволокли вдову к королю.

Повалилась горемычная в ноги ему, клянется, что не ворожея она. А король приказывает запереть ее в особую палату, чтобы она всю ночь думала и наутро ему сказала, где деньги, а не скажет, пускай на себя пеняет — засекут ее.

Что делать вдове? Сидит она взаперти и плачет.

А деньги у короля его же слуга украл. Встревожился он, испугался королевского гнева, — побежал подслушивать за дверью ворожеи.

Приложил ухо и слушает.

А несчастная вдова знает: не найдет вора — не миновать ей плетей. Мечется по палате, руки ломает и причитает: — Займется заря, взойдет солнце, засвищут плети...

Как услышал эти слова вор, задрожал от страха и думает: «Она уж все узнала и расскажет королю!» Отворил он дверь, повалился в ноги вдове и просит, чтобы не выдавала его, ведь это он украл. Рассказал, где деньги спрятал, и пообещал щедро вознаградить, если она не выдаст его. Вдова согласилась.

На другое утро поворожила она королю и сказала, что деньги в пруду лежат. И верно — там их и нашли.

На радостях король задал пир и созвал много знатных гостей. Только задумал он еще раз испытать ведунью и приказал повару подать вдове вместо жареного цыпленка ворону. Начался пир. Всем гостям подали цыплят, а вдове — ворону.

Вдова только глазеет по сторонам — впервые на такой пир попала! Не утерпела и воскликнула:

— Ворона, ворона, как тебя сюда занесло!

И король и гости подивились ведунье. Тотчас было приказано подать ей жареного цыпленка. Король щедро наградил ворожею, и собралась она домой. Только захотелось королю еще раз испытать ее, и приказал он подложить ей в возок, под сиденье, яйца.

Вдова со всеми распростилась, влезла в возок и говорит:

— И рассядусь же я, как наседка на яйцах!

Тут король окончательно уверился, что другой такой ведуньи и на свете нет. А бедная вдова прожила в довольстве долгие годы, только ворожкой больше не промышляла.

БОЖИЙ ПОВАР

ел мужик с базара, купил там черпак, свиньям поило мешать. Шел он, шел, все на солнце поглядывал да поторапливался. Увидел, что барское поместье недалеко, еще шибче пошел, чтоб незаметно прошмыгнуть мимо, а не то, чего доброго, увидит барин и велит прийти на отработки.

Но нелегко бедняку укрыться от господских очей.

Идет он мимо барского цветника, глядь — навстречу барыня! Он и пустился на хитрость: принялся расхаживать меж цветов, а сам все на небо поглядывает. Барыня подбежала и спрашивает:

— Что ты все вверх поглядываешь? И на что тебе такая большая ложка?

А мужик знал, что у барыни недавно сын помер, вот он и говорит:

— Я — божий повар, спешу на небо, чтобы не опоздать и господу обед сварить.

— Так ты с неба? А не знаешь, как там мой сыночек живет? — принялась расспрашивать барыня.

— Совсем худо, — отвечал божий повар. — Обносился там, не на что новую одежду справить. А святой Петр не велит иголки продавать, так что и дыр зашить нечем. Служит он в божьей канцелярии. Когда бог в карты играет, так твой сынок, без денег-то, в уголке сидит — на других глядит.

— А есть ему дают?

— Где там! Кто ему даст! На небо все свое брать надо.

— А ты не отнесешь ему, что требуется?

— Отчего же нет? Можно и отнести.

Барыня попросила божьего повара малость обождать, а сама пошла в дом за деньгами, иголкой и одеждой. Взяла сто рублей, новую мужнину тройку, дюжину иголок, десятка три баранок — завязала все это в узел и отдала божьему повару. Он узел за плечо, деньги в карман — и пошел своей дорогой.

Только ушел божий повар, вернулся и сам барин. Барыня на радостях кинулась навстречу и обо всем рассказала. Барин говорит:

— Ну и дура! Ничего он не отнесет нашему сынку. Вор это был. Надо догнать его. Давно он ушел?

Барыня испугалась.

— Нет, недавно!

Барин оседлал Сивку, поскакал вдогонку за вором. Божий повар почуял погоню, спрятал узел в кустах, влез на крышу ближней избенки и давай солому из нее драть. А время было обеденное, все ушли в избу, никто его и не приметил.

Подъехал барин и спрашивает:

— Не проходил здесь божий повар, не видал ты его?

— Видал. Пошел он за лес, там с горы путь на небо короче. Только тебе не догнать его, больно уж дорога извилистая да путаная. Кабы я поехал, догнал бы. А ты и догонишь, так не признаешь его.

— Вот и поезжай, уважаемый, — просит его барин.

— Да мне надо до вечера крышу раскрыть, видишь, не могу, — отговаривается мужик.

— Я за тебя крышу раскрою, а ты догони вора! — упрашивает барин.

— Ну ладно, коли так, — ответил мужик, слез с крыши и вскочил на Сивку.

Подъехал к кустам, захватил свой узел и умчался прямо к себе домой.

Вышли мужики после обеда, глядят — крышу кто-то разоряет.

— Кто тебе велел крышу разорять? — спрашивают они.

— Тут один человек работал, да он ускакал вора ловить, так меня заставил, — отвечает барин.

Мужики стащили барина с крыши, пересчитали ему ребра и отпустили на все четыре стороны.

Вернулся барин домой, жена его и спрашивает:

— Ну как, поймал вора?

— Поймал, — отвечает. — Только он и в самом деле божий повар; сказал, что сыночку нашему трудно по небу пешком ходить, так я ему и Сивку отдал.

— Пускай себе на здоровье ездит, — решила и барыня.

КАК МУЖИК БАРИНА ПОЗДРАВЛЯЛ

Т

раздновал один барин именины. Крепостным приказали поздравить его и подарок принести. Управитель сказал:

— Барин не любит, когда много говорят, вот и говорите поменьше. Как только отворите дверь в барские покои, тут один кто-нибудь скажет: «Поздравляем тебя, барин!» А остальные из-за двери добавьте: «Со всем твоим семейством!»

Сказано — сделано. Выбрали самого смелого мужика подарок нести, а остальные за дверями стоят. Взял он горшок с медом и пошел. А пол в господском доме так начищен, что на деревянных подметках можно ходить, только держась за стенку. Только шагнул он — деревяшки скользнули, горшок с медом из рук вывалился, мужик растянулся на полу и крикнул:

— А чтоб тебя черти взяли!

А остальные крепостные, зная, что им говорить, в один голос закричали:

— Со всем твоим семейством!

ДЕЛЕЖ ГУСЯ

Ж

или-были старик со старухой. Ничего-то у них не было, один только гусь. И того старик зарезал, зажарил, подал на стол и сказал жене:

— Как есть без хлеба? Снесу-ка я его в подарок барину и попрошу хлеба.

— Неси, — ответила жена.

Старик немедля понес барину гуся, поклонился и говорит:

— Принес я в подарок вашей милости гуся, авось, краюху хлеба получу.

— Благодарствую, — отвечает барин. — Только раздели своего гуся между нами так, чтобы никого не обидеть, тогда и хлеба получишь.

А было у барина двое сыновей, две дочери и жена. Дал он старику нож, и стал тот делить. Сперва отрезал голову, подал барину и сказал:

— Ты всему дому глава, значит, тебе и голова.

Потом отрезал гузку и подал хозяйке:

— Тебе за хозяйством присматривать, дома сидеть, стало быть, и гузкой владеть.

Отрезал лапки, дал их сыновьям и приговаривает:

— Вам идти по отцовской дорожке, вам и гусиные ножки.

Отрезал крылья, подал дочерям и говорит:

— Недолго вам угождать отцу, вот вам и крылья, лететь к венцу.

Тушку старик взял себе и сказал:

— А у меня за душой ни полушки, хватит с меня и тушки.

Похвалил барин старика за справедливый дележ, наградил его деньгами и хлебом.

Прослышал об этом один богатей. Зажарил он пять гусей и принес их барину, а сам заранее барыши подсчитывает. Поклонился и говорит:

— Принес я вашей милости в подарок пять гусей.

— Благодарствую, — сказал барин, — а теперь раздели их между нами, да смотри — никого не обидь.

Пораскинул богач умом, а ничего не придумает. Тогда послал барин за бедняком, который так хорошо гуся поделил. Старик пришел, а барин ему и говорит:

— Раздели между нами пять гусей, да смотри — никого не обидь.

Взял старик одного гуся, подал барину с барыней:

— Вас двое, гусь третий!

Другого гуся дал сыновьям:

— Вас двое, гусь третий!

Третьего гуся протянул дочерям:

— Вас двое, гусь третий.

Себе взял последних гусей и сказал:

— Два гуся, я третий.

Похвалил барин старика, наградил еще щедрее, а богача прогнал. Так тот и остался ни с чем.

ХИТРЫЙ СЛУГА

У одного барина был хитрый слуга. Как-то раз он и говорит барину:

— Обману я тебя, сударь.

— Как же ты меня обманешь? — удивился барин.

Вот они и поспорили на сто золотых.

Поехал однажды барин со своим слугой в дальние места. В пути их вечер застал. Подъехали к ближнему поместью, барин и говорит слуге:

— Поди в усадьбу, попросись переночевать.

Пошел слуга, встретил хозяина поместья и попросился переночевать. Хозяин согласился. А слуга ему сказал:

— Барин мой глуховат, ему кричать надо.

Вернулся слуга к коляске, доложил, что приняли их на ночлег, потом добавил:

— Все бы хорошо, только барин в этом поместье глуховат, ему кричать надо.

Приняли барина со слугой честь-честью. Только господа между собой так громко говорили, что стены дрожали. Целый вечер один другого громче кричали — все расска-

зывали про свои имена и разные прочие дела. А слуга только посмеивался.

На другое утро, перед отъездом, гость возьми да и спроси хозяина:

— Скажи, почтеннейший, давно ли оглох?

— Да я вовсе не глухой, — удивился хозяин, — а ты, сударь, давно не слышишь?

— Да ведь и я не глухой, — ответил гость.

Поняли они тогда, что это проделка слуги. Барин отдал ему по уговору сто золотых и больше уж со своим хитрым слугой об заклад не бился.

МУЖИК У БАРИНА НА ОБЕДЕ

В базарный день поехал барин в город да припозднил-ся. Дорогой повстречал он своего крепостного мужика — тот уж с базара возвращался — и спрашивает:

— Большой базар нынче?

— Не мерил, барин, — отвечает мужик.

— Не про то я спрашиваю. Спрашиваю — много ли народу на базаре?

- Не считал, барин. Приедешь, сам увидишь.
- Так-то ты мне отвечаешь? — вскипел барин.
- Так, барин, — спокойно отвечает мужик.
- Где ты живешь?
- Недалеко от твоего поместья, барин.
- Ну, приходи завтра на обед, — приказал барин.
- Ладно, барин, приду, — согласился мужик.

А крепостные хорошо знали норы своего барина. Если он в сердцах велит прийти на обед — так и знай: либо собаками затравит, либо управитель арапником угостит.

На другой день поплелся мужик к барину «на обед». Захватил с собой добрую жердь — от собак отбиваться — и идет себе, раздумывает о барском «обеде». Дорогой увидал на берегу озера спящего зайца. Схватил длинноухого и понес барину в подарок, задобрить его.

А в поместье встретила его свора злых собак. Видит мужик, что плохо его дело, и бросил им зайца. Псы кинулись в погоню за зайцем, а мужик идет в барские покои. Зашел в горницу, уселся за стол и ждет как ни в чем не бывало.

Выходит к нему барин, спрашивает:

— Ты чего тут сидишь?

— Как ты вечор просил, барин, я и пришел на обед, — преспокойно отвечает мужик.

Барин обозлился, кличет управителя.

— Уведи этого чумазого в амбар и задай ему там «обед»! — приказал барин.

Управитель повел мужика в амбар, а сам отправился за арапником. А в амбаре стояла бочка с вином. Мужик подбежал к бочке, вытащил втулку и забросил ее куда подальше. Вино и хлынуло. Управитель вернулся, видит, вино течет, бросился к бочке, заткнул дыру пальцем, да так и стоит, не отходя от бочки. А мужик целехонек домой вернулся.

НАХОДКА

Один батрак обозлился на барского управителя и все думал, как бы его проучить. Однажды подобрал он соломинку и обмотал ее вокруг пальца. Увидел управитель у него на пальце что-то желтое и спрашивает:

— Что это ты нашел?

Батрак спрятал руку за пазуху и отвечает:

— Не скажу.

Управитель говорит:

— Ну и не отвечай, я и так знаю.

— Что знаешь?

— Да то, что сама барышня тут проходила и обронила золотое кольцо, а ты нашел и не говоришь. Вот пойду к барину и пожалуюсь, что ты кольцо нашел, а отдавать не хочешь. Ужо попадет тебе!

Тащит управитель батрака к барину и всю дорогу уговаривает:

— Я первый кольцо увидел, давай награду пополам поделим.

— Что ж, давай, — говорит батрак.

Пришли они к барину, и управитель доложил, что они нашли кольцо. Барин спрашивает:

— Кто же из вас его нашел?

— Я увидел, а он поднял, — кричит управитель.

— Ладно, дарю вам по быку.

Батрак говорит:

— Не возьму я такого подарка. Мои дети убоину есть не привыкли, а как привыкнут, где мне потом мясо брать?

Управитель ему шепчет:

— Бери, бери, я покупаю.

— Что ж, — говорит барин, — тогда даю вам по бочке пшеницы.

Батрак опять отказывается:

— Привыкнут ребята к пирогам, а где мне их брать?

Управитель опять ему шепчет:

— Бери, бери, я у тебя покупаю.

Наконец столкнулись.

— А кольцо где? — спрашивает барин.

Батрак отвечает:

— Да никакого кольца я не находил, только взял и обмотал палец соломинкой.

Разгневался барин и велел отсчитать им обоим по двадцать пять плетей. Управителю первому высыпали. Только было взялись за батрака, а он говорит:

— Я ему и свою долю уступаю. Такой у нас уговор. Так батрак проучил управителя.

КТО ЛЮДЕЙ ПЛУТОВАТЬ НАУЧИЛ

Ж

ил в стародавние времена один бедный человек. Сперва он еще кое-как концы с концами сводил, а потом пошли одни неудачи. Была у него лошадь — пала, была корова — тоже издохла. Некого ему в соху запрягать, и зернышка посеять не может.

Приперла нужда — распродал он последнюю одежонку и домашние пожитки, остался гол, как сокол. Однажды утром вышел в соседний лесок и видит — едет пан на сером коне, с шестеркой гончих. А был это святой Георгий. Конь — загляденье, уздечка золотая, стремена тоже из чистого золота.

Спрашивает человек:

— Куда скачешь, святой Георгий?

— Скачу к господу богу со всякими мольбами.

— Спроси-ка у господина, отчего мне так мучиться

приходится. Разживусь я когда или нет? День и ночь работаю, а прокормиться не могу.

Ладно, спрошу. Приходи сюда завтра об эту же пору.

Обещал святой спросить, а как приехал к богу, заговорился о том, о сем, а про этого человека и забыл. На другой день увидел человек этого святого и спрашивает, что про него бог сказал, но святой отговорился, — мол, дела у него поважнее были, он и забыл совсем про бедняка спросить. И так день за днем, все забывал и забывал. Бедняк однажды и придумал: пускай Георгий оставит ему одно золотое стремя, а там, как в седло сядет, а стремени нет, вот и вспомнит его. Святой согласился, отцепил одно стремя и подал его бедняку.

Поговорил Георгий с господом богом и собрался домой ехать. Подошел к серому коню, глядь — а стремени нету. Вспомнил он тогда бедняка-горемыку и спросил у бога, когда же тот разживется. «Только тогда разбогатеет, когда плутовать научится», — ответил господь.

Наутро бедняк опять в поле вышел — ждет. Через часок какой, глядь — скачет. Еще за три поля крикнул ему бедняк:

— Святой Георгий, что про меня бог сказал?

— Научишься плутовать, тогда разбогатеешь. А теперь отдавай мое стремя, мне домой пора.

— Какое стремя? Никакого стремени я не видывал. Может, потерял где на скаку, а теперь ко мне привязываешься!

Вот кто людей плутовать научил.

СВЯТОЙ ДУХ

Ж

или в одном местечке четыре ксендза: старик-настоятель и три викария. Собрались они как-то у настоятеля и долго совет держали о том, как похитрее людей обманывать, чтобы они крепче верили в бога и святого духа. Одни одно, другие другое советуют, а старый настоятель и говорит:

— Надо показать им могущество божье.

Всем пришлось по душе слова настоятеля. И пообещал он в первое же воскресенье сотворить чудо.

Позвал пономаря и сговорился с ним. Только, мол, настоятель во время проповеди воскликнет: «Господи, покарай сих грешников!» — пономарь начнет кидать через продох в потолке пучки зажженной пакли, а когда настоятель призовет духа святого — выпустит белого голубя.

В пятницу пономарь из сил выбился, отыскивая на базаре белого голубя. Наконец купил, принес настоятелю. Настоятель велел голубя хорошенько накормить и пригласить, чтобы перья не ерошились.

В воскресенье утром настоятель позвал пономаря и

опять растолковал, что и как делать. Дал ему денег и приказал об этом ни гу-гу.

Вот входит настоятель в костел и как начнет кричать, как начнет грозить прихожанам и проклинать их на все лады. А люди слушают и ухом не ведут, иные еще и пересмеиваются. Рассердился настоятель и воскликнул:

— Господи, покарай сих грешников!

Тотчас стал пономарь сверху пучки зажженной пакли кидать. Испугались прихожане: вот-вот пожар начнется. Одни к дверям бросились, другие толпятся в притворе. Да только двери на запоре были. Вот суматоха поднялась!

— Боже! Ниспошли нам духа святого!

Воззвал раз, воззвал другой, а голубя нет как нет.

Опять взмолился настоятель, а пономарь все не выпускает голубя.

Тут уж настоятель крепко рассердился на пономаря и крикнул во всю глотку:

— Господи, слышишь ли ты меня, господи! Тебе говорю, ниспошли духа святого! Не бойся, пошли какого ни на есть — хоть плохонького!

А пономарь высунул голову в продух и отвечает:

— Отец настоятель, голубя кошка съела. Хочешь, курицу брошу?

Люди поняли, только со смеху покатываются.

А настоятель не на шутку обозлился, оттого что не удалась его хитрость.

КАМЕНЬ-СВИДЕТЕЛЬ

Т

рослужил один батрак у кулака пятнадцать лет. За долгие годы поднакопил он малость деньжат. А кулак когда займет у него, когда не отдает заработанного, — все обещает позже расплатиться. Так он перебрал немало денег, а вернуть их и не думал. Раз как-то батрак работал в поле, уморился и присел отдохнуть на камень. Сидя на этом камне, заговорил он с кулаком про долг. А тот слушать ничего не хочет. Батрак и говорит:

— Пускай этот камень будет мне свидетелем.

Через некоторое время батрак опять потребовал у кулака долг. Кулак стал отпираться, мол, никаких денег у него не брал. Батрак в суд подал. Только и на суде кулак отпирался. Ведь у батрака свидетелей не было. Тот и говорит:

— Да ведь мы с тобой так-то и так говорили, и раньше и намеренны на том камне, на твоём же поле.

— Нет, — отвечает кулак, — никакого камня я не знаю, и с тобой не говаривал, и ничего такого не было.

— Как же это? И камень доказать может.

— Ну, когда так, — сказал судья, — ответчик должен привезти свидетелем тот камень, мы его и спросим.

— Да как такую громадину привезешь! Его и тройка лошадей не дотащит, — говорит кулак.

— Ага, говоришь, громадина, выходит, знаешь, каков он! Видать, должен ты те деньги, — сказал судья.

Кулак было на попятный, да так и не вывернулся: пришлось долг вернуть.

ТРИ КОЛЕСНИКА

ли лесом три колесника и ну жаловаться на свою судьбинушку.

— Эх, — говорят, — отделаться бы нам от своих утроб, как бы мы разбогатели. А то сколько ни заработаем, все проклятая утроба сожрет.

Услышал их один старичок.

— А вам охота от своих утроб отделаться? — спрашивает.

— Еще бы не охота! Нашелся бы такой человек, который бы эти ненасытные утробы забрал, век бы его благодарили.

— Ну ладно, я могу это сделать.

И тут же вытащил утробу у одного, у другого, у третьего и повесил их на три дубка.

Идут колесники — не нарадуются, что от утроб избавились: как же, и есть теперь не надо, и время даром не тратить, и таскать такую тяжесть не придется, — знай только работай да денежки копи.

Пришли они в город и взялись за работу.

Что ни вечер, то и рубль. А куда его девать? — известно, в карман. Пробыли мастера в городе почитай два года и столько денег накопили, что и счесть невозможно!

Наступил праздник. Уселись мастера и рассказывают друг другу, кто сколько за месяц заработал. Да в разговоре-то вспомнили про свои утробы и говорят:

— Что толку в нашем достатке, когда утроб нет. Были бы утробы, — поели бы мы, попили, и на сердце веселее бы стало. А то гляди на эти деньги, стереги их, а пользы от них никакой! Пропади они пропадом! Пойдем-ка утробы искать!

И отправились.

Приходят они обратно в тот лес, глядят — дубочки-то почти с корнем съедены, а утробы лежат на земле сморщенные, залубенели, пожелтели на солнышке... Испугались колесники.

— Пропали мы вконец, не вернуть нам свои утробы!

— Да не бойтесь, — отозвался из-за елки тот же старичок.
— Я вам приживлю их.

Взял и пристегнул каждому его утробу. Не знали мастера, как отблагодарить старичка.

— Покуда живы будем, — сказали, — не забудем тебя!

Вернулись домой, закололи бычка, накупили всяких напитков... А как же, денег много, утробы есть: пей, ешь, катайся, как сыр в масле.

Прошел месяц. Хватились колесники — в карманах ни гроша. Нечего делать, пришлось за дело браться — опять на утробу работать, ведь больше никому не хотелось от нее избавиться.

ЛЕНИВАЯ ЖЕНА

Б

ыла у одного крестьянина ленивая жена — ни дома, ни в поле работать не хотела. Выйдет поутру в поле дергать лен и тут же ложится отдохнуть. Всякое дело откладывала со дня на день.

— Это — на завтра, — скажет, — это — на послезавтра, а нынче делать йечего.

Так она проленилась все лето, пока лен в поле не сгнил. Всего и притащил муж, что небольшую охапку, высушил, измял и приказал молодой жене спрясть. А она опять отговаривается:

— А у меня и веретена нет, как я спряду?

Собрался муж в лес срубить деревцо на веретено, а ленивая пряха забежала вперед, влезла на ель и ждет мужа. Как подошел муж к деревцу, она и крикнула чужим голосом:

— Кто хоть ветку сорвет, у того жена помрет, кто хоть ветку сорвет, у того жена помрет.

Услыхал муж такие слова, покачал головой и поплелся домой. Еще не хотелось ему, чтобы жена померла.

А дома уж поджидает его жenuшка.

— Где веретено? — спрашивает.

Муж отвечает:

— Подумай только, остерегла меня добрая лаума: «Кто хоть ветку сорвет, у того жена помрет». Что же я из-за веретена губить тебя стану? Лучше уж остаться нам без веретена и без пряжи.

Лентяйка была рада-радехонька таким словам. Нет веретена — и прясть не надо. Тем временем поизносились у нее вся одежда, — еле прикрывала спину, такая рваная была.

Позвали их однажды на свадьбу. Лентяйка сама вызвалась с мужем пойти, да ведь в такой рубашке не покажешься. Послала она мужа к родным за рубашкой, а сама затопила печь, пироги на свадьбу печет. Рубашки мужу родные не дали, Дали только белого гуся. Взял он его под мышку и — домой.

Жена издали увидела, что муж несет что-то белое, и подумала — рубашка это. Поскорее сняла с себя последние лохмотья и сожгла. Пришел муж и показывает ей гуся. Пригорюнилась жена: осталась без рубашки, а самой страсть охота попировать, на свадьбе погулять. Сидит она, плачет, не знает, как быть.

А муж и вздумал проучить ее за лень. Запряг лошадь, принес вязанку соломы и говорит:

— Ехать-то можно, только придется тебе малость помучиться. Согласна?

Жена согласилась. Тогда муж увязал ее в солому, положил в телегу, уселся на нее и поехал на свадьбу. А как приехал, воз во дворе оставил, а вязанку соломы с женой бросил возле дверей. Посидит он за столом и выйдет поглядеть, каково жене. Сунет ей в солому кусок пирога, а она еще просит.

Выпили гости, развеселились, вышли во двор, и все-то толкают вязанку соломы, а иной и сесть на нее норовит. Лежит лентяйка еле жива, а что поделаешь!

И так ее проняло, что стала она упрашивать мужа, чтобы он ее домой отвез. Тут же обещала наперед лен дергать так, что земля дрожать будет, а прясть так, что в ушах загудит. Понял муж, что жене наука впрок пошла.

Бросил он ее в телегу, повез домой. И в самом деле стала ленивая жена работающей. Все наперебой звали ее в гости. Всякий раз она приходила в новой, нарядной рубашке, вытканной своими руками. И всякий раз спешила с пирушки домой, чтобы за дело взяться.

СЫНОК-ДАРМОЕД

Вырастил отец сынка-дармоеда, никак его к работе не приохотить. Замаялся с ним отец: и силком гнал, и ругмя-ругал, и добром просил, а сыночек как был лентяем, Так им и остался. Втемяшилось ему в голову, что найдет он клад, разбогатеет, — не придется в поте лица добывать пропитание. Отца это не радовало, знал он, что лентяю хлеб со слезами достается, потому и бранил сына, заставлял его делом заниматься.

Однажды вернулся он с поля, видит, что сын баклуши бьет, и говорит:

— Идй-ка, сынок, скорехонько в конец поля, там в лесу большие деньги найдешь. На все хватит, еще и останется. Захвати только топор да лопату.

Сынок подскочил от радости да так проворно собрался, что мигом очутился в конце поля. Отец велел ему осинки рубить.

— Вот тут, — сказал он, — сам видал — деньги лежат, вон под теми деревьями должны быть.

А сам стал пни корчевать. Сынок тоже кинулся помогать,

не щадя сил. Поддел пень вагой и с отцовской помощью выворотил, только денег не нашел.

— Все равно есть тут деньги, ведь я их явственно видел, — твердит отец, — придется только весь этот пригорок расчистить да все пни перебрать.

Тяжко вздохнул сын, поплевал на ладони и опять за работу. Хотя пот со лба катился и вся спина взмокла, да не хотелось ему оставлять деньги.

Работали они с завтрака до самого обеда, весь перелесок в чистое поле обратили, одна беда — денег так и не нашли.

Притомились, сели отдохнуть и толкуют, что дальше делать. Отец уговорил сына вернуться после обеда и все поле сохой перепахать, бороной переборонить: вспашешь-де земельку, раздерешь дернину, скорей выпашешь да выборо-нишь те денежки.

Только денег так и не выпахали.

Пригорюнился сын, а отец его утешает:

— Труд наш даром не пропадет, денежки все равно добудем — не теперь, так по осени.

Засеял отец вырубку яровыми. Дружно проклюнулись густые всходы, и колосья стеной поднялись.

Осенью, после молотбы, нагрузили отец с сыном полные возы зерна и поехали на базар. А там покупатели им пригоршнями деньги отсыпали.

— Видишь, сыночек, — говорит отец, — как хорошо малость попотеть. Денежки рекой льются! Недаром я говорил: поди покопай, денежек поищи. Вот и накопал, пожалуй, и разбогател. И еще больше разбогатеешь, коли каждый год работать так будешь.

Стыдно стало сыну, и обещал он больше не лениться. С той поры стал работать на совесть. И сам был доволен, и другие на него радовались.

ПШИК

Ж

ил в одной деревне крестьянин, и был у него сын. Крепко любил его отец, с малых лет холил, не поуждал ни к какой работе.

Думает однажды отец: «Надо отвезти сынка в город. Пускай научится читать-писать по-литовски, да и латынь выучит. Чего доброго, и в паны выйдет».

Отвез, отдал учителю и попросил не очень изводить сынка учением, чтобы не уставал он.

Прошло три года, а мальчик ни одной буквы не выучил: без труда наука в голову не пойдет. Однажды учитель повстречал его отца и говорит:

— Вот что, почтенный. Из твоего сына толку не будет. Хоть кол у него на голове теши — ничего не разумеет, ничего не умеет.

Услышал это отец и подумал: «Пахарем мой сыночек не будет — с малых лет чурался черной работы». Думал он, думал и надумал обучить сына кузнечному делу. Привел его к кузнецу и просит не очень донимать сынка работой. Пускай он только глазками глядит, так всему и выучится. Удивился кузнец, а все же уговорился о плате и принял парня в учение.

Чтобы сыну ловчее было приучаться к кузнечному делу, принес отец в кузницу пехтерь, повесил на гвоздь, посадил в

него сына и не велел ему ничего трогать. Дозволил только смотреть да глядеть, как другие работают, чтобы самому научиться.

Сын обещал отцу исполнить его наказ и, сидя в пехтере, стал учиться кузнечному делу.

Вот однажды пришел отец в кузницу и спрашивает сына:

— Ну что, сынок, выучился?

Сын отвечает:

— Выучился, батюшка, могу уж за любую кузнечную работу взяться.

— Вот и хорошо, — сказал отец. Заплатил он кузнецу за обучение и повез сына домой. Дома спрашивает его:

— Какая снасть, сынок, требуется в твоём ремесле?

Сын отвечает:

— Надо кузницу поставить, меха купить, молоты, клещи и прочую снасть. Да еще несколько полос железа.

Поставил отец кузницу, накупил всякой снасти и просит сына сковать топор. Пошел сын в кузницу и принялся за дело. Отец раздувает мехи, а сын раскаляет железо. Накалил его, стал ковать. И так и сак бил молотом, стучал по железу на наковальне — никак топор не выходит.

— Сильнее надо раскалить, — говорит сынок.

Опять сунул в горн железо. А оно вконец расплавилось и расплылось. Увидев, что из него не сковать уж большого топора, сын говорит отцу:

— Нет, батюшка, большого топора из этой полосы не выйдет. Можно сделать только маленький топорик.

Отец и на это согласился. Опять сын раскаляет железо, опять кует. Наконец видит, что и топорика не выйдет — железа убавилось, прогорело. Он опять говорит:

— Батюшка, скую-ка я лучше нож!

— Ладно, пускай будет нож!

Сын опять нагревает железо и кует, нагревает и кует, только и ножа не вышло, оттого что от полосы один краешек остался.

— Батюшка, и ножа не выходит. Лучше погляди, какую я занятную штуку выкую!

— Ладно, сынок, выкуй! — говорит отец.

Опять принялся сын раскалять железо. Грел-грел, пододвинул ближе бочку с водой и говорит:

— Увидишь, батюшка, что получится! — Бросил он в воду раскаленный докрасна кусочек железа. Железо только —

пшик! — во все стороны брызгами разлетелось. А больше и ничего.

— Гляди, батюшка, какой пшик вышел! — обрадовался сынок.

С тех пор этого лентяя-сына прозвали Пшиком.

ИСКОРКА И ОГОНЕК

Жили когда-то искорка и огонек. Повстречались они однажды, подружились и пошли вместе погулять. Захотелось искорке пить, а кругом — ни капли воды. Наконец нашли они след бараньего копытца, полный дождевой водой. Искорка и говорит:

— Братец, я попью!

А огонек просит:

— Не пей, сестрица, утонешь.

Послушалась его искорка, и пошли они дальше искать воду. Шли-шли и попали на след бычка, полный дождевой водой. И опять искорка говорит:

— Братец, я попью!

Огонек опять просит:

— Не пей, сестрица, утонешь.

На этот раз не послушалась его искорка. Стала пить и утонула. Заплакал огонек, оставшись одиноким, не знает, что и делать. Побежал он к бычку и поет:

— Иди, бычок, из следа пить,
Утонула моя искорка.

А бычок говорит:

— Я тогда пойду из следа пить, когда меня ярмо запряжет.

Побежал огонек к ярму и поет:

— Иди, ярмо, бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Ярмо говорит:

— Я тогда пойду бычка запрягать, когда меня будет топор рубить.

Побежал огонек к топору и опять поет:

— Иди, топор, ярмо рубить,
Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Топор и говорит:

— Я тогда пойду ярмо рубить, когда меня будет утес точить.

Побежал огонек к утесу и поет:

— Иди, утес, топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,
Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Утес говорит:

— Когда меня будет река размывать, тогда я и пойду топор точить.

Побежал огонек к реке и опять поет:

— Иди, речка, утес размывать,
Пойдет утес топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,

Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Река и говорит:

— Когда во мне будет лоза расти, тогда я и пойду утес размывать.

Побежал огонек к лозе и поет:

— Иди, лоза, в реке расти,
Пойдет река утес размывать,
Пойдет утес топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,
Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Лоза и говорит:

— Когда меня будет коза щипать, тогда я и пойду в реке расти.

Побежал огонек к козе и поет:

— Иди, коза, лозу щипать,
Пойдет лоза в реке расти,
Пойдет река утес размывать,
Пойдет утес топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,
Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Коза говорит:

— Я тогда пойду лозу щипать, когда меня волк будет резать.

Побежал огонек к волку и поет:

— Иди, волчок, козу резать,
Пойдет коза лозу щипать,
Пойдет лоза в реке расти,
Пойдет река утес размывать,
Пойдет утес топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,

Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Волк говорит:

— Я тогда пойду козу резать, когда меня будет стрелок стрелять.

Побежал огонек к охотнику и поет:

— Иди, стрелок, волка стрелять,
Пойдет волк козу резать,
Пойдет коза лозу щипать,
Пойдет лоза в реке расти,
Пойдет река утес размывать,
Пойдет утес топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,
Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Стрелок говорит:

— Я тогда пойду волка стрелять, когда пойдет сеть меня полонить.

Побежал огонек к сети и поет:

— Иди, сеть, стрелка полонить,
Пойдет стрелок волка стрелять,
Пойдет волк козу резать,
Пойдет коза лозу щипать,
Пойдет лоза в реке расти,
Пойдет река утес размывать,
Пойдет утес топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,
Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Сеть и говорит:

— Я тогда пойду стрелка полонить, когда меня мышь будет грызть.

Побежал огонек к мыши и поет:

— Иди, мышка, сеть грызть,
Пойдет сеть стрелка полонить,
Пойдет стрелок волка стрелять,
Пойдет волк козу резать,
Пойдет коза лозу щипать,
Пойдет лоза в реке расти,
Пойдет река утес размывать,
Пойдет утес топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,
Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Мышь и говорит:

— Я тогда пойду сеть грызть, когда меня будет кошка ловить.

Побежал огонек к кошке, обнял, расцеловал ее и начал петь:

— Пойдем, кошечка, мышь ловить,
Пойдет мышь сеть грызть,
Пойдет сеть стрелка полонить,
Пойдет стрелок волка стрелять,
Пойдет волк козу резать,
Пойдет коза лозу щипать,
Пойдет лоза в реке расти,
Пойдет река утес размывать,
Пойдет утес топор точить,
Пойдет топор ярмо рубить,
Пойдет ярмо бычка запрягать,
Пойдет бычок из следа пить,
Утонула моя искорка.

Кошка — прыг с печки, бросилась мышь ловить, побежала мышь сеть грызть, побежала сеть стрелка полонить, побежал стрелок волка стрелять, побежал волк козу резать, побежала коза лозу щипать, побежала лоза в реке расти, побежала река утес размывать, побежал утес топор точить, побежал топор ярмо рубить, побежало ярмо быка запрягать, а бык побежал и выпил всю воду из своего следа. Ожила искорка, расцеловалась с огоньком, и пошли они до-

КТО ВЫТАЩИЛ ИГОЛКУ

Однажды вонзилась девочке в руку иголка. Вот девочка побежала к топору и говорит:

— Топорик, топорик, вытащи из руки иголку!

— Некогда мне, — отвечает топор, — надо дрова рубить.

Тогда девочка побежала к камню:

— Камень, камень, разбей топор, он меня не послушался, не вытащил из руки иголку.

А камень ей отвечает:

— Не так давно меня из земли вырыли, надо мне обсохнуть, не до топора мне.

Тогда пошла девочка к огню:

Огонь, огонь, сожги камень, он меня не послушался, не разбил топор.

— Меня только что раздули, дай хорошенько разгореться, не до камня мне!

Пошла девочка к реке, а речка журчит, вьется меж холмов, полей и лесов. Вот девочка и просит ее:

— Речка, реченька, залей огонь, он меня не послушался — не сжег камня.

— Недавно я здесь русло проложила, оно еще не глубокое, некогда мне заливать огонь, — прожурчала речка.

Пригорюнилась девочка, пошла дальше, и попался ей на пути лозняк.

— Лозняк, лозняк, запруди речку, запруди упрямыцу-речку, загороди ей путь, не послушалась она меня, не залила огня.

— Я еще не разросся на своем месте, некогда мне с речкой возиться!

Дальше идет девочка, встречает козу и говорит ей:

— Козочка, козонка! Обгложи лозняк, не послушался он меня, не загородил путь речке.

— Я еще и свой куст не объела, мне недосуг, — промекала коза.

Пошла девочка к собаке и просит ее:

— Собачка, собачка, съешь козу, не послушалась она меня, не обгрызла лозняк.

— Нашла я большую кость, надо ее обглодать, некогда мне. Не стану есть козу!

Пошла девочка дальше. Видит, паук паутину плетет, и говорит ему:

— Паук, паучок, опутай собаку паутиной, не хочет она козу съест.

— Я еще не доплел паутину, некогда мне.

Подошла девочка к мышке и говорит:

— Мышка, мышка, разорви паутину, не послушался меня паук, не хочет паутиной собаку опутать.

— Я своим детушкам норку устраиваю. Некогда мне паутину рвать.

Запечалилась девочка и пошла уговаривать кошку:

— Кошка, кошка, съешь мышку, не послушалась она меня, не разорвала паутину.

Кошка только того и ждала. Кинулась она на мышку, мышка порвала паутину, паук, спасая паутину, стал собаку опутывать, собака бросила кость, схватила козу, коза кинулась от своего куста к лозняку, лозняк, испугавшись козы, стал загораживать речке путь, речка принялась заливать огонь, огонь стал жечь камень, камень — бить по топору. Топор тотчас вытащил иглу из руки.

Избавилась девочка от иголки и вернулась домой.

КОРОЛЕК И КУПЫРЬ

Ж

ил старик со старухой. Была у них птичка-невеличка — королек. Пошел раз королек к купырю-траве и говорит:

— Купырь, купырь, покачай меня.

А купырь отвечает:

— Не стану тебя качать.

— Коли не покачаешь, пойду я к козе. Она тебя съест, — рассердился королек.

Пошел он к козе и говорит:

— Коза, коза, поди купырь пощипли. Купырь меня качать не хочет.

А коза и говорит:

— Не пойду.

И не пошла купырь щипать. Отправился тогда королек к волку.

— Волк, волк, поди козу задери. Коза не хочет купырь щипать, а купырь меня не качает.

А волк говорит:

— Не пойду.

— Пойду я тогда к стрелку, — сказал королек. — Он тебя застрелит.

Пришел королек к стрелку.

— Стрелок, стрелок, поди волка застрели. Волк не хочет козу драть, коза не хочет купырь щипать, а купырь меня не качает.

— Не пойду, — сказал стрелок.

Тогда королек попросил вожжи:

— Вожжи, вожжи, свяжите стрелка. Стрелок не хочет волка стрелять, волк не хочет козу драть, коза не хочет купырь щипать, а купырь меня не качает.

Вожжи сказали:

— И мы не пойдём.

Отправился королек к огню.

— Огонь, огонь, иди вожжи жечь. Вожжи не хотят стрелка вязать, стрелок не хочет волка стрелять, волк не хочет козу драть, коза не хочет купырь щипать, купырь меня не качает.

— Не пойду, — сказал и огонь.

Отправился тогда королек к воде.

— Вода, вода, залей огонь. Огонь не хочет вожжи жечь, вожжи не хотят стрелка вязать, стрелок не хочет волка стрелять, волк не хочет козу драть, коза не хочет купырь щипать, купырь меня не качает.

Вода говорит:

— Не пойду.

Отправился королек к бычку.

— Бычок, бычок, иди воду выпей. Вода не хочет огонь гасить, огонь не хочет вожжи жечь, вожжи не хотят стрелка вязать, стрелок не хочет волка стрелять, волк не хочет козу драть, коза не хочет купырь щипать, а купырь меня не качает.

— Не пойду, — сказал и бычок.

— А я за дубиной пойду, — пригрозил королек.

Пришел к дубине.

— Дубина, дубина, иди бычка побей! Бычок не хочет воду пить, вода не хочет огонь гасить, огонь не хочет вожжи жечь, вожжи не хотят стрелка вязать, стрелок не хочет волка стрелять, волк не хочет козу драть, коза не хочет купырь щипать, а купырь меня не качает.

— Не пойду!

— А не пойдешь, я к червяку пойду. Он тебя источит.

Пришел к червяку.

— Червяк, червяк, иди дубину точить. Дубина не хочет бычка бить, бычок не хочет воду пить, вода не хочет огонь гасить, огонь не хочет вожжи жечь, вожжи не хотят стрелка вязать, стрелок не хочет волка стрелять, волк не хочет козу драть, коза не хочет купырь щипать, а купырь меня не качает.

— Не пойду, — сказал червяк.

Королек отправился к курице.

— Курица, курица, иди червяка склюй. Червяк не хочет дубину точить, дубина не хочет бычка бить, бычок не хочет воду пить, вода не хочет огонь гасить, огонь не хочет вожжи жечь, вожжи не хотят стрелка вязать, стрелок не хочет волка стрелять, волк не хочет козу драть, коза не хочет купырь щипать, а купырь меня не качает.

Курица кинулась на червяка, червяк тут же принялся точить дубину, дубина — бить бычка, бычок — пить воду, вода — гасить огонь, огонь — жечь вожжи, вожжи — вязать стрелка, стрелок — стрелять волка, волк — ловить козу, коза — щипать купырь, купырь — давай королька качать, да как закачает!

ЧЕЧЕВИЦА

Пошел на гумно придурковатый парень чечевицу в амбар перенести. Растянул мешок перед ворохом и говорит:

— Чечевица, чечевица, полезай в мешок!

Ни единое зернышко не шевельнулось и в мешок не полезло. Услышал парень, что в боковушке мыши шуршат, и говорит им:

— Мыши, мыши, бегите сюда чечевицу есть, — она ко мне в мешок не лезет.

А мыши шуршат в соломе и не идут чечевицу есть.

Пошел парень к коту и говорит:

— Кот-котище, поймай мышей, не хотят они чечевицу есть,

А кот, нажравшись сыра, лежал на теплой печке, не пошел он мышей ловить.

Парень отправился на речку к раките.

— Ракита, ракита, иди кота бить, он не хочет мышей ловить, мышь не хочет чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

А ракита шумит себе, с места не стронется.

Пошел парень к козе.

— Коза, коза, иди ракиту обдери, не хочет она кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

А коза бродит в ивняке, не хочет ракиту драть.

Пошел парень к волку.

— Волк, волк, иди козу прирежь, не хочет она ракиту драть, ракита не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

Волк сытый был, не захотел козу резать.

Пошел парень к охотникам.

— Охотники, охотники, застрелите волка, не хочет он козу резать, коза не хочет ракиту драть, ракита не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

Охотники зайца травили, не захотели волка застрелить.

Пошел парень к огню.

— Огонь, огонек, сожги охотников, не хотят они волка стрелять, волк не хочет козу резать, коза не хочет ракиту драть, ракита не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

А огонь привольно трещал в дровах, не захотел охотников жечь.

Пошел парень к пруду.

— Пруд, пруд, иди огонь погаси, не хочет он охотников жечь, охотники не хотят волка стрелять, волк не хочет козу резать, коза не хочет ракиту драть, ракета не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

Пруд разлился привольно и не захотел огонь гасить.
Пошел парень к бычку.

— Бычок, бычок, иди выпей пруд, не хочет он огонь гасить, огонь не хочет охотников жечь, охотники не хотят волка стрелять, волк не хочет козу резать, коза не хочет ракиту драть, ракета не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

Бычок траву щипал и не захотел пруд выпить.

Пошел парень к палке.

— Палка, палка, иди бычка лупить, не хочет он пруд пить, пруд не хочет огонь гасить, огонь не хочет охотников жечь, охотники не хотят волка стрелять, волк не хочет козу резать, коза не хочет ракиту драть, ракета не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

Палка стояла в уголке и не пошла бычка лупить.

Пошел парень к червяку, а тот гнилое дерево точил.

— Червяк, червяк, поди палку точить, не хочет она бычка лупить, бычок не хочет пруд пить, пруд не хочет огонь гасить, огонь не хочет охотников жечь, охотники не хотят волка стрелять, волк не хочет козу резать, коза не хочет ракиту драть, ракета не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

Червяк ползал по дереву, не захотел палку точить.

Пошел парень к курице.

— Курочка, курочка, пойдди к дереву червей клевать, не хотят они палку точить, палка не хочет бычка лупить, бычок не хочет пруд пить, пруд не хочет огонь гасить, огонь не хочет охотников жечь, охотники не хотят волка стрелять, волк не хочет козу резать, коза не хочет ракиту драть, ракета не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

Курица наклевалась ячменя, не захотела червей клевать.

Пошел парень к коршуну.

— Коршун, коршун, лети курицу трепать, не хочет она червей клевать, черви не хотят палку точить, палка не хочет бычка лупить, бычок не хочет пруд пить, пруд не хочет огонь гасить, огонь не хочет охотников жечь, охотники не хотят волка стрелять, волк не хочет козу резать, коза не хочет ракиту драть, ракета не хочет кота бить, кот не хочет мышей ловить, мыши не хотят чечевицу есть, чечевица не хочет ко мне в мешок лезть.

А коршун голоден был. Налетел он на курицу, курица — на червяка, червяк — на палку, палка — на бычка, бычок — на пруд, пруд — на огонь, огонь — на охотников, охотники — на волка, волк — на козу, коза — на ракиту, ракета — на кота, кот — на мышей, мыши — на чечевицу, чечевица — шмыг-шмыг прямо в мешок к парню.

ДЕТСКАЯ СКАЗОЧКА

Пошла одна старушка овец пасти. Повстречала дорогой камушек.

— Куда идешь? — спрашивает ее камушек.

— Овец пасти, — отвечает старушка.

— Пойдем вместе.

— Пойдем.

И отправились. Старушка — трюх-трюх, камень — стук-бряк, так и идут. Увидали искорку.

— Куда бредете? — спрашивает их искорка.

— Овец пасти. Идем с нами.

— Ладно, пойдем.

Старушка — трюх-трюх, камень — стук-бряк, искорка — сверк-фырк. Повстречали рака.

— Куда бредете? — спрашивает.

— Овец пасти. Идем вместе.

— Ладно, пойдем!

Взяли с собой и рака.

Старушка — трюх-трюх, камень — стук-бряк, искорка —

сверк-фырк, рак — шлеп-швырк. Подвернулся им подберезовик.

— Куда бредете? — спрашивает.

— Овец пасти.

— Возьмите меня с собой.

— Ладно, идем.

Так и идут. Старуха — трюх-трюх, камень — стук-бряк, искорка — сверк-фырк, рак — шлеп-швырк, подберезовик — хлоп-хляп.

Так и пришли все вместе к отаре на выгоне. Был там навес — овцам на ночь укрыться — да пастушья избенка. Старушка прилегла на кровать, камень вкатился на крышу, подберезовик растянулся на пороге, рак вскарабкался на лавку, а искорка вскочила к уголькам на загнетку.

А ночью подкрался вор — овец воровать. Сперва собрался он фонарь засветить и стал искорку раздувать. А та упала ему на руку и ожгла ее. Вор испугался, отскочил и сел на лавку. А там рак лежал и так-то больно вцепился в вора, что тот с перепугу бросился вон из избы, да на пороге поскользнулся на подберезовике и растянулся. А камень как покатился с крыши и пристукнул вора.

Так и не удалось вору украсть овец.

ДОМОВОЙ

В стародавние времена жил да был в одной деревне хозяин. Уговорил он домового зерно носить. Домовой согласился, только попросил зажарить ему яичницу. Хозяйка зажарила яичницу и отнесла домовому, а хозяин поставил в амбаре корыто под зерно. На другой день пошел в амбар, глядь, — корыто полным-полнехонько. С того дня домовый носил да носил зерно.

Нанял хозяин батрачку это зерно молоть. Девушка была пригожая, прилась она по сердцу хозяйскому сыну. Както раз он и говорит отцу, что хочет женой обзавестись. А отец отвечает:

— Есть у тебя девушка на примете, то и бери. И нам лучше будет, нанимать не придется, денег даром не тратить.

— Только я хочу на Мортe, на батрачке нашей, жениться, — объявил сын.

— Будто девок побогаче не нашлось, — рассерчал отец.

— У этой и приданого нет, и батрачка она.

Но сын никого больше не хотел в жены, одну Морту.

Отец и говорит ему:

— А ведь эта Морта последняя лентяйка! Ну ладно, вот перемелет она все зерно из корыта, тогда бери ее в жены.

Сын не утерпел, пошел помогать Морте. Вошел в амбар, видит — мелет она, вертит жернова, потом обливается, а зерно в корыте все не кончается. Принялись они вдвоем молоть. Мелют, мелют, никак не перемелют. Мололи так вечер, мололи другой — тот же толк. Пошла тогда Морта к одной старушке и говорит:

— Никак не перемелю зерно из корыта. Все полным-полно, хоть мы и вдвоем с хозяйским сыном мелем.

— Ладно, — сказала старушка. — Иди домой, возьми новый глиняный горшок, зажги свечу, поставь ее на жернов и накрой. Только наступит полночь, ты сними горшок, а как увидишь петуха — хватай его за голову, только не задуши.

Батрачка пришла домой и сделала все так, как велела старушка: засветила свечу, поставила под новый глиняный горшок, а сама начала молоть. Молола-молола, а корыто все полнехонько. Наступила полночь, подняла девушка горшок, видит — на краю корыта сидит петух, а из горла у него зерно сыплется. Хотела она задушить его, да вспомнила слова старушки и начала уговаривать:

— Зачем ты, петушок, зерно сыплешь? Никак я не смею его. Не смею, — хозяин не позволит своему сыну на мне жениться. А мне страх как хочется за него замуж.

Петух и говорит ей:

— Изжарь ты мне яишенку из десяти яиц, а как зажаришь, приходи в полночь молоть, и все будет по-твоему.

Морта изжарила яичницу и вечером понесла ее в амбар. Только принялась молоть, крутанула жернов, глядь, а в корыте ни зернышка. Хозяин и спрашивает:

— Морта, да ты никак все смолола?

— Смолола, — отвечает девушка.

Хозяин не поверил. Сам пошел в амбар, глядит — на самом деле корыто пустехонько. Он решил, что домовый рассердился, и сам запечалился. Потом подумал-подумал, да и говорит:

— Ну что ж, коли смолола, — можешь выходить замуж, только покажи свое приданое.

Морта пошла в клеть, открыла сундук с приданным и стала показывать, а у самой сердечко так и задрожало. Невелико было ее приданое, да и много ли накопишь, работая по людям. Начала она вынимать свои холсты, а им конца-краю

не видать. И чем дальше вытаскивает, тем все красивее.

— Ну, — говорит хозяин, — холстов-то у тебя хватает. А сейчас покажи, много ли у тебя денег?

Ототкнула Морта другой сундучок, глядь — а он полон золотых. Тут она и смекнула, что все это ей домовой принес.

Хозяин, как увидал, сколько добра у Морты, тут же сказал:

— Ну, вижу, подходишь ты в жены моему сыну.

Услыхали это сын с Мортой, обрадовались и через два дня сыграли свадьбу.

А домовой и после свадьбы яичницу получал и добро им носил.

КАК ЛАУМА БЕДНЯЦКОЕ ДИТЯ КАЧАЛА

Ж

ила одна бедная женщина. Пошла она рожать и ребеночка с собой взяла: негде ей было его оставить, не на что няньку нанять. Принесла она его в поле, положила под кочку, ребеночек сладко уснул и замолчал. Под вечер мать побежала домой прибраться, да второпях и забыла, что ребеночек в поле остался.

Хлопочет она по дому, да и не хватилась ребеночка, только подумала, что его муж принесет. А муж думает, она сама захватила. Видит жена, что и муж не принес дитяtko, — испугалась. Да одна идти в потемках побоялась, в такое время кругом лаумы бродили, всякие напасти на людей насылали. Упросила она соседей пойти с ней в поле. Еще издали услышали они баюканье:

Баю-баю, баю-баюшки.
Позабыла тебя матушка.

Это лаума баюкала ребеночка, на руках его укачивала. Как только подошли люди — она скрылась. Видят — ребе-

ночек разряжен, всяким добром одарен. А издали голос лаумы послышался:

— От этого холста, что я оставила, режь и режь, сколько надо и себе, и домашним, только на конец не взглядывай.

Обрадовалась жена бедняка, взяла ребеночка со всем добром и домой понесла.

Узнала про это богатая соседка и подумала: «Уж коли такому оборышу столько добра привалило, то я свое дитяtko вымою, наряжу на славу, отнесу в поле — еще и побольше получу».

Вымыла его, нарядила, отнесла и под кочку положила.

Вернулась домой, окошко отворила и слушает, не баюкает ли лаума ее дитяtko.

Раз прислушалась, другой, слышит только, что ребенок плачет. А потом услышала сердитый голос:

Баю-баю, баю-бай,
Деток в поле не таскай...

И все стихло.

Отправилась богачка с домашними и соседями за добром, и такие страсти увидела — не рассказать: ее ребеночек лежит в клочья разорван.

Уж и плакала богачка, и рыдала над ребеночком, сокрушалась, что от большого богатства еще большего захотела, да уж ничего не поделаешь.

А жена бедняка долго еще от того холста резала. Да однажды не утерпела — взглянула на конец, — тут холст и кончился.

ЛАУМА-ПРЯХА

ил-был один крестьянин, и был у него сын. Вырос сын и привел в дом жену.

Однажды он уехал куда-то, а сноха осталась дома. Дело было в субботний вечер. Когда стемнело, пришла к снохе какая-то женщина с прялкой и говорит:

— Не найдется ли работы?

Сноха подумала, что это бедная женщина. А это Лаума была. Принесла ей сноха связку льна, та вмиг спряла его и просит:

— Принеси еще.

Принесла сноха весь свой лен. Лаума тут же спряла его и опять просит:

— Задай еще работу.

Принесла сноха пеньку. И эту мигом перепряла.

Испугалась сноха и говорит:

— Матушка, довольно прясть, иди уж домой.

А Лаума в ответ:

— Не уйду, покуда все не перепряду.

Принесла сноха последнюю пеньку, а сама забежала к соседке, рассказала, какая у нее гостья. Соседка и говорит:

— Придешь домой, зажги надгробную свечу, подай какие-нибудь очески и скажи: «На восходе кто-то плачет так, что кругом все гудит».

Пришла сноха домой, подала Лауме очески, зажгла свечу. Лауме свет этот не по душе пришелся, вот она и молвит:

— Погаси свечу, нам и так светло.

Сноха ей в ответ:

— А я что-то слышу.

Лаума спрашивает:

— Что же ты слышишь?

Сноха и скажи:

— Слышу, как на восходе дети плачут.

Лаума выскочила во двор послушать, кто это плачет. А сноха и заперла дверь.

Кинулась Лаума обратно в избу — а дверь на запоре. Лаума и говорит:

— Ну, твое счастье, что такая догадливая, не то бы я и волосы твои перепряла.

Сказала так Лаума и пропала в темноте.

ПАПОРОТНИКОВЫЙ ЦВЕТ

Однажды в полночь шел человек лесом. А было это под Иванов день, когда папоротник цветет. По пути набрел он на полянку, и в тот самый миг папоротник на ней зацвел. Человек ненароком сбил цвет этот, и упал он ему за обору. Сразу же перед человеком все открылось. Увидел он, что делается на белом свете и что у него дома, увидел сквозь землю все зарытые сокровища и клады. Дорогой человек притомился и сел отдохнуть. Сел, переобуваться стал. Только разул ногу, к которой папоротниковый цвет пристал, только разматал портянку, как цвет и упал наземь, и опять перед человеком все закрылось.

Н

ЧЕРТИ ИЗ ТАМУЖИНЕ И ИМБАРЕ

Недалеко от местечка Салантай, на левом берегу Саланты, с незапамятных времен стоит курган Имбаре. За деревней Кулсодис начинается большой лес, по прозванию Тамужине, и в нем водились привидения. Люди рассказывают, что в Тамужинском лесу была когда-то столица чертей.

Сто, а то и больше лет назад жили два славных музыканта: Микнюс и Матуже.

Как-то в субботний вечер возвращались они с вечеринки и на опушке леса, где им надо было разойтись, остановились покурить. Матуже и говорит Микнюсу на прощание:

— Юозас, идем-ка лучше со мной, кажется мне, что вокруг нас кто-то бродит, может, это черт из Тамужине. Лесом тебе идти далеко, еще собьют тебя с пути.

— Э, что ты болтаешь, — засмеялся Микнюс и распротился с приятелем.

Но только прошел Микнюс с полверсты — и заблудился. Идет без тропы, без дороги и никак не поймет, где он. Будто чувствует, что какая-то сила его вперед несет. Вдруг у него перед глазами лес засверкал, и увидел он столько огней, что в глазах зарябило. Поглядел опять — видит большой дом. Оста-

новился Микнюз и думает: где это он, в какой стране очутился? Думал-думал, да что тут надумаешь — заблудился, и все тут. Решил зайти в дом, дорогу спросить. Только подошел к воротам, постучался, как вышел красивый барин. Посмотрел барин на Микнюса и спрашивает:

— Чего тебе надо?

Испугался Микнюз, снял шапку и говорит:

— Прости, барин, заблудился я. Сделай милость, покажи мне дорогу, как в Медседжяй попасть.

Спрашивает барин:

— А где ты был?

Побоялся Микнюз знатного барина разгневать и говорит:

— Играл я на вечеринке и домой пошел, да вот заблудил-

— А нам сыграть можешь? — спрашивает барин.

И стал просить Микнюса зайти в дом, повеселить гостей из Тамужинского поместья и молодую из соседней деревни. Согласился Микнюз и пошел в дом. Как заиграл он на своей скрипке, барин сразу обрадовался, что такого хорошего музыканта залучил. Напоил он Микнюса сладким вином и дал целую горсть черных монет. Тут и гости приехали. Микнюз и их музыкой встретил. И они ему полную шапку таких же черных монет набросали.

Начался тут пир горой. Баре, барыни и барышни ели сахарные яства, пили вино, пиво, мед, потом плясали и песни пели — не поймешь, по-каковски. Чего там только не увидел Микнюз! Наконец привезли молодую. Один толстый барин велел Микнюсу сыграть польку, и все пошли танцевать. Потом тот же толстый барин надел молодой на шею веревку и толкнул ее в шкаф, а там огонь полыхал. Микнюсу все было в новинку, он только знай глядел, вытаращив глаза.

Заметил он еще, что обмакивает каждый гость руку в каменную чашу у порога и мажет себе глаза. И Микнюз незаметно обмакнул в нее руку и потер себе левый глаз. И что же он увидел! Все баре были не люди, а звери, с рогами и страшными хвостами, а красивые барышни вдруг обернулись свиньями и козами. На месте кушаний лежали кучи навоза и падали. Вино пили не из кубков, а из лошадиных копыт. От таких страстей у Микнюса волосы дыбом встали. Хотел он сбежать, да передумал: видит, черти его не трогают. Набрался смелости и говорит одному черту:

— Отчего вы все такие страшные?

От этих слов Микнюса черт подскочил на аршин, но тут же успокоился и спрашивает:

— Каким глазом видишь?

Микнюс в простоте сердечной и отвечает:

— Левым.

Услыхал это черт да как ткнет пальцем ему в левый глаз — и выколол. Тут задрожал весь дом, все огни пропали, а бедный Микнюс трет вышибленный глаз и от боли стонет. Видит он правым глазом, что сидит со своей скрипкой на кургане Имбаре. А за деревней Кулсодис, за которой Тамужинский лес начинается, слышен вой, рев, лягз. Это черти перед зарей в свое царство перебираются.

Утром вернулся Микнюс домой и узнал, что удавилась соседская хозяйка. А он у чертей видел, как ей веревку на шею накинули и в шкаф с огнем впихнули!

После этого случая черти еще много раз из Тамужинского леса на курган Имбаре слетались, и из-за них много народу в лесу плутало. Но теперь, когда через Тамужинский лес провели железную дорогу, там днем и ночью мчатся поезда. Чертям это, видать, не по вкусу, и они переселились еще куда-то, потому что больше никто их не видал и никто больше по ночам там не плутал. Только Микнюс так и остался кривым.

ОТЧЕГО СОЛНЦЕ СВЕТИТ ДНЕМ, А ЛУНА НОЧЬЮ

Д

авным-давно, в незапамятные времена, когда еще на свете людей не было, жили только Солнце и Луна. Жили они, жили и так друг дружку полюбили, что поженились, а поженившись, вскоре и дочка дождалась. Назвали они ее Землей.

Много-много лет Солнце с Луной жили распрекрасно. Но в один злосчастный день взяли да поссорились.

— Коли ты такой горячий, брошу я тебя, — сказала Луна Солнцу.

— А коли ты и дальше будешь такая ледышка, и я с тобой больше жить не стану, — ответило Солнце.

— Ладно, разделимся. Только дочка со мной останется, — объявила Луна.

— Нет, дочь я тебе не оставлю! Хочешь, чтобы она с тобой замерзла? — рассердилось Солнце.

Спорили, спорили Солнце с Луной, видят, что никак не столкнутся, с кем останется дочка их Земля.

Позвали они бога грома и молнии — Перкунаса и попросили разрешить их спор.

А Перкунас выслушал Солнце с Луной и решил:

— Пусть будет так: Солнце нянчит свою дочь днем, а Луна — ночью.

Так они и до сих пор исполняют волю Перкунаса: с утра до вечера смотрит за своей дочкой Землею Солнышко, а с вечера до утра — Луна ее пестует. А когда Луне недосуг, тогда Земле светят ее сестры — звездочки.

ЯСЕНЬ-СЛЕПЕЦ

Зовут люди ясень слепцом, оттого что он позже всех деревьев распускается и раньше всех листву сбрасывает. По весне, когда все деревья уж листочки выбросили, он только спрашивает: «А что, пора почкам лопаться?» Деревья в насмешку отвечают: «Э, да еще рано, еще не время». Пройдет день-другой, он опять спрашивает. И деревья начинают посмеиваться над ним: «Ну и глупое же ты дерево, мы давным-давно листьями покрылись, а ты все никак не соберешься». Тогда только ясень с треском раскрывает почки. По осени то же самое, опять спрашивает ясень: «А не пора ли листья сбрасывать?» — «Да мы давно уж сбросили», — отвечают деревья, издеваясь над слепцом, хоть сами все в зелени. А ясень верит им и первым листья осыпает.

ПТИЧИЙ КОРОЛЬ

Однажды в давние времена сговорились птицы собраться на большом ровном лугу и выбрать короля. Были тут и орел, и аист, и дрозд, и трясогузка, и лебедь, и жаворонок, и воробей, и еще одна, самая маленькая птичка.

Каждая птица хотела стать королем, только не смела вылезти вперед. Долго они галдели, покуда аист, зная, что крылья у него сильные, надумал: кто выше всех поднимется, тому и быть птичьим королем. Все птицы с ним согласились.

Только аист щелкнул клювом, дал знак, и взмыли птицы тучей. Куропатка сразу шлепнулась наземь, курица тоже стала спускаться и чуть ногу не вывихнула. Другие птицы полетали, сколько было сил, да одна за другой скоро устали, начали спускаться.

Только аист с орлом залетели так высоко, что еле их видно было. Под конец и аист притомился. Орел остался один и заклекотал:

— Я король! Я король! Кто взлетит выше меня?

— Я! — пискнула у него под ухом птичка и поднялась выше орла. — Я король!

А это птица-крошка уселась орлу на спину и все ждала, когда он устанет. Попытался было орел птичку обогнать, да где там! Разве догнать усталому отдохнувшего.

Так птичка-крошка всех перехитрила и стала королем. Только стыдно ей стало своего обмана, и с той поры она по кустам прячется, а все птицы, как завидят ее, кричат:
— Королек-крошка! Королек-крошка!

КАК ГОЛУБЬ УЧИЛСЯ ГНЕЗДО ВИТЬ

Как-то раз позвал к себе голубь дрозда, просит научить гнездо вить. Прилетел дрозд к голубю и начал гнездо вить.

Притащил несколько соломинок, уложил их, а голубь тут же взлетел, уселся на гнездо и начал вертеться, приговаривая:

— Могу, могу, могу!

Рассердился дрозд и сказал:

— Ну, коли сам можешь, чего же меня просишь? — и улетел восвояси.

А голубок так и не знает, как дальше гнездо вить. Притащит несколько соломинок, вот и все его гнездо.

ОТЧЕГО КУКУШКА ПТЕНЦОВ НЕ ВЫСИЖИВАЕТ

Давным-давно жила преогромная и страшная птица Скукас. Скукас этот ловил и пожирал всех прочих птиц. Так он переловил чуть не всех пернатых, осталась лишь малая стая. Видят уцелевшие птахи, что и им не миновать пасти Скукаса, собрались в кустах и порешили скрыться в глухой чаще, куда Скукас и клюва не просунет.

Летал-летал Скукас вокруг этой чащи, все подстерегал, не высунет ли кто носа. Только ни единая птаха не вылетала, ничего не мог поделаться с ними Скукас.

Уж сколько времени не показывался Скукас, а птицы все не отваживались вылезать из чащи: а ну как спрятался он поблизости. Так они томились долгое время; никто не хотел выглянуть, посмотреть, куда девался Скукас.

Смелее всех была кукушка. Говорит она:

— Ладно, вылечу я поглядеть, где Скукас, только оставлю вам свои яйца, а вы уж высидите их и детушек моих выходите, коли попадусь в когти Скукаса.

Все птицы согласились, и кукушка улетела. Летала она, летала, видит — лежит в болотедохлый Скукас, и брюхо у

него раздулось. Кукушка от радости уселась на него и весело закричала:

— Скукас, скукас, скукас! Куку, ку-ку-ку-ку!

Все птицы повывлетели на волю. С той поры кукушка уж не высиживает птенцов, — высиживают их другие птицы, в чьи гнезда она кладет свои яйца. А кукушка, вспоминая о своей храбрости, каждый год по весне кукует.

ОТЧЕГО У АИСТА НА СПИНЕ ЗАПЛАТА

В давние-давние времена, тут же после сотворения мира, принялись люди жаловаться богу: мол, змеи и всякие гады никому не надобны, мол, многие из них жалят, и от них немало народу помирает. Выслушал бог людей, собрал в мешок всех змей, жаб и прочих гадов, а как самому ему недосужно было, — он в ту пору печь топил, — покликнул бог аиста, подал ему мешок и говорит:

— Отнеси и закинь мешок этот в море-океан, только смотри, не развязывай!

Взвалил аист мешок на плечи и поволок. Остановился передохнуть, и захотелось ему поглядеть, что в этом мешке.

Только оттуда змея выползла. Принялся аист ловить ее, а в это время и остальные гады повылезали из мешка и спрятались в болоте. Вернулся аист к мешку, глядь, а он пустехонек.

Опечалился аист и, вернувшись к богу, рассказал, как все было. А бог все еще печь топил. Услыхал, что аист его повеление не исполнил, да так рассерчал, что схватил головешку и бац аиста по спине. С той поры и осталась у того на спине черная отметина.

Аисту не по душе пришлось эта отметина. По сию пору помнит он, за что она ему досталась, и не терпит змей и лягушек: как попадается ему гад какой, тут же схватит и проглотит.

КУКУШКА

Когда над зверями и птицами еще властвовал Перкунас, тогда он и места, где им жить, определил: аисту — на высоком дереве, утке, гусю, нырку — в воде, чибису — среди кочек, жаворонку — на пашне, синице, кукушке, удо-ду — в лесу, сороке — в лозняке, овсянке, пеночке, куропатке — в кустах, ласточкам, воробьям — под крышами. Все птицы обжились в назначенных им местах, одна кукушка ворчала:

— На высоком дереве больно место открытое, в воде — сыро, среди кочек — скучно, на пашне — жестко, в лесу — страшно, под крышей — душно... Хочу там, где и светло, и тепло, и весело, и легко, и неопасно...

Рассерчал Перкунас и говорит кукушке:

— Коли так, будешь жить бездомной, нигде себе места не найдешь.

И по сей день кукушка не находит себе места. Когда где и устроится, то дольше одного лета не живет. Каждую ночь на другом дереве ночует, оттого и гнезда себе не вьет, птенцов не высиживает, а яйца кладет по чужим гнездам. Чужие птицы высиживают и растят ее детей.

Так и живет кукушка без дома, без семьи, все чего-то ищет, все стонет, все жалостно кукует.

ЖАВОРОНОК И ЖАБА

Собрался бог жаворонка сотворить, взял комок глины и подбросил его вверх. Комок глины обернулся птахой, взлетел в поднебесье и запел. А черт, сидя на камне, все это видел, и захотелось ему тоже пташку сотворить. Взял он горсть грязи и швырнул вверх. А грязь упала наземь, прямо под камень, и заквакала. Стала она жабой.

НЕТОПЫРЬ, РЕПЕЙ И КУЛИК

К

ак-то раз, в давние времена, нетопырь, репей и кулик наняли лодку и поехали за сине-море кое-каких товаров купить. Репей и кулик были богачи, а у нетопыря своих денег не было, занял он у соседей. Приехали они за море и накупили гору всяких товаров: нетопырь — неведомо каких, репей — сукон всяких, а кулик — дорогой камень — алмаз. Сложили все в лодку, поплыли домой, да случись такая беда — потонула их лодка со всеми товарами, и сами-то еле-еле спаслись от погибели. Так и не могут они позабыть про это несчастье. Нетопырь, не зная, как с долгами расплатиться, по сей день прячется, боится повстречаться с теми, у кого деньги брал, потому днем не летает, а только по ночам. Репей по сей день под заборами да по проулкам свои сукна высматривает. Кто ни пройдет, он так и хватает за одежду, щупает, не его ли сукно. А кулик все по берегу слоняется, свой алмаз ищет.

ЛЯГУШКИ И СОЛНЦЕ

У

слыхали однажды лягушки, что солнце женится. Сошлись они все вместе и ну трещать: «Слыхали? Плохо нам придется! И теперь в летнюю пору солнце высушивает столько ручьев и болот, а женится — обзаведется детьми, да примутся они все жечь-сушить, пересохнут тогда не одни ручьи да болота, а и реки и озера. Пойдемте к богу жаловаться!»

Так и порешили лягушки — ква-ква! И пошли, квакая, к богу. Только, как назло, не застали его дома.

Дозналось солнце, что лягушки ходили на него жаловаться, страх как осерчало и говорит: «Все на свете я грею и буду греть, только до этих гадов мое тепло не дойдет!» Лягушки тоже смекнули, что неладно сделали, стали бояться и стыдиться солнца. Они и теперь принимаются квакать, только когда солнце сядет, а тепла в них ничуть нет.

ЗАЯЧЬЯ ГУБА

П

ошел как-то раз заяц топиться и встретил дятла. Дятел его спрашивает:

— Отчего ты, куманек, такой печальный? Куда путь держишь?

Заяц и говорит:

— Как же мне не печалиться: никто меня не боится, а я всех боюсь. Вот и иду топиться.

Дятел говорит:

— А ты не будь дурнем. Уж коли хочется, чтоб тебя боялись, заберись-ка в кусты, а как увидишь — овец на луг гонят, шасть из кустов — овцы тебя и испугаются.

Послушался заяц дятла. Забрался в кусты и притаился. Увидел овец да как выскочит из кустов, овцы испугались и разбежались. Обрадовался зайчишка и принялся смеяться. Смеялся-смеялся, губа у него и лопнула.

ВОЛК-ДВОРЯНИН

Бахвалился волк, что он родом из дворян, а собака его все мужиком звала. Вот однажды принес волк свои грамоты — он, мол, вовсе не мужик — и велел собаке прочесть их.

Собака была неученая, отнесла она те грамоты кошке. Кошке в ту пору недосуг было, положила она грамоты на печь. А грамоты были засаленные, нашла их мышка и в клочки изгрызла.

Пришел волк к собаке, велит вернуть ему грамоты. Собака пошла к кошке. Кошка влезла на печь и нашла одни клочки. Набросилась она на мышку, собака на кошку, а волк, когда ни встретит собаку, велит ей вернуть дворянские грамоты.

Так они и по сей день не столкнутся. Кошка, та клятву дала: где только ни встретит мышку, тут же ее съест. Собака тоже до сих пор сердает на кошку: как увидит, сразу ловить кидается. А кошка бегаёт от нее, бегаёт, — все грамоты ищет.

ДЕЛО О ТРЕХ КАРАВАЯХ

Однажды занял удод у дергача хлеба. После и вернул два каравая. А дергач требует три: дескать, столько было дано. Свидетелей нет. Выбрали кукушку — спор решать. Не хотелось ей ни удода, ни дергача сердить, она и вывернулась: «У меня голова женская, неразумная, могу и ошибиться. Вот невдолге выкормлю птенца, подрастет он и разберется». А чтобы не втравить свое дитя в тяжбу, она сама птенцов не стала высиживать, — кладет яйца в чужие гнезда. Удод с дергачом ждут решения дела и все твердят: один — «Два-два», а другой — «Три-три». А кукушка от радости, что хитро провела их, кукует-кукует да и расхохочется.

ОТЧЕГО КРОТ ПО ДОРОГЕ НЕ ПОЛЗАЕТ

Как-то раз всемогущий бог Перкунас созвал зверей со всего света и повелел им проложить дороги по всей земле. Все звери принялись за работу, один крот не послушался. «Я, говорит, сам себе дорогу проложу, а на других работать не буду».

Осерчал на него Перкунас за такие слова и повелел:
— Коли ты перебежишь через чужую дорогу, то тут же
подохнешь.

Оттого-то, когда случается кроту выползти на дорогу или
перебраться через нее, он тут же вверх брюхом переворачи-
вается и издыхает.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«КАК ПЕТУХ БАРСКИЙ ДВОР РАЗОРИЛ»

(Сказки о животных)

Волк и лиса. Перевел В. Чепайтис.....	6
Лиса, дрозд и ворона. Перевела С. Фридбург.....	7
Как лиса волку шубу шила. Перевел В. Чепайтис.....	9
Мужик, лиса и волк. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов.....	11
Лисьи саночки. Перевел В. Чепайтис.....	15
Лиса, волк и заяц. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов.....	18
О том, как заяц с волком судился. Перевела Д. Эпштейнайте.....	21
Аист и цапля. Перевела С. Фридбург.....	23
Котик и петушок. Перевела И. Паньшина.....	25
Лиса и горшок. Перевел В. Чепайтис.....	29
Кот и заяц. Перевела Д. Эпштейнайте.....	30
Рак и ворона. Перевела М. Глибаускайте.....	33
Небо рушится. Перевел В. Чепайтис.....	34
Исповедь зверей. Перевела С. Фридбург.....	36
Избушка бычка. Перевела Н. Паньшина.....	38
Пес, петух и лиса. Перевел В. Чепайтис.....	41
Коза и волк. Перевел В. Чепайтис.....	42
Как пес с волком дружили. Перевел В. Чепайтис.....	45
Петушок и курочка. Перевел В. Чепайтис.....	47
Бычок-прутяной бочок. Перевел В. Чепайтис.....	49
Волк и портной. Перевел В. Чепайтис.....	53
Как крепостной выучил медведя на скрипке играть. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов.....	55
Человек, медведь и лиса. Перевел В. Чепайтис.....	56
Коза, рванный бок, драный бок. Перевел В. Чепайтис.....	58
Еж и барин. Перевел В. Чепайтис.....	62
Как петух барскую усадьбу разорил. Перевела Н. Паньшина.....	63
Волк-страшилище. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов.....	67

Как старуха волчий хвост пряла. Перевел В. Чепайтис.....	70
Как волк вздумал хлеб печь. Перевел В. Чепайтис.....	73
Гражина-рябина. Перевела С. Мар.....	74

«ЕЛЬ — КОРОЛЕВА УЖЕЙ»

(Волшебные сказки)

Ель — королева ужей. Перевела С. Мар.....	78
Сигуте. Перевела С. Мар.....	85
Буренка-пряха. Перевела С. Мар.....	91
Двенадцать братьев черных воронов. Перевела С. Мар.....	95
Девять братьев и сестрица Элените. Перевела С. Мар.....	102
Девятиглавый. Перевела С. Мар.....	107
Юргюкас и Элените. Перевела С. Мар.....	110
Мальчик и лаумы. Перевел И. Рудас.....	113
Сиротинка и ведьмы. Перевела С. Фридбург.....	116
Три брата. Перевела С. Мар.....	119
Сестра-дурочка. Перевела Д. Эпштейнайте.....	124
Старый солдат. Перевела М. Глибаускайте.....	129
Сиротка Элените и Йонукас-барашек. Перевели Э. Багдонайте и И. Старшинов.....	134
Королева Лебедь. Перевела С. Мар.....	138
Златоволосый и звездочка. Перевела Н. Паньшина.....	142
Два ореха, две кадки. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов.....	147
Как горох топтали. Перевел В. Чепайтис.....	150
Королевна и козлик. Перевел И. Рудас.....	152
Молодец и черт. Перевела Н. Паньшина.....	155
Королевна и дочь солнца. Перевела С. Мар.....	160
Поместье воды, полотенец и плетей. Перевела Д. Эпштейнайте.....	165
Два брата на одно лицо. Перевела С. Мар.....	169
Дурачок. Перевела Н. Паньшина.....	175
Жаба-королева. Перевел И. Рудас.....	179
Ежик-топотун. Перевела Н. Паньшина.....	181
Легучий корабль. Перевела Д. Эпштейнайте.....	185
Как королевич своих братьев спас. Перевела С. Мар.....	189
Юозапелис и его коник. Перевела С. Мар.....	193

Сотня зайчат. Перевела Н. Паньшина	197
Три зернышка. Перевела З. Куторгене	200
Кто угадает? Перевели Э. Багдонайте и И. Старшинов	203
Три брата. Перевел В. Чепайтис	206
Ученик волшебника. Перевела С. Мар	210
Сказка королевича. Перевела С. Мар	216
Волшебный перстень. Перевел Д. Эпштейнайте	221
Медвежья избушка. Перевела С. Мар	225
Две плясуньи. Перевала Д. Эпштейнайте	230
Дочь и падчерица. Перевела С. Мар	233
Волшебный кошель. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов	235
Два брата. Перевела И. Паньшина	237
Про бедного и про жадного. Перевела С. Фридбург	244
Доля. Перевела Н. Паньшина	246
Кума-смерть. Перевела С. Мар	248
Старый солдат и черти. Перевела Р. Янушкевич	250
Старик и черт. Перевела Н. Паньшина	253
Мизинчик. Перевела М. Глибаускайте	254
Ветер и Дождь. Перевела С. Мар	258
Язык зверей. Перевела С. Фридбург	261
Смелый солдат. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов	263
Жернова, кот и горсть конопли. Перевели Э. Багдонайте и И. Старшинов	265
Человек и черт. Перевела Н. Паньшина	268
Плотник, лаума и черт. Перевел И. Рудас	271
Баба у черта на рогах. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов	274
Три брата. Перевела М. Глибаускайте	277
Кто всех больше? Перевела Н. Паньшина	280
Восковая лошадка и свекольная повозка. Перевела Н. Паньшина	282
Как поссорились было старики. Перевела И. Паньшина	284
Рак-певец. Перевела Н. Паньшина	286
Как человек скотину покупал. Перевел В. Чепайтис	287
Два лгуна. Перевела Д. Эпштейнайте	289
Старик и старуха, петушок и курочка, бобок и горошина. Перевел В. Чепайтис	291
Месяц, ветер и мороз. Перевела Н. Паньшина	295
Сирота и великан. Перевел В. Чепайтис	298
Про великана — сына кузнеца. Перевела З. Куторгене	

«ХИТРЫЙ МУЖИК»

(Бытовые сказки)

Дурачок. Перевела С. Мар.....	304
Скупой и дурак. Перевел И. Рудас.....	306
Три счастья. Перевела С. Мар.....	308
Премудрая девица. Перевела Н. Паньшина.....	310
Хитрый мужик. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов.....	313
Скотник и настоятель. Перевела Р. Янушкевич.....	317
Отчего у меня достатка нет. Перевела С. Мар.....	320
Пликпетрис. Перевела С. Мар.....	323
Йонас и барин. Перевела С. Фридбург.....	329
Как батрак с барином расквитался. Перевела Н. Паньшина.....	333
Щелчок. Перевела Н. Паньшина.....	337
Как железные клювы воевали. Перевела Н. Паньшина.....	330
Хитрая вдова. Перевела С. Мар.....	341
Божий повар. Перевела Н. Паньшина.....	343
Как мужик барина поздравлял. Перевела Н. Паньшина.....	347
Дележ гуся. Перевела С. Мар.....	348
Хитрый слуга. Перевела Н. Паньшина.....	350
Мужик у барина на обеде. Перевела Н. Паньшина.....	351
Находка. Перевела Д. Эпштейнайте.....	353
Кто людей плутовать научил. Перевела Н. Паньшина.....	355
Святой дух. Перевела С. Мар.....	357
Камень-свидетель. Перевела Н. Паньшина.....	359
Три колесника. Перевела Н. Паньшина.....	360
Ленивая жена. Перевела С. Мар.....	362
Сынок-дармоед. Перевела Н. Паньшина.....	364
Пшик. Перевели Э. Багдонайте и И. Старшинов.....	366
Искорка и огонек. Перевели Э. Багдонайте и Н. Старшинов.....	368
Кто вытащил иголку. Перевела С. Мар.....	373
Королек и купырь. Перевела Н. Паньшина.....	375
Чечевица. Перевела Н. Паньшина.....	377
Детская сказочка. Перевела Н. Паньшина.....	381
Домовой. Перевела Н. Паньшина.....	383
Как лаума бедняцкое дитя качала. Перевела Н. Паньшина.....	386

Лаума-пряха. Перевела Н. Паньшина	388
Папоротниковый цвет. Перевел В. Чепайтис	390
Черти из Тамужине и Имбаре. Перевел В. Чепайтис	391
Отчего солнце светит днем, а луна ночью. Перевела Н. Паньшина	395
Ясень-слепец. Перевела Н. Паньшина	397
Птичий король. Перевел В. Чепайтис	398
Как голубь учился гнездо вить. Перевела Н. Паньшина	399
Отчего кукушка птенцов не высиживает. Перевела Н. Паньшина	400
Отчего у аиста на спине заплата. Перевела Н. Паньшина	401
Кукушка. Перевела Н. Паньшина	402
Жаворонок и жаба. Перевела Н. Паньшина	403
Нетопырь, репей и кулик. Перевела Н. Паньшина	404
Лягушки и солнце. Перевела Н. Паньшина	405
Заячья губа. Перевела Н. Паньшина	406
Волк-дворянин. Перевела Н. Паньшина	407
Дело о трех караваях. Перевела Н. Паньшина	408
Отчего крот по дороге не ползает. Перевела Н. Паньшина	408

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

КОРОЛЕВА ЛЕБЕДЬ. Литовские народные сказки. Редактор Н. Волкова. Художественный редактор А. Климас. Технические редакторы Э. Румбавичене и Д. Протосявичене. Корректор Р. Андрашюнайте

ИБ № 611

Сдано в набор 09.04.87. Подписано в печать 16.10.87. Издательский № 420. Формат 60 x 90 1/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Балтика», 10 пунктов, фотонабор. Офсетная печать. 26 усл. печ. л. 26,81 усл. кр. отг. 23,95 уч. изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ 627. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Витурис», 232600, Вильнюс, Альгирдо 31. Набрано в типографии «Ритас», 235790, Клайпеда, пр. Балтийос 10. Отпечатано в типографии им. В. Капсукаса-Мицкявичюса, 233000, Каунас, пр. Ленина 23

К68 Королева Лебедь: Литов. нар. сказки: Для мл. школ, возраста /Сост. А. Лёбите; Ил. А. Макунайте. — Вильнюс: Витурис, 1987. — е.: 413,[1] ил.

В издании печатаются избранные литовские народные сказки: волшебные, бытовые и сказки о животных.

4803390104 — 008

К—115-88

М 856(08) — 87

ББК 1 82. ЗЛи-6
ЛФ

